

love_sf

Властелина
Богатова
<https://coollib.net/a/181039>

Хранящая огонь

По своей неосторожности княжна Мирина попадает в плен к жестокому племени валганов, что угрожает уж много зим соседним княжествам. Униженная, обесчещенная, забытая всеми, она не надеялась на своё спасение, пока в лагерь к врагам не приехал князь Арьян.

ru

FictionBook Editor Release 2.6.6
25 July 2019
8ACFFDB6-ECA2-4F99-B109-66AB790BB6EA
1.1

v 1.0 — создание
v 1.1 — мелочь ProstoTac

Властелина Богатова
ХРАНЯЩАЯ ОГОНЬ

Пролог

Лес проносился по сторонам белыми пятнами, дышал крепким морозом в лицо, опаляя щёки. Перед зимним коловоротом — самой короткой ночью — всегда так. Холод сковывает панцирем иней стволы деревьев и морозит до такой степени, что даже лёд трескается на реках, и щука застревает его в толще.

Мирина приостановилась, окончательно перейдя на шаг, чтобы отдышаться, окутывая себя густо паром, согнулась в поясе, унимая распалющийся жар в груди, лихорадочно-болезненно втягивая воздух, жадно и резко, до боли, так что под рёбрами в боках ломило. Ноги от усталости тряслись и подкашивались, перед взором встала белая пелена, и хоть до темноты ещё далеко было, а в лесу, будто уже смеркалось. Оправившись от бешеной погони, придя немного

в чувство, она разогнулась, хватаясь за обледелый сосновый ствол. Мелкой дрожью тряслись руки, всё ещё тянуло бок, так она бежала долго, пытаясь будто скрыться от тех чувств и того отчаяния, которые врезались в душу когтями, да только перед взором всё ещё видела воедино сплетённые тела, слышала то, что не должна была услышать — в уши даже сквозь шум крови лились сладострастные стоны княгини, раздирая сердце надвое. И такая лютая злость и обида взяли, что защемило в груди, и княжна, не в силах стоять, вновь привалилась спиной к дереву, зажмуриваясь крепко, пытаясь избавиться от подступающего к самым кончикам пальцев рвавшего душу в клочья отчаяния.

Не такой хотела она для себя жизни, за что недоля? Мирина никак не могла понять и примирится с тем. И это толкнуло её на отчаянный поступок — покинуть стены крепости и слепо пуститься к лесу.

Девушка огляделась, обводя единым взором чащобу, покрытые снежными шапками пудовой тяжести ветви елей да сосен. Нет здесь даже звериных тропок, и дорога где-то осталась позади — с неё она сбежала в беспамятстве своём. На миг да кольнула тревога — заблудилась.

Мирина всхлипнула, осознавая, что плачет, но быстро смахнула смёрзшиеся слезинки с холодных щёк, горячность постепенно утихала, и на место её пришла тревога. Такого она и не хотела, да верно, лучше сгинуть в лесу, замёрзнуть, чем назад. Обида жгла, не переставая, нещадно испепеляя сердце, растирая в прах. Нет, в Ровицу она не вернётся, по крайней мере, не сейчас. Мирина выдохнула, решая да раздумывая, что теперь ей делать. Сначала надо бы дорожку отыскать и выйти к деревне какой, верно их вдоль рек насажено, что репы в борозде. Вдыхая мороз и заставляя себя собраться, она, поправив сбившуюся накидку и шапку, отороченную кунным мехом, отпрянула от дерева, пошла в ту сторону, где было больше света, сулившего простор. Проваливаясь по колено в сугробы, едва не теряя сапожки в них, путаясь в подоле шерстяного платья, Мирина прошла несколько сажень да так и не отыскала ни пролеска, ни речушки, лес будто сгущался только, сковывая в своём плену усиливающимся к ночи морозом. И всё больше она ощущала его силы: занемели пальцы, становясь белыми как снег, и ноги покалывало неприятно. Невольно, а страх всё же настиг, когда ещё через несколько сажень девушка упёрлась в поросшую корявыми соснами с мохнатыми корнями скалу, пластами возвышавшуюся к небу, утыкавшуюся остриём в тусклое небо. Пока оглядывала её во все глаза, не сразу услышала посторонние звуки, но даже не это привлекло её внимание, а навязчивое ощущение на себе престольного пронизывающего насквозь взгляда. Она обернулась да так и остолбенела — под пологом дряхлых древних крон стояли всадники. Мирина, потеряв дыхание, невольно отступила было, оглядываясь по сторонам, да путей отступления не было — позади скала, впереди тати, по сторонам заросли непролазные. Валганов она видела и раньше, часто те навевались в стены городища, да только вблизи и не доводилось встречать никогда. В длинных шубах поверх дегелей[1] из железных массивных пластинок, что покрывали плечи и грудь, крепкие тела воинов внушали лютой страх. Но Мирина задержала взгляд на одном лишь, широкоплечем, богато одетом. Плащ с меховым воротом из чёрно-бурой лисицы, изогнутая сабля на поясе с кованой рукоятью. Он отличался от других и притягивал внимание не только тем, что был сложен мощнее своих соплеменников, но тем, что даже издали Мирина ощутила его жгуче-чёрные, как спелая смородина, глаза, что так жадно оглаживали её. Чёрная борода и усы обрамляли вылепленные будто из глины губы, они растянулись в какой-то хщиной ухмылке, от которой дрожь прошла по спине, упав холодком к поясице. Остальные тоже поглядывали, скользя по её стану жадными похотливыми взглядами, от которых ком поднялся к самому горлу, а сердце заныло от скверного предчувствия и одного только представления о том, что они могут с ней сделать. Время растянулось в вечность, наверное, они не ожидали увидеть в глуши лесной девушку и безмолвно решали теперь, что делать.

Мирина первой дёрнулась в сторону, храня надежду ещё сбежать, бросилась через густой кустарник орешника. Да куда там, колючие ветки вонзились в кожу, царапая лицо и руки, задерживая беглянку, но Мирина от страха и паники не чувствовала ни боли, ни обречения, и, оказавшись в плену зарослей, забилась будто горлянка, запутавшаяся в сети. Кто-то из воинов позади неё окликнул, кто-то присвистнул, кто-то засмеялся над безуспешной попыткой добычи сбежать. Но Мирина помалу да продиралась вглубь, пока не смолкли голоса. Рвя одежду и волосы — шапка её уж давно слетела — услышала сквозь глухое отчаяние неумолимо приближающийся треск сучьев, а потом и грубую брань, исторгаемую устами поимщиков, на непонятном ей языке валганов. Жёсткая пятерня обхватила горло, другая — пояс, и рванула

назад из пут зарослей, так, что в глазах потемнело, и посыпали из глаз искры. Мирина задёргалась в железных сильных руках мужчин, пытаясь высвободиться, выворачиваясь и кусаясь, царапаясь, но делала только хуже, когда поимщик, намотав на кулак косу, волок её обратно к скале, так что Мирина уже больше и не сопротивлялась. Грубый толчок и неловкое падение на колени в снег выбили дыхание из груди. Собирая в кулаках горсти колючего снега, княжна пыталась подняться, да почему-то не выходило то ли от холода, то ли страха, что потряхивал тело, делая его непослушным. Валганы молча обступили свою добычу. Мирина не поднимала глаз, чувствуя, как болезненно толкается сердце в груди, и видела только ноги в кожаных и войлочных сапогах с железными бляшками. Но заминка была недолгой, её дёрнули вверх, ставя на ноги, и мужские руки принялись бесстыдно и жадно шупать и трогать её там, где им вздумается, вторгаясь под полушубок и платье, грубо шупая самые укромные места. Жар залил лицо, застлала глаза горячая влага.

— Какая сочная птишка попалась, молоденькая, груди молочные совсем, упругие. Болезненный щипок вынудил Мирину закусить губы крепко, а слёзы сами собой потекли по скулам.

— Угдей! — окликнул низкий, густой и какой-то обволакивающе-грудной голос. — Довольно. Оклик вынудил грубые касания прерваться. Тот, кого Мирина выделила из остальных, спешился упруго. Приблизился неторопливой уверенной поступью, одним взглядом отодвигая собравшихся, вынуждая немедленно выпустить девушку. Вблизи мужчина был просто огромен — скалой грозной возвысился над княжной, затмевая собой свет, задушив пленницу ледяным взором. Теперь на его лице не было ни ухмылки, ни обжигающей остроты, карие до угольной черноты глаза поглощали, как замшелые топи, какой-то непреклонной беспощадностью, скользили по её лицу задумчиво, вынуждая нутро сжиматься и трепетать.

— Ты одна тут? — спросил, и вопрос вонзился осколком в грудь.

Мирина, подавив подступившее рыдание, кивнула. Тёмные брови под меховой шапкой сошлись на переносице, он с недоверием посмотрел на неё, скользя взглядом по её стану к бёдрам, от чего щёки вспыхнули жаром — никогда никто не смотрел на неё так, даже Вортислав. Взгляд, медленно шупая каждый изгиб тела, вернулся обратно к лицу, задерживаясь на губах. Стянув перчатку, мужчина вдруг протянул руку. Мирина невольно дёрнулась, но тут же её локоть был сжат пятернёй его сильной руки. Подхватив её светлую прядь волос, он пропустил её через пальцы. Мирина наблюдала, как в черноте его глаз заплясали золотистые искры, он, снова глянув ей, казалось в глаза, в самую душу нырнул. Пальцы мужчины коснулись её подбородка, скользнули по губам, погладив кровотокающую ранку. Мирина это ощутила по тому, как защищало лопнувшую губу. Она затаилась, ощущая, как дыхание дрожит, а сердце колотится бешено, неровно, сбивчиво. Знала, что лучше и не противиться, ощущая угрожающую опасность нутром, да невольно дёрнула подбородком, не в силах терпеть мучительное оживание и унижение, отвернула лицо, сглатывая клекотавшую в горле тошноту, и тут же поплатилась — мужская пятерня схватила за ворот шубы и рванула так, что ворот платья, врезавшись лезвием в шею, лопнул, а Мирина мгновенно была прикована к его могучему телу. Не успела она опомниться, как жадные жаркие губы впились в её, сминая, подчиняя, кусая до боли. Мирина, захлебнувшись возмущением, только потом поняла, что кричит, только крики эти задерживались где-то в горле. Насытившись поцелуем, вождь выпустил её, отстранился, схватив за волосы на затылке, вынуждая смотреть ему в глаза. Смоляные, налитые какой-то свирепой необузданной силой глаза вонзились в неё, от их пугающего вида внутри Мирины смёрзлось всё, она ощутила, как чернота зрачков утягивает в самую глубину, где было настолько пусто, будто она оказалась на краю пропасти. Губительные, невыносимые, лютые глаза в окружении белого снега, как две чёрные воронки, буравили и утаскивали в эту самую пропасть, не давая иного пути, кроме как ступить в бездну.

— Со мной поедешь. Моей будешь, — только лишь сказал мужчина, обжигая губы девушки горячим дыханием.

Отлепив от неё взор, он отступил, и Мирина почувствовала облегчение, и вместе с ним из недр её заледеневшей было души поднялось неверие в происходящее и гнев, она хотела крикнуть ему в след, что никуда она не поедет, что она княжна, и он не смеет её вот так забрать, да только всё внутри сжалось от осознания неизбежного, что и не в силах была языком пошевелить.

Потому она провалилась, словно в яму, в беспамятство, и ничего не существовало больше вокруг, кроме всепоглощающей безвыходности.

[1] Дегель — пластинчатый доспех типа бригантины.

Глава 1

Ночной сквозняк залетал сквозь щель приоткрытой войлочной полы навеса, неприятно холодил покрывшуюся испариной кожу, оглаживал, как грубые шершавые ладони Вихсара, живот, плечи, лицо, изредка наполняя душно натопленный шатёр хоть и прохладным, но совершенно сухим воздухом.

Мирина поморщилась и сглотнула вязкий и горький вкус с языка — горло запершило. После долгого изнурительного соития в невыносимо жарком плену тканевых стен страшно захотелось пить. Она вяло провела взглядом по освещённым тлевшими углями очага углам шатра, выискивая глазами ушат с водой. Впрочем, он по-прежнему стоял на своём месте, с тех самых пор, как вождь стал таскать девушку в свою постель. Она приподнялась на смятых и ещё влажных простынях, которые липли к коже, но развернуться толком не позволила рука Вихсара — ладонь его свинцовой тяжестью по-хозяйски обхватила девичью грудь. Тёмные руки вождя на фоне её белой кожи казались бронзовыми, они ещё мгновение назад подчиняли и сминали, не давая ни доли отступления и передышки. Мирина с невольной брезгливостью чуть повернула голову, скосив взгляд на раскинувшего рядом голого мужчину, от которого веяло терпким, непривычным для её тонкого чутья запахом горькой полыни и сухого типчака, что забивал воздух, мешал дыханию. Этот запах угрожал и подчинял, заполнял голову и всё окружение, внушая страх, выказывая право обладать всем, что попадало под его влияние. Впрочем, Вихсар, молодой и сильный вождь, уже набравший силу и влияние, вдвойне усиливал этот напор, корёжил и ломал не только тех, кто слабее, но подрывал уверенность в более опытных воинах. И слава Богам, уснул он быстро, едва выпустив из тисков свою жертву. Мирина скользнула взглядом по тёмным смоляным волосам, разметавшимся по ярко-бордовой, как маки, подушке. Волосы его липли к низкому лбу и заострённым смуглым скулам, тёмные поросли усов и бородки очерчивали пухлые губы, чёрные как дёготь брови хмурились во сне, на висках проступили капли пота. Наверное, он имел привлекательные черты, недаром наложницы грызутся за него каждый вечер и с завистью сопровождают ту, на которую пал выбор вождя. А в последнее время он не прочь затащить к себе и невольниц, а точнее, именно её, Мирину, что накликало гнев его блудниц.

Подавив поступившее к горлу отвращение, девушка отвернулась. Пониматься поостереглась, пробудится ещё, вновь залезет на неё. Ощущение мучительной угнетённости вытеснило все иные чувства, погружая её в болото. Не ожидала, что после той её первой ночи, проведённой в его постели, он захочет её снова. Тогда она ещё пыталась сопротивляться, кусалась и пинаясь, но в итоге поплатилась. Рубцы только сходили, зудели нестерпимо на плечах, напоминая о жестоком наказании. Это и выбило из неё всякое желание идти наперекор хозяину. В ту ночь вся жизнь и рухнула, беззаботное светлое прошлое и сама она рассыпались, как глиняные черепки, собрать которые теперь уже и невозможно. Что толку от такой чаши, не удержишь в ней ничего: ни воды, ни горсти камней.

Разрушилась, — зло и горько усмехнулась внутри себя. Не из тех женщин с железной волей, не возымела храбрости и духа лишить себя жизни, лишь бы не оказаться в руках чужаков, невольницей в постелях тех, что крушили, разбивали, как богатую, но потерявшую ценность посудину. Для них женщины — просто кусок плоти, с которой можно выместить всю свою необузданную дикую грубость и извергнуть семя.

Вспыхнувшую ярость Мирина тут же залила ледяной водой отчуждения. Зачем напрасно истязать себя? Снова вдохнула туто. Если ум усмирить могла, то сердце болело. Болело нещадно.

Мирина, зажмурившись, отвернулась к тонкому прозрачному занавесу, что отделял ложе от выхода, присмотрелась, разглядывая в густых ночных сумерках просвечивающиеся сквозь

ткань всполохи очага, всем духом отстраняясь от своей боли и несметной тоски по дому, всеми силами прогоняя её от себя.

Прислушалась.

Лагерь спал, только одиноко позвякивали колокольчики у входа, изредка доносились голоса стражников — непонятный, грубый, чуждый сердцу говор. Не привыкла и не успела узнать, да и не пыталась, тая надежду, что ей это и не понадобится, что случится чудо, и её вызволят. Хотя это жарко возгорающееся в сердце ожидание постоянно горсткой пепла оседало на душу остатками разочарования. Недаром отец твердил — в неволе женщина погибает, становясь под гнётом опаляющего солнца бесплодной твердью, и как бы ни лили дожди, а из камня не прорастёт колоса. Как же прав был он — мир вокруг неё словно вымер, оставляя голые пустынные степи и сухой ветер.

Два раза она устраивала, побег и оба раза её ловили. Что было потом, какое наказание для неё устраивал Вихсар, она решила выскоблить из памяти. Мирина снова бесшумно втянула в себя горький мужской запах, зажмурилась от душащих слёз, но их уже и не было, только скудные горячие дорожки обожгли щёки. Вновь, в который раз корила себя за глупый свой поступок, совершенный ещё зимой. Знала бы, что побег из Ровицы толкнёт её на одну тропу с валганами, осталась бы в стенах княжества, пусть и вышла б за Вортислава, но жила бы себе в своих угодьях и беды бы не знала, пусть и без желания, но добровольно под законного мужа ложилась бы в постель, под сводного брата погибшего отца. А теперь, опороченная, отдаётся врагу, что проливает кровь родного племени, терзая чужих жён в неволе.

Дыхание из груди исчезло, встало в горле сухим терновым узлом, и сердце, задушенное отчаянием, под огненной ладонью Вихсара забилось скупое.

Перезвон колокольчиков отдалённо пускал рябь в помутневшие, тяжело ворочающиеся, давящие на виски мысли. Как бы ни душила боль, а усталость взяла верх над бранным телом, что попользовал Вихсар этой ночью. Угомонилось вскоре и сердце. Мирина не заметила, как провалилась в сумрачное беспросветное небытие, где мутными сгустками тяжёлый водянистый туман скрывал тёмные глубины, увлакивал в бездонную гнетущую пустоту, заволакивал тёмным пологом и разъедающую силы тягу к родным землям, и запах цветущих лугов, и уют дома — всё сокрыл от глаз и сердца. Хотя бы на время перестала она видеть терзавшие душу воспоминания, но теперь она знала запах собственного горя, что въелся в кожу, пропитывая каждый клочок её тела, каждую частичку души.

Проснулась Мирина, когда уже белёсый туманный свет сочился через щели. Воздушной пылью он чертил в сумеречном шатре клинки полос, что врезались в пол, устланный богатыми узорными коврами, в решётчатые стены, завешенные цветными тканями. Только теперь она видела, какой беспорядок был внутри. Вихсара рядом на удачу не оказалось. Девушка тяжело поднялась на локти, едва шевеля изнывающим от ломоты телом, затёкшим от неудобного положения, в котором проспала она остаток ночи. И как только пережила эту ночь, да всё то, что случилось с ней, не могла понять. Но вдруг предрассветную тишину молотом раздавил голос Вихсара, прозвучавший за занавесью. Он говорил на своём языке, и нечего в его речи девушка не разобрала.

Сползла с постели — убраться поскорее, пока он занят, пока не задержал её более, подминая под себя, как это бывало много раз.

На цыпочках прошла вглубь, случайно поддев носком ту самую одежду, которую вчера зашвырнул сюда Вихсар. Нагнулась, подняла с пола рубаху, торопливо натянула на себя, чужую поношенную и потемневшую от времени. Её одежду, шубу богатую и драгоценности вместе с оберегами родных Богов отобрали сразу же, как только она прибыла в лагерь. Расправив помятое, пропахшее дымом платье, что так же она отыскала на полу, натянула на себя, просунув растрёпанную голову через ворот. Быстро разодрал длинные спутанные волосы пальцами, наскоро заплела в косу.

За пологом Вихсар поднялся, его могучие очертания просачивались через тонкую ткань. Крепкий, с развёрнутыми плечами, высок и грозен, будто каменная гора ожила. И прежде, чем ранний гость ушёл, скрывшись за пологом, и вождь распахнул занавес, Мирина, схватив пояс, выскользнула наружу и тут же прищурилась от яркого, невыносимо белого света солнца, что ударил по глазам. Поморгала, привыкая, пока перед ней не развернулся широкий лагерь валганов. Тугим мощным напором, словно порвавшаяся плотина, хлынули на неё звуки и

запахи — жизнь продолжалась. Слава богам, Вихсар не окликнул её, позволил уйти, впрочем, он верно и хотел того — выставить её вон, шибко разоспалась невольница.

Ветер ворошил стяги и ткани, лоснящиеся травы. Лагерь утонул в низине, а кругом, куда ни глянь, степь на все стороны, путь, выстеленный метёлками топчак и ковыля, ни дубрав, ни лесов, неизвестно, в какой стороне родной край. Вершух, так называли холмистые дали, что раскинулись вдоль реки Вельи.

Подпоясавшись на ходу, под звериными и смеющимися взглядами стражников Мирина пошла вглубь раскинувшегося на долгие дни задымлённого кострами становища, ощущая липкие взгляды мужчин, будто облапали её со всех сторон потные ладони. Но её они не трогали, в то время как других невольниц воины пользовали, когда им вздумается. Могли и среди белого дня затащить за угол, или ночью, когда спишь уже крепко.

Направившись к женским шатрам, где держали других пленниц, по несчастью угодивших в лапы кочевого племени, Мирина до цели своей не дошла, путь преградили, накрыв тенью, и сразу зябь пробежалась по плечам.

Лоснящееся от гладкости лицо самой старшей наложницы скривилось, выказывая презрение. Остро смотрели янтарные глаза, две тёмные, что сырая земля, косы, украшенные бусинами да подвесками кованными, ужами змеились по груди девушки. Да и убранство девушки — платье с вышивкой, украшения на груди и запястьях — говорило о том, что она была самой желанной Вихсаром среди наложниц. Девушка вдруг занесла руку, и Мирина сдержалась, чтобы не дёрнуться, но взгляд всё же опустила, ожидая удара, а когда вернула, увидела насмехающееся лицо девушки.

— Лахудра, — сказала, дёрнув за наспех заплетённую светлую косу. — Когда-нибудь подпалю их.

— Лавья, — окликнула строго наложницу вождя женщина постарше, приближаясь, быстро подбирая подол юбки, — тебя дела ждут.

Лавья бросила злой взгляд на невольницу, отступила, сжала плотно губы.

— Пей, — надсмотрщица сунула в руки девушке чарку мутной жидкости. — Зачастил он тебя.

Нечего вымесков плодить, хватает нам ртов.

Мирина приняла, не колеблясь, зная прекрасно, что делают с теми, кто случайно зачат, не хотелось оказаться под руками повитух, что бросят дитя в яму. Такого она не желала, уж лучше сразу смерть.

Питьё было горьким, сжала горло вязкая тошнота. Пересилив её, выпила всё до дна. Женщина, пронаблюдав за ней подняла подбородок, оставшись спокойной, всучила Мирине щётку деревянную.

— Бегом чистить ковры.

Мирина безропотно прошла к вороху тряпья, что вынесли другие невольницы для чистки и мытья. Подхватив сразу несколько пыльных скруток, ведро, пошла к водоёму.

Утро было ветренным, но тем не менее ослепительно изливало коло тёплые лучи, оглаживая и лаская. Дни были похожими друг на друга, Мирина даже не заметила, как пришла весна, одаривая богатым цветением трав, аромат которых так дурманил голову. В её княжестве уж праздники гуляют, закликают весну да жаворонков. Впрочем, раздумывать о том не получилось долго, работа понемногу увлекла, не давая тоске с новой силой задушить. Под наблюдением сварливой надсмотрщицы принялась таскать воду, выливая на ковры. Подвязала платком волосы от хоть и по-весеннему нежного, но всё же припекавшего солнца, которое в здешних местах казалось ниже и больше. Подпихнув подолы юбок, чтобы не мешались, опустившись на колени, принялась с усердием и силой натирать ворсу.

Другие пленницы так же работали ныне, никому не позволяли переговариваться. Лишь поздним вечером, когда все улягутся спать, была возможность словом обмолвиться, и то не всегда — после тяжёлого труда сил оставалось только доволочить ноги до лавки, а уж ворочать языком и вовсе не было мочи. Были среди девушек и землячки, племени воличи, из коего и сама Мирина родом, да не простая она девка из общины глухой, но о том она не рассказывала, утаила. А теперь, в неволе, казалось, было это будто из другой жизни. Хоть и прошло всего несколько месяцев, а в кровь уж вьелась рабская доля. После ночей с вождём так и вовсе срослась со своей горькой участью. Иногда такое равнодушие накатывало и безразличие, что разница уже и не ощущалась.

Мирина ходила за паласами за день десять раз, и к концу вечера спина рассыпалась, болела поясница — не разогнуться, задубевшие, ставшие грубыми и жёсткими руки словно отсохли, уже не держали ничего, а ведь вымытые влажные ковры ещё нужно было развесить. Поднимать их было тяжело, спина совсем взмокла. Тряслись руки. Когда подтягивала ковёр, края вдруг сами собой выскользнули, и, не устояв на скамье, Мирина повалилась с неё, невольно уцепившись за края ковра, сорвала его. Верёвка не выдержала веса, лопнула, и тут же на песок рухнули вымытые ею за день остальные ковры.

— Ах ты криворукая дрянь, — взвизгнула старшая женщина, взъярилась.

Как она оказалась рядом, Мирина и заметить не успела, лишь только сжалась, едва женщина хлестнула её кнутом по спине, но как бы ни готовилась, а спину полоснула боль.

— Хайна! — вылетел откуда ни возьмись, как ворон, вождь.

Мирина вздрогнула от громыхнувшего, что гром, голоса Вихсара.

— Ковры все испортила, — усмирилась женщина тут же, преклонив низко голову, пряча пылающие гневом глаза, не смея глядеть на хозяина.

Вихсар цапнул взглядом сжавшуюся на земле невольницу, подступил к растерявшейся женщине, вырвал кнут из её рук, подпёр её подбородок, посмотрел ей в глаза. Сказал что-то.

Мирина не разобрала, но лицо женщины вытянулось и побелело, превратившись из медно-золотистого в бледно-ореховое. Вихсар, больше не глянув на Мирину, обогнул женщину и широким мощным шагом пошёл прочь. Старшая, очнувшись, зло сощурила глаза. Мирина только теперь заметила, что из-за полога кошмы выглядывает Лавья, а значит, покоя ей этой ночью не ждать, и заступничество вождя, крайне удивившее девушку, обернётся ей боком. Но Мирина не боялась ничего, она вытерпит, не впервой. Скомкав в кулаках подол платья, не отвела прямого взора от старшей, не кинулась к ногам целовать ступни и молить о пощаде, и та посчитала это за вызов, а значит, придётся туго.

Женщина, спесиво встряхнув косами, что падали из-под платка, закрученного вокруг головы, пошла прочь.

— Сильно ушибла? — услышала Мирина нежный голос Малки.

Рыжекосая зеленоглазая девушка помогла подняться с земли. Мирина улыбнулась ей коротко.

— Ничего, пройдёт, — ответила, хотя спина горела так, будто в рану песка насыпали.

— Теперь беды ждать, видала, как на тебя зыркнула ведьма проклятая?

Мирина, вытерев взмокшие ладони с налипшим песком о подол, глянула в сторону наблюдавшей за ними Лавьи.

— Ничего, ещё посмотрим, чья возьмёт, ещё живы пока, — повысила голос Малка.

— Тише. Ни надо, Малка, не говори ничего, — прошептала Мирина, осматриваясь и столкнувшись взглядами с другими наложницами, что выбежали поглазеть. Вот зараза!

— Мне плевать! — взъерепенилась девушка, и в глазах её Мирина увидела плескавшееся обречённый гнев. — Скоро раздавят их, как ужей, подушат воличи.

Мирина, не зная, что сделать, чтобы девушка замолкла, смотрела на неё со страхом. Малка всех пленниц на уши поставила этой вестью, что якобы идёт на Вершух сама княжеская дружина Вяжеслава, только дни проходили за днями, а воины так и не появлялись. Хоть разбирала Малка вражью речь, жила в логове их уж больше года, да только могла и спутать что.

Глава 2

Ветер к полудню поднялся сильный, рвал траву, хлестал по спине, выдёргивал из рук воинов кошму, не позволяя натянуть на поставленные оси для шатров. Три дня пути — и дорога, наконец-таки, привела к узкой пойме Вельи, к крутому берегу, поросшему кустистым можжевельником. Дёрн здесь был плотным, что не воткнуть и колышка. Стройная, с плавными изгибами, река, словно скромная девица, пряталась вдалеке, протискиваясь через каменистые берега. Здесь и встала княжеская дружина, прямо под боком недругов, что расселились, по словам дозорных, вёрстах в десяти от выбранного отрядом места. Теперь ещё две ночи околачиваться у берегов вражеских земель, а значит, сна спокойного не будет. Хоть и не шибко буйствует племя валганов, а подпирает с одного края, врезаясь в границы занозой, вроде и забываешь о пустяковине, а нет-нет да кольнёт неожиданно. И заноза может целой бедой

обернуться коли не выдернешь из-под кожи заранее. Вот как нынешней весной, не ждали напасти, а она пришла. И всё из-за того, что хан Бивсар над племенем валганов своего старшего сына дела вершить поставил, а тот, ясное дело, по горячности да молодости шибко размахнулся да позарился на то, что ему и отроду никогда не светило — потеснить воличей. И как бы ни злила его дерзость, а княжичи не с мечом едут к нему, так же, как и не с миром, а посмотреть сперва, что да как, чем Вихсар, новоиспечённый вождь валганов, дышит, да дать понять, что шутки плохи с братьями княжества Явлича, сынами князя Вяжеслава, правителя воличей, коли тут не подрубит свои корни, что тянутся туда, где им не место. Да не только посмотреть, а и сказать, что позволять вольничать не собираются, и коли что, узнают валганы, с каким мощным племенем собираются вражду вести. И так вон много сил ушло на одно только то, чтобы посадских усмирить, с приходом валганов подняли такую бучу, что прямо на площади у храма — места святого — едва бойню не устроили со спора горячего.

Ветер снова хлынул по молодой траве, заиграв тенями, рванул полы плащей, снова выхватив полотно из рук, чем вызвал громкую брань мужчин. В поле голом — это не в ворожеских лесах, прятаться негде как от стрел недругов, так и от непогоды, которая здесь шибко неприветливая. Арьян, щурившийся от потока ветра, вынырнув из раздумий, обвёл взором изумрудно-махровые в багряном цвету воронцов берега, поворачиваясь к становищу. С горем пополам шатёр был поставлен, разожжены костры, над которыми уже готовилась зайчатина да дичь, воины времени своего не теряли, были заняты каждый своим делом, чтобы потом хоть ненадолго без забот отдохнуть с пути. Несмотря ни на что, мужская ватага взбодрилась, воины смеялись и шутили, а когда понёсся по просторам запах съестного, стали собираться, словно рыба на прикорме, вокруг кострищ.

Арьян, оглядев окрестности, вернулся к остальным, отдал распоряжение воеводе и десятнику, отправился напрямик в поставленный для братьев шатёр, чтобы смыть с пути пыль да пот, нырнул под полог, пригибаясь, погружаясь в тишину да полумрак, расстёгивая ворот налатника, высвобождая горло и грудь. Задышалось полнее. Но вдруг замер, обведя взором пустующее укрытие, развернулся и вышел обратно, оглядел становище, но так и не выискал среди кметей брата.

— Где Данимир? — окликнул он Митко, младшего помощника, что развешивал просушивать от сырости плащи.

Арьян ещё раз скользнул взглядом по воинам, находя и воеводу Радьяра, и десятника Векулу, но только не младшего княжича.

— На реку пошёл.

— С кем?

— Так один, княжич, — ответил парень, виновато пожимая узкими плечами, смахивая рыжеватые вихры с лица.

Арьян, бросив плащ, который всё ещё держал в руках, на плечо отрока, и едва не свалив того тяжестью, широким шагом направился в сторону реки. Утопая в траве по колено, вышел к устью, где каменистый берег обрывался резко, а до воды была где-то косая сажень высоты. Данимир, завидев старшего княжича, широкими размашистыми гребками поплыл к берегу. Арьян подал руку брату, обхватывая крепко его холодную, как у болотника руку, помогая тому взбежать на берег. Младший как нарочно тряхнул мокрой головой, разбрасывая ледяные капли. Арьян скользнул взглядом по серебристой глади — не мешало бы ему самому окунуться, да только с детства, как едва не утонул, опасался воды. Правда с взрослением позабылось всё, и вполне плавал, да только в своих реках, не в чужих.

Данимир поднял на брата чуть насмешливые зеленовато-серые глаза, видя, как старший княжич хмурится, но говорить ничего не стал, знал, что уколоть тот тоже может, да так, что обижался в итоге всегда младший. Сейчас Данимир сильно был похож на матушку, что ушла в светлые чертоги вырия ещё прошлой зимой. Невольно пробуждал он в сердце острое, как игла, чувство утраты вместе с какой-то глухой тоской. Светлые, как и у самого Арьяна, ровного от природы орехового цвета волосы сейчас закручивались кольцами, капала непрерывно с них речная вода.

— Уйдут, как только заявим, что чужого брат не стоит, — сказал Данимир, шагая наравне с братом.

Арьян посмотрел на княжича задумчиво. Хотя разница в возрасте чуть больше года, а всё же разные они были. Не переставала удивлять беспечность Данимира — тому и по жизни всё легко

давалось, и прощалось всё в детстве быстрее за разные проказы. И отдувался за него всегда Арьян, даже когда и виноват был младший.

— Я бы не стал на то надеяться, Данимир. Смотри, не ляпни чего лишнего. Нам такие враги не нужны, в рознь они, что мухи, слабы, но стоит собраться...

Данимир свёл брови, а потом вдруг улыбнулся широко, и Арьяну вовсе не понравилась его ухмылка, и знал, что за ней скрывалась затея шальная.

— Как скажешь, — отмахнулся он, смотря под ноги, подумал, а потом продолжил: — Говорят, у них женщины горячие, как угли.

Данимир когда видит подол юбки, сразу ум теряет, и работает то, что в разговорах вовсе не поможет. А о том, что женщины валганов обольщать могут не хуже дев речных, что заманивают в тёмные омуты, Арьян знал хорошо. Да и не только валганки, а все женщины. Они же, как пламя костра, вроде и греют, а стоит приблизиться, не только руки обжечь можно, но и сгореть дотла. Потому Арьян уяснил для себя две истины: не погружаться в воду целиком и не приближаться к огню слишком близко.

— Ты, я смотрю, только за тем и едешь, чтобы валганку в тёмные кусты затащить? Смотри, как бы тебе углей эти в штаны не насыпали, — пришёл черёд Арьяна широко улыбнуться.

Данимир усмехнулся, качнул головой, натягивая рубаху на подсохшее на ветру тело, заиграли бесовские огоньки в его ясных с купания глазах, будто уже мыслил, как то станет исполнять.

После трапезы были долгие посиделки да разговоры, пока не вернулись посланцы, что уехали задолго до того, как ватага остановилась на берегу. Вернулись с вестью о том, что Вихсар ждёт княжескую свиту у себя на становище и с уважением примет княжичей. Долго собираться не стали, подпоясавшись оружием да заковав снова себя в броню, оставив в лагере десятника вместе с отрядом опытных воинов, чтобы на случай чего часть за подмогой бросилась, а другая — на выручку, покинули берег.

Когда путники достигли становища, уже сгустилась ночь. Холмы расступились, открывая тонущий в свете костров лагерь недругов. Десяток шатров раскинулся у небольшого водоёма, берег которого кутался в серебристую дымку, что стелилась по водной глади, поглощая красноватое отражение отблеска нарождающегося месяца.

Арьян обернулся, окидывая единым взглядом своих людей, внушая им спокойствие и в то же время готовность к самому неожиданному исходу. Но того не требовалось, лица их и так выражали недремлющее сосредоточение. Только расслабленный вид Данимира рушил всю серьёзность происходящего. И с ним Арьян ничего не мог поделать, разве только в очередной раз вспомнить отца, который стоит на том, чтобы сыновья были вместе и все дела вершили в согласии.

По мере приближения стал слышен шум лагеря. Стражники числом в два десятка встретили ватагу хмуро и неприязненно, но, не смотря на враждебность, что сыла в их глазах, позволили отряду въехать свободно в самую сердцевину становища. Проезжая под напряжёнными взглядами валганов, оглядываясь по сторонам, Арьян заметил среди собравшихся и женщин, которые, едва только въехали воличи, попрятали за платками свои загорелые, облаканные ветрами круглые лица, попрятались за пологи. Однако всё же любопытство заставляло их выглядывать из укрытий, и они румянились, едва напарываясь на цепкие взгляды княжичей. Девушки валганов были похожи между собой и отличались лишь тем, что некоторые были полнее, а другие, напротив, худощавее. И одежды вроде одинаковые, а всё же, если приглядеться, на одной больше вышивки и украшений, чем на другой. Горящий и голодный взгляд Данимира блуждал по лагерю, выискивая самых сочных. И глаза, как бы того не хотелось Арьяну, ему не завяжешь.

Княжич оглядел мужчин. Те были облачены в длинные цветастые кафтаны без петель, на запахах, и в меховые шапки, на поясах висели кнуты да изогнутые клинки в кожаных ножнах. Валганы расступились, пропуская вперёд рослого широкоплечего воина — судя по всему, это и был вождь Вихсар. Тёмные, как колодцы, с холодным блеском, глаза смотрели на пришлых неподвижно и стыло, и в то же время плескалась в них сила и молодость. Одет он был богаче остальных, в расшитый кафтан, поверх кожаный налатник, отороченный кунным мехом, кинжал на поясе с окованной серебром рукоятью, такой же гнутый клинок, только из стали редкостной, на шее связка амулетов из костей да железа, в тёмных длинных до плеч волосах поблёскивали бусины. С обеих сторон вождя обступили не менее внушительные мужи — его ближники.

Отсветы костров и факелов на длинных, воткнутых в землю крепежах, мазали по бронзовым хмурым их лицам бликами, чертили резкие тени, дела лица хищными.

Спешившись, Арьян вместе с Данимиром и воеводой приблизились к свите. Некоторое время смотрели друг на друга напряжённо, изучающе. И как приветствовать тех, с кем дружбу не вязали и вязать не собираются?

— Не ожидал приезда в столь скромное своё прибежище столь важных гостей, — начал первым вождь, сокрушая воздух, раздувая узкие ноздри, прищуривая дегтевого цвета глаза, глядя остро, и не поймёшь, что у него на уме творится.

Арьян заметил, как Данимир пошевелился, посмотрев коротко на закаменевшего брата.

— Как же не наведаться к столь редким гостям, что остановились близ княжества Явлич, — проговорил младший княжич, забирая право молвив вперёд старшего.

Впрочем, Арьян сказал бы куда более резко, нежели это сделал Данимир.

Вихсар настороженно обвёл взглядом братьев, а потом вдруг дёрнулись в короткой усмешке губы, он обернулся на своих ближников, переглянувшись с ними. Данимир перевёл взор на Арьяна, мелькнуло и тут же пропало в нём беспокойство.

— Коли так, — повернулся к княжеской ватаге вождь, — милости прошу к моему очагу, — он широким жестом пригласил в шатёр, что был среди остальных самый высокий и просторный. Арьян разжал пальцы, только теперь осознавая, как твёрдо до того мига сжимал рукоять меча, перевёл дух и шагнул первым в сторону входа. За ним последовал и брат. Радьяр вместе с кметями остался снаружи. Внутри, как оказалось, было светло, в задымлённом оранжевом свете горел очаг, в лицо пахло терпким запахом трав, что оседал на язык каким-то песком.

Прислужники, клоня головы и прогиная спины, отползли к самым дальним углам.

Убранство было богатым: расстелены на земле ковры, змеились золотом и серебром по тканям узоры так, что зарябило в глазах и заслезилось. Арьян прошёл вглубь за вождём, который опустился в ворох шёлковых и бархатных подушек и тюков.

— Прошу, — указал он на места рядом с собой.

Только расселись у огня, как тут же поспешили прислужники, поставив перед гостями низкие на коротких ножках деревянные столики. И всё же, хоть и шатёр большой, но было тесно, и Арьян, усевшись, чувствовал себя медведем в берлоге, неповоротливым сделался. Данимир, напротив, как дикий кот, скользнул на пол, скрещивая ноги. Вихсар с ухмылкой плавно опустился напротив братьев. Теперь вид его был более мягок, или это казалось от игры света, что окутывал тягуче каждый предмет и посуду диковинную, вытянутую, из серебра и бронзы, и ткани.

— Наслышаны мы, что Бавсар недужит, — проговорил Арьян, сцепив руки в замок.

Взгляд Вихсара будто опрокинулся внутрь себя, он опустил взор, взял наполненную слугой чашу.

— Слухи не врут, — он приподнял посудину, призывая гостей выпить с ним.

Арьян от того оказываться не стал, дабы не быть непочтительным, принял налитую до краёв бордовой, как кровь, жидкостью чарку, поднёс к лицу, вдохнув сладковато-кислый запах, узнал вино из черноплодной рябины. Данимир последовал его примеру.

— Что ж, множество лет пусть даруют боги Бивсару, — сказал Арьян, уж как бы ни кривилась от вынужденной лести душа, отпил, вино тут же обволокло горло, согрело. Княжич взял сушёных абрикосов, положил в рот.

Повисло молчание.

— А я слышал, что князь Вяжеслав отходит от своего стола княжьего и передаёт его в руки старшего сына.

Арьян переглянулся Данимиром. И в самом деле, именно так, и не потому, что пришло время, а потому, что после ухода княгини отец всё больше отрекался от дел да в храм зачастил — изъела его тоска. Прислужники принесли курильни, поставили поле гостей одну, а другую — подле вожды.

Затянувшись через трубку дымом, Вихсар подал знак слугам. Один из них тут же оказался рядом, склоняясь к хозяину, вождь тихо что-то велел, тот послушно закивал и быстро удалился. Вихсар, затянувшись из трубки, пустил густые клубы дыма, сощурил глаза, которые мгновенно стали водянистые и блуждающие. Сколько бы Арьян ни пробовал мокрого табака, а всё не нравилось ему — дым, от которого дуреет голова, а тело становится вялым и размягчённым, как

у старика. Всё же втянул его глубоко в грудь, в голову тут же ударила кровь, прошибая ум, поплыли лениво мысли.

— За мирную встречу мы с братом благодарны тебе, — начал Арьян, переходя к делу. — Но знаешь же, что с твоими отцами наши отцы воевали.

— Знаю, княжич, что приехал ты не для того, чтобы вести душевные разговоры. Но и на земли твои я не ступаю, зря вы затревожились, — сузил до щёлок глаза Вихсар.

В них блеснула насмешка, или мерещится уже от доли дурманного дыма, но кулаки Арьян сжал.

— Пребывай здесь сколько пожелаешь, главное, чтобы народ не трогал и вреда ему не чинил, глядишь, может, и забудется старая вражда.

Вихсар, отняв трубку от рта, усмехнулся в чёрные усы.

— Нет, княжич, не забудется никогда пролитая кровь в землю, которую мы, благодаря тому, топчем до сих пор.

Напряжение повисло, и прервал его Данимир, который то ли нарочно поперхнулся, то ли затаил много дума в себя.

— Но я не против попробовать изменить традицию, княжич Арьян. Мы должны быть мудрее своих предков, — откинулся он на подушки вальяжно.

С улицы внезапно послышался сначала тихое, а потом и ритмичное постукивание в нагару, затем послышалось биение другого, полился непрерывный звук, что проникал вместе с дымом и сладким вином в кровь, в самое нутро. Вихсар улыбнулся.

— Ныне вы мои гости, пейте, отдыхайте вместе со мной, несмотря ни на что я рад, что вы здесь.

Следом после его слов откинулась пола навеса и в задымлённый шатёр выплыла женская фигурка, а за ней и ещё одна. За ними вошли и играющие в нагары мужчины, размещаясь у входа. Вихсар довольно оскалился, наблюдая, как девушки ступили босыми ногами по цветастому ковру. Краем глаза Арьян проследил за Данимиром, тот, отложив трубку, вперился ошалелым взором в наложниц — он-то такого ещё не видел. Не знал, насколько те могут быть изящны и вместе с тем ядовиты. Арьян то познать успел, в отличие от брата, который пожирал полуголых, в украшениях, валганок, на бёдра коих лишь были накинuty полупрозрачные воздушные ткани, что струились к полу, легко вспархивая при малейшем движении. Впрочем, танец их завораживал, беря во власть мужские взгляды, разжигая похоть, пробуждая не самые скромные желания. На то, как плавно и грациозно перетекают формы женского тела, словно вода или горячий воск в руках, можно было смотреть бесконечно. Слишком скорого в штанах стало тесно. Извиваясь под удары ладоней о натянутую кожу нагаров, валганки продолжали свой танец, тёмные волосы скользили по спинам, по груди, украшенные серебристой паутиной драгоценностей, вздымались и опадали пышные белые груди, стиснутые вышитыми золотистой нитью чашечками. Одна из них, неподвижно смотря на Арьяна, подступила, опустившись на колени перед гостем. Обдало пряным и сладковато-тягучим ароматом цветов. Дрогнули в янтарных глазах девушки огни, томно заблестели под заволакивающими тенями ресниц, будоражили, беря в плен. Проведя узкой ладонью по своей упругой груди и плоскому, мягкому животу, девица подхватила чашу с остатками вина, пролила себе на шею и, снова прильнув к мужчине, окутав водопад смоляных волос, вынудила собрать оставшиеся капельки с кожи губами. Вихсар со спокойной заинтересованностью наблюдал за действиями наложницы, в то время как другая обхаживала совсем потерявшего ум младшего княжича. Рука валганки в то время слегка коснулись его щеки, мягкие маленькие губы оставили влажную дорожку на шее, вгоняя Арьяна в душную тесноту, туго и быстро забухала вместе с ударами музыки кровь в висках, он и не сумел ничего осознать, как почувствовал, что ладонь девки скользнула под полу кафтана, опускаясь на отверделые чресла. Арьян мгновенно перехватил её руку за запястье и тут же выпустил, ощущая, как напрягся вождь.

Девица поняла, что продолжать не стоит, отстранилась, остро оцарапав его тёмным, полным желания и какой-то обиды взглядом. Она поднялась и прошла к Вихсару, покачивая бёдрами, встряхнув длинными шёлковыми волосами, перекинула длинную ногу через мужчину, опустилась на колени вождя, обхватив его тонкими руками за шею, вынуждая своего гонителя пожалеть. Тот, в свою очередь, смял её мягкие голые ягодицы, чуть раздвинув, усаживая её на свои чресла плотнее, наложница томно и призывно выгнулась тетивой в его стальных руках, откидывая голову, подставляя полные груди губам хозяина. Вихсар рвану тесьму на плече, оголяя грудь с тёмным и напрягшимся соском наложницы, сочно вобрал в себя твёрдую

горошину. Издав стон, девушка пронизала пальцами его волосы. И стало совсем горячо от поднявшегося ураганом желания, от чего в груди Арьяна и вовсе исчезло дыхание, а ткань штанов совсем натянулась, вздулись от напряжения вены на руках. Арьян глянул на брата. Кадык Данимира судорожно ходил, княжич сглотнул, наблюдая за страстными ласками. Эту встречу он запомнит на всю жизнь.

Вихсар собрал её волосы в жилистые кулаки, склонил девицу к себе, шепнул что-то на ухо, та, изогнув чувственные губы в скользкой улыбке, явно пряча какой-то замысел, коротко глянула на Данимира и снова спрятала горящий блуждающий огонь в тенях ресниц. Поднялась вдруг и так же плавно, как ладья на волнах, скользнула к младшему княжичу, от неё веяло сшибающий разум привлекательностью, плавные движения тела вызвали только влечение густое, вязкое, наполняющее голову туманом, как от сладкого табака. Арьян проследил, как под воздушными юбками мелькают босые ступни. На щиколотке одной ноги мерцало в свете очага украшение. Другая девица отползла, не мешая, принялась наливать в чаши ещё вина. Затихшая было музыка вновь взволновала воздух и кровь. Арьяну только и осталось наблюдать, как потерявший от такой красоты ум Данимир заворожённо и голодно смотрел на колыхающуюся от шага обнажённую грудь наложницы. Девушка опустила на колени Данимира, огладив его плечи, пронизала тонкими пальцами волосы и, сверкнув взглядом — что ножом уколола — на Арьяна, впиалась в губы Данимира, сжав его бёдра крепкими мускулистыми ногами, принялась ловко распахивать его одежду, запуская руки под рубаху, развязывая тесьму портов, высвобождая восставшую в готовности плоть. Чуть приподнялась, обхватывая лицо Данимира в ладони, чувственно целуя в губы, сказала сладким голосом:

— Я сделаю тебе приятно, княжич, — качнула бёдра вперёд, мерно задвигалась, принимая мужчину в себя.

Данимир, обхватив пальцами пояс девушки, насаживал на себя распутницу, закрыв в блаженстве глаза.

Арьян отвернулся, подхватил чару, припал к вину, стараясь предельно не обращать внимания на то, что происходило на расстоянии вытянутой руки. Глянул поверх чаши на вождя. Вихсар наблюдал с расслабленным удовольствием за происходящим действием. Приём устроил он знатный, с этим оставалось только смириться и ждать. Впрочем, ждать было, как оказалось, не так долго, потому как дыхание сплетённых рядом тел, стало обрываться стонами, а движения становились резче.

— Ваши женщины, как мне известно, очень скромны, и нужно постараться, чтобы разжечь в них огонь, — произнёс Вихсар, отрывая взгляд от разгорячившихся любовников.

— Кому женщины для любовных утех, а кому и вместилище души, и хранительницы очага, и если распалёшь, то нужно постараться, чтобы не сожгла всё кругом, — ответил Арьян, хмелея. Вино становилось из сладкого терпким, драло горло, развязывая язык, и сам княжич удивился своим словам.

Вихсар усмехнулся. Девка наконец-таки обмякла на время, повиснув на шее младшего княжича, поднялась, распалённая и разгорячившаяся, снова прошла обратно к хозяину, приластившись рядом у его ног, словно кошка. Вождь погладил её по раздумавшейся щеке, и напомнима она сейчас Арьяну куклу бездушную, безвольную, послушную в чужих руках. Уйдёт молодость и красота, и ничего больше не останется, только одиночество и боль о былом.

Данимир, вполонённый и изрядно вспотевший, оправлял подрагивающими пальцами кафтан, вид его теперь, после случившегося, был хмурый и изнеможённый, и на Арьяна он не глядел, впрочем, знал, что поступок его тот не одобрит, хоть ему и деваться было никуда. Если Арьяну с рождения далась выдержка, то Данимира длань, наделяющая силой воли перед женским телом, обнесла стороной — брат не прочь предаться плотским утехам.

— И какая же тайна ваша, чтобы женщина принадлежала не только телом, но и душой? Я знаю, что многие лишают себя жизни, потерявши мужа, — заинтересованно приподнял бровь Вихсар. Арьян прищурился — к чему вождь задаёт такие вопросы?

— Нет никаких тайн, разве только дать почувствовать ей себя рядом с тобой богиней, дать волю, расправить крылья, — ответил он словами отца.

— Но знаешь, — подумав немного, добавил Вихсар, — она тем и приманивает, своей недоступностью, борьбой в глазах, это даёт сил мужчине. Когда женщина смиренна и покорна, с ней уже не хочется, — погладил он по волосам наложницу, заковал узкий подбородок между пальцами, вынуждая ту смотреть на него.

Девушка теперь дышала ровно, спокойно.

— Но вижу, это и понравилось твоему брату, — улыбнулся он. — А чем же тебя не устроила? Разве я не прав?

Арьян глянув на Данимира, выдохнул резко. Другая девушка тоже уселась рядом с хозяином на подстилке, то была более молодая и верно опыта своего ещё не набрала, в то время как первая знала толк в любовных утехах.

— Почему же не понравилась? — ответил Арьян. — Твои женщины красивы и изящны, но моему вкусу сложно угодить.

— Так выбирай любую.

Даже нагары стихли от произнесённого предложения. Арьян вытянулся, глянув на девушек, которые явно были озадачены и взволнованы таким исходом. Вихсар оставался серьёзным и верно не шутил.

— Я знаю, что жены у тебя пока нет, не понравится, можешь прислать обратно, — добавил он. Арьян глянул на Данимира. Брат заметно приободрился, скользнул на него диковатым шальным взглядом, видно точно вино в голову ему ударило.

— Пусть Данимир выбирает, он сполна оценил твоих женщин, — бросил Арьян.

Всё меньше ему нравилась эта затея — приехать в становище валганов. Не хватало ещё и баб в дорогу брать.

— Молодой княжич может сделать выбор, — разрешил Вихсар, а Арьян всё никак не мог понять, зачем вождь это всё делает. Не уж то докучили ему наложницы, или новых решил взять, избавившись от этих?

— Её, — кивнул Данимир на ту самую, что миг назад так бесстыдно оседлала его. Впрочем, старший в нём и не усомнился.

— Лавья, — назвал вождь имя девушки, — её зовут Лавья.

Лицо другой девицы явно потускнело, а глаза как будто выцвели, вперились ими в пол, только и видно, как сжались её губы, и не потому, что с вождём той было плохо, верно каждая девица хочет быть самой желанной, первой, единственной. Лавья расправила плечи, бесстыдно глянула, только не на молодого княжича, а на Арьяна, будто это не Данимир, а он выбрал её.

— Забирай, — поднял чашу Вихсар, припадая к питью.

В шатёр вошли слуги, прерывая разговор, на широких подносах внося запёкшегося на углях вепря. Из тушки только струился ароматный дымок, наполняя помещение запахами копчёностей и душистых трав да перца. Больше вождь не упоминал о женщинах, и разговор потёк в другое русло и больше о пустяках. Время потянулось густой клейкой смолой, в которой голова становилась тяжёлой от выпитого, а тело — неповоротливым от съеденного. Впрочем, Арьяну вовсе не хотелось принимать угощение из рук врага, но ничего не попишешь, коли с миром принимают, отказываться от гостеприимства и попытаться всё сгладить было куда сложнее. Проще высвободить меч из ножен, подставить к горлу неприятеля и дать ясно понять, что коли прольётся ещё кровь, не выйти им отсюда на своих ногах, выплеснуть весь накопившийся гнев да расставить границы. Но прощше не значит лучше.

Мысли путались с каждой выпитой чарой. Потом снова лилась музыка, танец дев, мелькание цветастых юбок, голые ноги... чьи-то жаркие губы на своей шее Арьян чувствовал, одурманенный запахом женского тела. Только когда позволил себя ласкать наложнице, понял, насколько пьян, и верно в седло ныне ему не подняться, дым табака растворял и поглощал все мысли. Там остались его люди на берегу, снаружи воевода с дружиной, но как бы ни брало беспокойство, а кровь загустела, так что всё проваливалось в какую-то пропасть, покатилося под откос. Арьян не помнил, в какой миг потерял из вида Данимира, как рухнул, сверженный крепким вином, ласками горячих рук, что хозяйничали у него в штанах, да дурманым воздухом.

— Ты будешь мой, — влился горячо мягкий голос в уши, кажется, Лавья.

Снесённый ураганом блаженства, что нахлынула на него неожиданно под ласковыми губами, княжич опрокинулся в ворох подушек, закрыв глаза, мгновенно провалился в сон.

Княжич очень удивился, когда, проснувшись поутру, обнаружил себя целым, не скрученным и посаженным в поруб — самое лучшее, что могло бы случиться, — а всё на прежнем месте, где вчера и накрыла чугунным хмелем пелена. Поворочавшись в ворохе подушек, подняться не смог, на груди его спала полуголая валганка, охватив пояс. Он поднял голову и тут же рухнул обратно, зажмурился от взрывной боли где-то в глубине затылка. Полежал немного, ощущая,

как прохладный ветер оглаживает тяжёлые веки, скулы, ворошит волосы, сделал снова попытку подняться, сдёрнув в себя руки наложницы. Та нахмурилась во сне и отвернулась. Данимир, оказывается никуда и не уходил, спал рядом. Арьян огляделся, вслушиваясь в тишину. Полутени играли на тканевых стенках шатра в утреннем белёсом свете, что окутывал ещё спящих слуг, горький вкус табака оседал на языке, сушил, жутко хотелось пить. Княжич обвёл взором шатёр и не обнаружил Вихсара. Поднялся, пошатываясь, переступил через разбросанную посуду и одежду, направился туда, где лёгкий полог занавеса колыхал залетавший сквозняк. Князь Вяжеслав, увидев такое непотребство, разъярился бы. Впрочем, сейчас, наверное, уже нет, а если бы три года назад, когда его железная воля держала всё городище, а не только вступивших в свою пору двоих сыновей, вот тогда...

Арьян, потеряв лицо, откинул полу навеса и так и пристыл ступнями к земле, так и схлынул весь сон да похмелье. Со дна против воли рванулись самые противоречивые чувства, пробуждая его окончательно, чувства самые сильные, которые когда-либо он испытывал. На шкурах, свернувшись калачиком, лежала голая молодая девушка. Арьян заторопился было покинуть это место, но что-то удержало его, заставило стоять на месте. Он хмуρο оглядел девушку ещё раз и медленно, замечая, как воздушно играли на её белой коже округлых бёдер тени, мазали узорами. Она не показалась худощавой, гибкое с совершенными формами тело, молодое и сочное, от природы привлекательное, с узкой талией — пальцами обхватить, с маленькими плечами, тонкими запястьями и щиколотками, восхищало. Серебристо-лняные волосы, что опутали во сне её лицо, разметались по меховой постели длинными блестящими волнами. Арьян вгляделся в её лицо, что имело нежные черты: тонкий нос с узкими крыльями, пухлые мягкие губы, высокие скулы, розовеющие щёки, тёмные изломы бровей, что придавали её лицу какой-то невинной строгости, захотелось заглянуть в её глаза, узнать их цвет. Княжич задержал взгляд на обвивших её, словно верёвки, руках вождя, заledenел внутри, обращая взор на Вихсара, что раскинулся рядом с ней и даже во сне заявлял своё право обладания. Мгновения проходили за мгновениями, Арьян не отступил за занавес, что нужно было сделать хотя бы для приличия, не выпустил ткань из закаменелых пальцев, борясь с хлынувшей волной недоумения.

«Отойди!» — приказал себе. Но почему-то стоял на месте, пытаясь трезвонившей головой понять происходящее. Откуда воличанка взялась здесь?

Будто почувствовав чужое пристальное внимание, девушка пошевелилась, разрывая ядовитые мысли, сжалась от прохлады, дрогнули тёмные ресницы, и она открыла глаза, повернулась, откидывая волосы с лица, напарываясь взглядом на стоявшую над ней могучую тень, замерла. Заметив спросонья постороннего, она шире распахнула глаза. В них, голубых, как горсти родниковой воды, всплеснул испуг. Девица молчаливо дёрнулась, схватилась за одеяло, потянула края на себя, пытаясь хоть как-то прикрыться, но не вышло, высвободить из-под спящей туши воина покрывало. Да в том уж и не было смысла, всё, что не должен он был видеть, уже увидел. Девушка, верно невольница вождя, молчала, лишь вздымалась полная белая с розовыми затверделыми на сквозняке сосками грудь, от вида которой утяжелился весь он. Взгляд скользнул ниже по плоскому животу, опускаясь туда, куда необоримо тянуло глянуть. Девушка, выдержав его изучающий взгляд, смотрела на княжича немного исподлюбя — утих животный испуг.

Арьян, опомнившись, отступил, одёргивая занавесь, задышал глубоко и редко, смотря перед собой невидящим взглядом слушая беспрестанный шум в голове.

Арьян вновь оглядел беспорядок в шатре, ощущая, как в спину врезается взгляд чистых голубых глаз. От вчерашнего выпитого его ещё штормило, хотя он уже не был уверен в том, что именно от этого. Княжич качнулся и быстро покинул шатёр, спеша глотнуть утренней свежести. Вышел за полог, и лицо мазнул прохладный воздух, вливая в полное ломоты тело живительную силу, пробирая до дрожи. Холодок скользнул по спине к загривку. Однако даже тут княжич всё ещё чувствовал на себе взгляд невольницы, от которого, к его удивлению, сворачивалось что-то тугое и жаркое в груди, погружалось в мутный ил его застоявшейся в неподвижности души, поднимая со дна чуждое ему или давно забытое. Арьян, выдохнув, потёр затёкшую шею, запрокинул голову, посмотрел в розовеющее со всех сторон небо, затянутое рваными серыми обломками, верно на дождь повернёт, хоть жрецы и нагадали солнечные дни. И всё же, как она попала в лагерь? И не скажешь, что выглядит истерзанной. Чуть диковатый пронзительный взгляд, привлекательное тело. И о помощи не замолила, молча смотрела.

«Может, по доброй воле...»

Арьян тряхнул головой, сбрасывая недоумение, развеивая так и вставший перед глазами образ, волнующий сердце — её дымчато-голубые глаза под бархатной тенью ресниц.

— Доброе утро, княжич, — раздался гулкий голос за спиной, вырвал из задумчивости. Воевода, как всегда, подкрался незаметно.

Арьян мысленно поругал себя. Непростительно воину отвлекаться и подпускать кого бы то ни было так близко.

Радьяр сощурил зелёно-голубые, как полынь, глаза, напряжённо и тревожно оглядел ещё спящее становище: лишь стражники жгли костры, да мелькали среди шатров и сооружений для хозяйских нужд закутанные в платки женские фигуры.

— Доброе, Радьяр, — ответил мужчине Арьян, сглатывая сухость — жажду так и не утолил, остро захотелось побыстрее вернуться в лагерь.

Надышавшись вдоволь, княжич повернулся, положил на плечо витязю руку, чуть сжал.

— Собирай людей, выдвигаться будем.

Сказав, убрал руку, нырнул снова под полог, мельком глянув на занавес, что разделял шатёр на две половины, и только потом заметил, что наложниц уже и след простыл, в одиночестве спал и Данимир. Арьян отвёл взор и наткнулся на ушат с водой, зачерпнул, испил. Холодная вода показалась вовсе невкусной, но горло смочила, немного стало легче. Зачерпнув ещё воды, он прошагал к раскинувшемуся на подушках брату, опустился рядом, потряс того за плечи.

Младший скривился, но ресницы разлепил, вперившись затуманенным с хмеля взглядом в Арьяна, помалу понимая, кто перед ним и где он.

— Поднимайся, пора нам восвояси отправляться. Погостили и хватит.

Тот сухо сглотнул, тяжело оторвал голову, сел, морщась, потёр себя по груди, осматриваясь, мало-помалу соображая, что к чему. Арьян поднёс ему ковш с водой, Данимир глянул на него с жадностью, надолго присосался к посудине, пил большими глотками, проливая на ворот, омочив распахнутую рубашу. Отлепился, утерев рукавом уста.

— Что за коровья моча? — скривился он вместо того, чтобы поблагодарить, и потянулся за кафтаном.

Просунув руки в рукава, Данимир вдруг замер, а потом поднял просиявшие глаза на Арьяна, видно вспомнив вчерашний вечер. Опустил взгляд.

— Ты же знаешь, что это моя слабость, — пробурчал он, запахивая полы.

Арьян хмыкнул. Сказать тут было нечего, кроме одного.

— Да, а я до конца надеялся, что брать ты её не станешь.

Данимир нервно застегнул петлю.

— Как же я могу теперь отказаться, это оскорбление, — буркнул он.

Арьян прищурился. Так ли уж волновало брата достоинство наложницы, которая не прочь улежась под любого мужика?

— Ну, конечно, после жарких ласк да горячего местечка, где побывал твой... — Арьян сдержал ухмылку, — не ошпарила она там ничего?

Лицо Данимира побелело, вытянулось, выказывая горечь.

— Вот зачем ты так? И без тебя башка раскалывается.

Арьян терпеливо вобрал в себя воздух, намереваясь сказать то, что он может, а что — нет, но пола занавеса откинулась, заставляя смолкнуть обоих. Взгляд Арьяна невольно скользнул за раскрытый на миг полог, где мелькнули женские стройные ноги да серебро волос. Вождь перехватил взгляд княжича, дёрнулся уголок рта в ухмылке, верно понял, что так привлекло мужчину. Глянул в сторону Данимира, ещё шире расплылся в улыбке, опускаясь, скрешивая ноги, на то место, где вчера и отдыхал. Только на миг по другую сторону занавеса, что отделял их от места, где осталась невольница, открылся полог — другой вход, скользнула девичья тень в проём, холодный свет хлынул и снова исчез, погружая шатёр в утренний полумрак. Сразу, как только вождь поднялся, а девушка вынырнула из шатра, забежал и слуга с кувшином и чарками в руках, услужливо разлил чего-то на запах кислого и солёного. На вкус напиток оказался капустным рассолом, да таким ядрёным, с перечной остротой, что даже прошибло нос.

— Я надеюсь, ничем вас не обидел? — спросил Вихсар, первым нарушая молчание, бросив острый насмешливый взгляд на младшего княжича.

Данимир поменялся в лице и теперь не знал, куда прятать свои глаза.

Всё, что было вчера, не нравилось Арьяну, не предполагал он такого приёма, хотя и должен был.

— За дружескую встречу спасибо, — начал он, слыша, как снаружи уже поднялся шум — собирались его люди, — но долго нам рассиживаться нельзя, ждут нас в городе.

— Понимаю, — не стал упорствовать Вихсар. — Задерживать вас не стану. Если пожелаете снова погостить, милости прошу к моему очагу.

Данимир шумно выдохнул, зачёсывая пальцами назад разворошённые со сна волосы, туго сглотнул. Арьян допил остатки рассола, поднялся, посмотрев сверху на вождя. Глаза у того были темны, и даже теперь, при дневном свете, княжич не смог различить, что же скрывалось за их чернотой, но чувял нутром, что хорошего лучше не ждать. Сегодня с теплом встретил, а завтра обрушит вихрь горящих стрел на город, хоть бояться и не следовало, числом слабы будут, да только нет уверенности, что завтра целая орда не примкнёт к лагерю. Впрочем, мог и ошибаться, недаром отец твердил о том, что слишком осторожный старший княжич. Но как не остерегаться, если чувял неладное, и к бабке не ходи, подвох кроется, только вот в чём именно, разобрать бы. Невольно предстал перед внутренним взором образ незнакомки, такой строгий и в то же время невинный взгляд царапнул нутро. Княжич очнулся, вливаясь в окружение.

Вихсар меряясь с ним молчаливым взглядом, тоже поднялся, и взгляды их оказались наравне.

— Я велю Лавье собираться в путь, — обратился он к Данимиру, в голосе послышалась твёрдость. Потом снова перевёл взор на Арьяна. — Моё предложение всё ещё остаётся в силе, ты можешь выбрать себе ту, что легла на душу, — приподнял он тёмную бровь. — Не могу оставить дорогого гостя без подарка. Выбирай, кого пожелаешь.

Только сказал, как едва с языка княжича не сорвалось пожелание. Арьян глянул в сторону занавеса, за которым уж никого и не было. Сжал губы, вернув взор на Вихсара.

— Я могу выбрать, — ответил он другое только для того, чтобы не быть в долгу. — Да только согласишься ли ты мне отдать ту, которую я выберу?

Вихсар, казалось, обратился весь в каменную глыбу. Данимир тоже удивлённо бросил на брата взгляд — никак задумал что без его ведома?

Вождь, наконец, очнувшись, заложил руки за спину, качнулся, задумчивость легла на его лицо, и вместе с тем любопытство — что хочет пожелать старший сын князя Вяжеслава? Да только соглашаться не спешил, натянуто улыбнулся.

— Даже боги могут быть не всеильны перед человеческими желаниями, не предлагай того, в чём сам не уверен, — ответил Арьян, разрывая его колебание, развернулся, покинул шатёр, за ним проследовал и Данимир.

И в самом деле, кмети были уже в сборе во главе с воеводой. Арьян скользил взглядом по окутанному белёсым туманом лагерю, и интересовали его не валганы, не то, за чем он ещё вчера намеревался приехать — за точным знанием об этом племени да о числе воинов.

Интересовала его теперь воличанка. И как бы ни разглядывал столпившихся вокруг чужаков женщин, а не нашёл среди них светловолосой голубоглазой девки.

Одёрнул себя — зачем? Но как не крути, а всё же утренняя встреча легла на душу.

Облачившись в тёплую одежду, что оказалась у воеводы, княжич поднялся в седло подведённого к нему коня, всё ещё оглядывая раскинувшееся во все стороны становище, но не выискал ту, которую так хотели видеть его глаза. Кутаясь в платок и длинный меховой плащ, вышла Лавья, с пустыми руками, впрочем, теперь её должен одаривать взявший её к себе под кров другой мужчина. Взгляд Данимира так и вперился в неё, не отпуская, того и гляди слюна потечёт.

— И кого же ты хотел пожелать? — не удержался он от вопроса, всё же оторвав взор от Лавьи.

Арьян повернулся к Данимиру, посмотрев остро — в его личные желания никто не должен вмешиваться, даже родной брат. Младший княжич, поняв всё, отстал, дёрнул поводья, приказывая кметю посадить в седло свой подарок. Скрипнув зубами от того, что Данимир, как и всегда, не прислушался к его словам и взял наложницу валганского вождя, Арьян отвернулся, тронул лошадь, чувствуя тлеющее раздражение. Обвёл взором площадку — как есть, все валганы собрались, возвышались среди остальных ближники вождя, напуская на глаза угрожающую хмарь.

Из шатра, едва воины поднялись в сёдла, вышел Вихсар, уже облачённый в верхнюю одежду. Княжич кивнул ему, прощаясь, и, не дожидаясь ответного кивка, развернулся, пустил лошадь вперёд остальных, только поднялась с земли пыль от копыт.

Как только покинули границы становища, всадники устремились по зелёному, в маковом цвету, лугу. Воздух, налитый мёдом трав, густо наполнил грудь целебными силами, выбил вскоре всё дурное, что накопилось за вчерашним гульбищем. Однако тревога всё ещё ворочалась где-то внутри, будто оставил то, что нужно было забрать.

Арьян случайно выхватил взглядом Лавью, вспомнив, что среди мужчин была и девушка. Сейчас наложница выглядела взволнованной и растерянной. Пышущая жаром страсть и стройное гибкое тело теперь прятались за слоями одежды. В глубине глаз не огонь желания пылал, а царила пустота, страх пред неизвестностью и новой жизнью. Но это скоро пройдёт, и прежний огонь и страсть появятся вновь, когда придёт на то время. И, судя по взглядам Данимира, случится это слишком скоро. Жар хлынул вниз, к паху, когда Арьян заново ощутил её жаркие и сухие, как нагретый песок, руки. Туманно помнил поцелуи ненасытные, жадные. Просачивался из недр памяти и запах жгучего перца, и сладость душистых цветов, и всё это мешалось с дымом. Арьян выдохнул, раздражаясь на себя, на то, что позволил наложнице запустить руки себе в штаны. И как назло, невольно, за этими воспоминаниями потянулись другие, более скверные, хоть и далёкие...

Тряхнув головой, Арьян поднял взгляд к замутившемуся на окоёме сине-свинцовому, как морская волна в шторм, небу. Необъятное, могучее, оно давило, вселяло стихийную тревогу, разгоняя кровь по жилам быстрее. Там, впереди, уже обрушился на землю ливень, а здесь ещё окутывала со всех сторон тёплая тишина, и мерное покачивание в седле навевало сон на кметей, но только не на Арьяна, чья душа бушевала сейчас, как грозовое небо впереди.

— А это ещё кто? — разразился совсем рядом низкий голос Радьяра.

Арьян обратил взор туда, куда был устремлён взгляд воеводы. Казалось, вся кровь отхлынула от сердца, когда княжич узрел женскую фигурку. Та самая невольница, которую он видел в постели вожда, бежала сейчас через изумрудный в утренней росе луг.

— Откуда она взялась? — Данимир, привлечённый суетой воеводы, смотрел в ту же сторону. Не раздумывая, Арьян спрыгнул наземь. Спустив подпругу, скинул седло, вручив его брату. Тот во все глаза наблюдал, как старший княжич вновь вскочил на спину лошади, поддевая её бока пятками, припустился навстречу незнакомке, оставив младшего без ответа.

Значит, всё же была пленницей — сбежала. Теперь всё стало ясно.

Девушка перешла на шаг, путаясь в подоле длинного, давно выцветшего, когда-то травяного, а теперь болотного цвета платья. Голова не покрыта, и поднявшийся вдруг ветер, насыщенный свежестью грозы, растрепал длинную косу.

И откуда в такой маленькой, хрупкой столько смелости, чтобы решиться на побег? Видимо настолько отчаялась, раз решилась на такое. Внутри похолодело от того, что бы с ней сделали эти дикари, если бы поймали её. Пленница остановилась, когда Арьян приблизился, повертела головой, следя за объезжающим её со спины всадником. Скучный наряд её оживлял острый и дикий взгляд, глаза цвета той самой бури, что творилась на горизонте, полные какой-то обречённой отважности, нестигаемости и твёрдости. Об этом говорили и плотно сжатые губы, и упрямо вздёрнутый подбородок, и стиснутые до белых костяшек кулаки, и грудь, вздымающаяся от глубокого, судорожного дыхания. Арьян рванул лошадь, и в тот же миг девушка приготовилась для прыжка. Княжич чуть склонился, подхватил её легко за пояс на лету — в ней-то и веса никакого не было. Усадил перед собой, пустил лошадь вперёд.

Отряд вскоре нагнал Арьяна, стараясь не отставать. В руках его девушка оказалась совсем маленькой, тонкие запястья, пальцы ровные, вцепившиеся в гриву. Прикосновение грудью и бёдрами к её спине и тому, что ниже, вызывало всплески горячих и тугих волн. Он старался не думать обо всём этом, но отбросить такие мысли было невозможно.

Всю дорогу девушка не заговаривала, и Арьян не спрашивал, хотя хотелось знать её имя. И не понимал сам себя, зачем ему это? Почему вообще обратил на неё внимание? Наверное, он ещё никогда не видел таких глаз. В его роду все женщины имели цвет глаз зеленовато-серый или тёплый, как мёд и янтарь, или сухо-коричневый, как ореховая скорлупа. И косы русые или рыжеватые, иногда с бронзовым отливом, но не такие — с холодным серебряным переливом, как сталь его клинка. Она была другой, не похожей на всех остальных, и это он понял с самого первого взгляда, как увидел её ранним утром, мирно спящую на мехах. А ещё этот взгляд — не

затравленный, не испуганный и искажённый мукой, как у пойманного зверька, и даже доли растерянности в нём не было. Каждый её взгляд, как осколок, врезался в душу, оставляя глубокие отметины.

Постепенно луг сменился каменистым нагорьем. После подъёма по нему, глазам всадников открылась Вель. Она ослепительно сверкала в сгустившемся мареве под грозовым небом серебристой лентой, как волосы впереди сидящей пока ещё незнакомки. Пока. Как только предстанет возможность, Арьян обязательно разузнает, кто она и откуда.

Вдалеке поднимались клочья дыма от костров, предвещая скорый отдых. И успели как раз к обеденной трапезе. Арьян по мере приближения заметил среди кметей во главе десятника Векулы и рыжеватую голову Митко, что выбежал встречать отряд наравне со всеми. Вылетел вперёд, привычно беря под уздцы лошадь княжича.

Арьян, упруго прыгнув наземь, помог спуститься девушке. Та вдруг пошатнулась, и Арьян поддержал её за плечи, такие холодные и дрожащие.

— Спасибо, — сказала незнакомка, глянув на княжича, окатывая ледяным родником.

Нет, таких пронзительных дико-голубых глаз он ещё не встречал. Радужка широкая, шире, чем когда-либо он видел, и от этого глаза казались большими, глубокими, тянули на дно, и он тонул в них каждый раз, в пронзительных и невыносимо холодных на белом красивом лице. Она и в самом деле была очень красива, несмотря на усталость, от которой кожа стала бледнее, вблизи так совсем прозрачная, проступали тонкие вены на висках. Лицо словно было высечено из молодой древесины, и тёмные брови, будто нарисованные, и пухлые губы, маленькие, по-детски мягкие. Но столько борьбы было в глазах её, такой маленькой по сравнению с ним. Невольно вспомнил слова Вихсара — не о ней ли говорил вождь? Что ж, если это так, то выходит, эта невольница имеет большую ценность для него. Вихсар захочет вернуть своё. Но теперь она принадлежит не ему. Арьян взял свой подарок, который предложил ему валганский вождь. От одной мысли, что тот ещё утром брал её, по-хозяйски касался, опрокинуло в лёд.

Не дождавшись, пока княжич заговорит, девушка высвободилась — Арьян до сих пор её сжимал — обхватывая себя руками, закрыла грудь. Тряпка, а не платье, что было на ней, совсем не грела, не защищала от пронзительного ветра. Губы её мгновенно побелели, став бледно-розовыми, задрожали, кажется, её начал и вовсе бить озноб от страха ли, от пережитого или от всего вместе взятого. Как ни выказывала она решительности, а всё же силы истощились.

— Митко! — окликнул Арьян отрока, который вернулся за седлом. — Отведи её в шатёр, поесть принеси, воды согрей и одежду тёплую найди.

— Я не голодна, — возразила она.

Нежный голос заглушил бурю в его сердце. Голос её был такой же глубокий и чистый, как и глаза.

— Отдыхай, можешь поспать немного вон в том шатре, — указал Арьян на небольшой полог, на двоих только и хватит, — никто вас обоих не потревожит, кроме прислужника, что принесёт еды и воды, времени на постой у нас мало. После, как отдохнёшь, расскажешь, откуда ты и из каких земель.

Выслушав его, она кивнула, и взгляд вроде как смягчился, потеплел, покорился. А может, и показалось. Она обошла княжича, шагнула за Митко и Лавьей, но приостановилась, нахмурившись, будто сомнение взяло. Но решила что-то для себя и, больше не медля, пошла за отроком, не оборачиваясь, следуя совету княжича.

— Откуда она? — раздался тут же рядом голос Данимира.

Арьян, неотрывно смотря на удаляющуюся женскую фигурку, задумчиво ответил:

— Скоро узнаем.

Глава 3

Обмывшись нагретой водой, принесённой отроком, и одевшись в чистые, хоть и мужские, одежды, Мирина, поев немного белого заячьего мяса, легла на мягкие шкуры. Муки бrenного тела отступили от одного только ощущая свободы. Теперь вольна, как ветер. Не поставят ей клейма, как Малке. Вспомнив о наперснице, Мирина помрачнела. Малка бы могла пойти с ней, но она ни свет ни заря работала уже у водоёма, в то время как Мирина едва только покинула

Вихсара. И ей повезло ускользнуть от надсмотрщиц, которые, разинув рты, провожали молодых воинов. Мирина вспомнила, как бежала безостановочно, как грудь ломило от боли, а сердце стучало у самого горла, суля выпрыгнуть наружу или разорваться от бешеной погони. Страх гнал её. Страх, что не догонит княжеский отряд, страх, что поймают в третий раз, и тогда пощады ей бы не было, вождь исполнил бы то, чем грозил ей — пустил бы по кругу. Слава Богам, отряд не слишком быстро покидал лагерь валганов.

Мирина выдохнула свободно. Даже не верилось, что вырвалась из плена. Но сердце стучало бешеным галопом от этого пьянящего, головокружительного чувства освобождения. Будто камень с груди свалился. Будто невидимая петля, что все три месяца сдавливала шею, медленно, но верно убивая, расплелась, позволяя вдохнуть полной грудью. И Мирина дышала, дышала жадно, глубоко, ненасытно, вбирая в себя аромат цветущих трав, свежесть грозового неба — запах свободы, полёта. Но тут же вместе с вожделенной радостью пришла и тревога. Её, наверное, ведь ищут или уже перестали искать. Что теперь делать дальше? Вернуться домой? Да. Немедленно. Вспомнив о том, что обещана она Вортиславу, Мирина скривилась, будто горькую полынь съела. Слишком высока плата была за её неосторожный поступок — побег из Ровицы. Теперь наученная, да так, что хватит на десять жизней вперёд, не забыть ей истязательств да обжигающих рук Вихсара, что сминали, подчиняли, заставляли делать то, что он хочет, то, от чего воротило с души, и каждая встреча была пыткой. И не было разницы между истязательствами вождя и тем, что по возвращении домой придётся делить постель с нежеланным Вортиславом — одинаково скверно. О том, что побывала она у хана, не должен узнать никто. По приходу в стены Ровицы, она скажет матери, что жила у волхвы или в какой-нибудь веси, но ни слово о Вихсаре. И пусть княжичи знают о том, откуда её вытащили, но ничего не знают кто она на самом деле, стало быть и имени своего и род тоже не стоит говорить. Сначала она прибудет домой, сделает всё, что скажет мать за кого выходить и где ей жить, времени хватит, чтобы всё улеглось, потекло своим руслом, а там пусть идут слухи, если конечно пойдут, тогда проще их опровергнуть, сказав, что это клевета.

Мирина отвернулась к тканевой стенке, до боли стиснула челюсти, уставившись в серое полотно. Именно такой станет её жизнь, если выйдет за Вортислава, бесцветной, пустой. Пусть!! Дороже свободы нет ничего, нет ничего желаннее — это стало самым главным для неё. А всё остальное стерпит, сживётся, привыкнет, в конце концов. Мирина не поняла, в какой миг унеслась в прошлое, в ушедшую зиму.

Перед глазами покои матери, освещённые свечами, и этот душный запах сирени и воска сдавливал горло, забивал грудь, дыхание. Два голых сплетённых тела на постели, в очертаниях женщины узнала княгиню, свою матушку. Гибкий белый стан, крепкие ноги, широкие бёдра с узкой талией, матушка была хороша в своих годах, недаром отец её богиней называл. Она извивалась и выгибалась в руках мужчины, который с каким-то ненасытным остервенением врезался в неё. Это был он, Вортислав, её дядька и новоявленный жених, предназначенный, так уж велела княгиня после смерти отца, для Мирины. И эти стоны били камнями в грудь.

Мирина с силой зажмурилась, прогоняя прочь воспоминания, что так живо вспыхнули в её памяти впервые за долгое время. Она не должна думать плохо о своей матушке, не должна осуждать. Так не принято, так неправильно. Она обязана принимать все её решения. Теперь она постарается всё исправить, постарается забыть о том, кем является Вортислав для матери.

Простить.

Мирина прерывисто выдохнула, слушая глухие звуки лагеря и шум ветра. Он стал ещё сильнее, бился о тканевые стенки, завывал. Как бы гроза их не настигла, тогда придётся задержаться здесь, рядом с валганам. Внутри тут же покорёжило всё. Быстрее бы покинуть берег, оказаться как можно дальше от этого пекла, где она побывала. А для себя она решила — пусть и горькой будет её участь спать с любовником матушки, но видно так угодно кому-то, видно заслужила, провинилась чем-то, хоть жизнь её до побега была не веселее жизни любой княжеской дочери, которую готовили к выгодному замужеству. Пока не умер отец, а мать, обезумев от любви, не решила не упускать своего нечаянного счастья. Ну и что?! Зато будет в родной стороне, в своей вотчине, где станет полноправной хозяйкой. И не будет вздрагивать по ночам да оборачиваться всякий раз, ожидая опасности за каждым углом. Не будет ходить по острию ножа.

Мирина привсталла на постели — нет, поспать не получится — и не успела опустить ноги на землю, как подлетела всполошённая Лавья, будто и ждала, когда Мирина проснётся, но та и не

спала. Перед лицом возникли карие, почти чёрные, налитой дикой злобой глаза наложницы. Захотелось немедленно оттолкнуть её, но Мирина быстро взяла себя в руки, стиснула зубы. — Сбежала, значит, — блеклые губы скривились в презрении, потемнело её и без того бронзовое, плоское, как у всех валганок, лицо. — Ты, подстилка грязная, захотела свободы, — ткнула он пальцем в грудь девушки, — как была рабыней, так ей и останешься, и от этого позора тебе вовек не отмыться. Никто на тебя больше не посмотрит! — шипела она. — Мало тебе было одного хозяина, так тебе ещё княжичей подавай?! Как жила сухой, так ей и останешься, только кобели и вскочат на тебя, больше ты никому не нужна! Даже рот не разевай. А если попытаешься поднять подол для кого, сильно об этом пожалеешь. Лахудра.

Мирина почувствовала, как пальцы до боли вдавливаются в деревянные доски постели, а внутри коркой льда затянуло, а потом треснуло так, что оглушило. Всякое поганое она слышала о себе там, в лагере, но теперь она свободна. Мирина резко поднялась. Лавья хоть и не отступила, но вытянулась столбом, в глазах на миг да мелькнула тревога, губы пожала, будто почуяла дым от огня. Княжна бегло посмотрела в её глаза, шаря взглядом по лицу, будто резала. Многие бы могла сейчас сказать, да указать место этой потаскухе, которую, как вещь, отдали из-за ненужности, сказать о том, кто перед ней, и чтобы та прикусила язык. Могла бы, но не сделает этого, Лавья в последнюю очередь должна знать кто она на самом деле.

Больше никаких слов не последовало, только спесиво запрыгали бесята в жгуче-карих глазах наложницы. Мирина, отлепив от неё взгляд, прошла к кувшину, что стоял на резном сундуке, подхватила его, налила в чару питья. Задумалась, держа в напряжённом внимании так и оставшуюся без ответа девушку. Впрочем, если Лавья западёт в душу одному из княжичей, то займёт какое-то влияние, сможет науськивать влюблённого мужчину. До поры, пока не надоест.

Сделала глоток, хлебный душок ударил в нос, глотнула ещё и ещё, утоляя жажду и остужая пыл. Лавья, что наблюдала за ней, развернулась и отправилась к своей лежанке, походка и все движения наложницы были плавные и гибкие, напоминали гадюку, вьющуюся в воде. Дыхание постепенно успокаивалось, а снежная буря внутри с каждым глотком питья утихала. А после и вовсе стало спокойно. И даже смогла понять порыв Лавьи. Невольно Мирина вспомнила утреннюю встречу с Арьяном и удивилась, когда на неё будто кто варом плеснул, так вспыхнули щёки. И воспоминания одно за другим вынуждали пылать щеки ещё горячее. Он ведь видел её совершенно голой и рядом с врагом. От этих раздумий сердце будто в камень оборотилось, отяжелело, неуютно сделалось внутри и тесно, хоть прочь беги.

О сыновьях Вяжеслава княжна была наслышана, и матушка о них щебетала в последнее время постоянно. Не даром ходили толки, оба хороши, слаженны, красивы, мужественны и смелы... Лавья неспроста накинута, готовая едва ли не горло перегрызть за них. Мирина вспомнила, что слышала, будто отец их занедужил, и правление взяли братья. Всё сходится. Вот и в лагерь приехали, как и говорила Малка, чтобы показать, кто хозяева на этой земле. Вспомнила о подруге, и всех тех девушках, что остались томиться за рекой Вель, вновь обожгла кипучая тоска, а сердце защемило.

За пологом послышался шорох, в шатёр скользнул отрок.

— Княжич Арьян велел собираться в drog, — произнёс он, посмотрев на Лавью, потупив взгляд, глянул на Мирину. — Он зовёт тебя.

Лавью, аж перекосило, а глаза черничными сделались от ревности. Мирина последовала за Митко, выходя наружу. Ветер тут же огладил лицо, взъерошив волосы, откидывая тяжёлую косу за спину, вытеснил все дурные мысли и злость. Вместо них появились другие чувства, волнительные такие, что внутри дрожь взяла от того, что придётся ей говорить со старшим княжичем, а почему, всё понять никак не могла. Будто о самом сокровенном о ней он узнал уже. Она невольно оглядела себя. Представать перед ним в таком виде неловко. Пусть хоть то — поношенная одежда, но женское платье, а это — не по величине мужская рубаха, опоясанная тонким ремешком, просторные штаны, как шаровары валганов, заправленные в сапоги с невысокой щиколоткой. Их дал ей Митко, но и они были немного велики, ступни в них свободно скользили. Обувь по весне надсмотрщицы отняли, как только потеплело едва, ходила босая, как и все невольницы. Сердце забарабанило, будто нагара, выдавая непрерывную дробь, и Мирина, кажется, перестала дышать, а желудок сжался в узел, когда, пройдя шатры, впереди у костра заметила одиноко стоявшую мужскую фигуру, которую смогла разглядеть даже в дымном занавесе костра.

Княжич был высок и строен — она ещё тогда, утром это отметила — с длинными ногами, широкими плечами и узкими бёдрами. Мускулистые, будто высеченные из камня руки, обтянутые тканью рубахи, скрещенные на груди. Арьян задумчиво смотрел на огонь. И только по приближении Мирина поняла, что он был вовсе не один, а с братом, который стоял по другую сторону, и его заслоняло от глаз некое сухое рябинового дерева. На первый взгляд их можно было, наверное, спутать, но так казалось только сначала, потом всё больше становилось видно отличий. Арьян был выше Данимира на две пяди, и волосы у старшего княжича прямее, в то время как у Данимира они чуть вились, у обоих они были орехового цвета. Вид Арьяна внушал угрозу, предельное напряжение, в то время как Данимир расслабленно привалился к стволу дерева, полуулыбка застыла на его лице — верно о чём-то они тут говорили, а теперь молчали, и Мирина не могла даже выдохнуть, предполагая, что о ней. Арьян повернулся первым, как только княжна с помощником приблизились к кострищу.

Вроде отдыхала Мирина в шатре недолго, а солнце уже склонилось низко над землёй, почти скатилось на уровень глаз, и ветер приносил тёплый, нагретый за день воздух с лугов, наполненный запахами диких трав, нагонял кудели облаков, что на окоёме едва ли не касались земли, так низко провисали над лугами. В степях это ощущалось сильнее, а скоро дойдут до леса, и там, в густых чащобах, небо потеряется на долгое время. Леса эти дремучие опоясывают исток реки Вель, в его глубине насажены городища да деревеньки, что прячутся от взора врагов. Оказавшись в клубе дыма, что въелся в глаза, Мирина чуть обошла костёр, поняла, что лагерь окутан этим самым дымом. Видно завтра будет сыро, а то и дождливо.

Данимир вытащил былинку изо рта, отшвырнул её, окинул заинтересованным взглядом беглянку, лукаво прищурил глаза, будто затеял шалость какую. Мирина поёжилась — ещё больше сковала её неловкость — и перевела взгляд на старшего княжича.

И сделалось ей куда теснее при виде глаз Арьяна, таких глубоких, каких тихих, как озёра у неё на родине в Ровице, таких задумчивых, завораживающих, цвета коры орехового дерева. Их густо оттеняла загорелая кожа, что верно за время пути обожглась на солнце ещё сильнее. У него были высокие скулы, щетина, что очерчивала губы, словно высеченные из камня, с плавными линиями, нижняя губа была чуть толще верхней. Их, таких сухих, мягких, хотелось коснуться. Вид княжича не пугал Мирину, но всё равно прожигающий до костей взгляд его вынуждал рядом с ним терять покой, будил внутри что-то неизведанное, и хотелось увернуться от этого глубокого, губительного спокойствия, навеянного его присутствием. Наверняка за этим взглядом, скрывалось что-то тайное, тёмное, что таит в себе утопающая в сумерках глухая лесная чаща. И Мирина поняла — от него будет сложно что-либо утаить.

— Ступай, Митко, собирай вещи, — велел Арьян отроку.

Мирина обернулась, пронаблюдав за удаляющимся к лагерю парнем, волосы которого в закатных лучах стали бурого отлива, как куст спелой клюквы.

— Как твоё имя? — спросил Арьян, возвращая к себе внимание девушки.

Беглянка взглянула на Данимира, что так же наблюдал за ней неотрывно.

— Мирина, — ответила, вернув взгляд на старшего княжича.

— Из рода чьего, Мирина? — задал тот следующий положенный ему вопрос.

— Зачем тебе знать моё родство, княжич? Я невольница, которой повезло сбежать.

Арьян приподнял подбородок и, показалось, в росте стал ещё выше и грознее, тяжёлой каменной плитой упал на девушку совсем недружелюбный взгляд, видно ответ не понравился ему.

— Хорошо, если не хочешь говорить, не говори, — ответил он просто, не настаивая, как боялась того Мирина, — значит, поедешь с нами до Явлича, тебе по пути, как я понимаю, поблизости нет никакого другого поселения.

Мирина кивнула. Ровицы находились дальше Явлича, месяц пути, если по суше, по реке в три раза меньше. Далеко увёз её Вихсар, но об этом Мирина ничего не сказала. Доберётся пока до городища. Там живут отцовы родичи, далёкие, но как-то доводилось побывать у них разок. Правда было это давно, но остаётся надеяться, что узнают её, а там попросит помощи, уж поди не откажут, помогут родственнице до дома добраться.

— Доберёшься-то сама? — спросил Арьян призадумавшуюся девушку.

Будто мысли её прочёл. Неужели интересна дальнейшая судьба невольницы? Для них так совсем простой девки, племени неведомого.

Она снова кивнула.

— Постой, как это, сама? — оборвал Данимир брата, вставая в столь короткий разговор.

Мирина наткнулась на ставший вдруг колючим взор младшего княжича так неожиданно, будто на куст шиповника наскочила.

— Как ты можешь отпустить такую пташку? — он окинул её всю взором, подчеркнув её и без того неуместный наряд. — Мы же добра желаем. Скажи, откуда ты, поможем.

Мирина, растерявшись вдруг, опустила ресницы, прикусывая кончик языка.

— Вы уже помогли, и я очень благодарна, — обронила она, и от чуткого её слуха не ускользнул тяжёлый вздох Арьяна, вводя её в ещё большее смятение.

Скрыть своё происхождение оказалась намного сложнее, чем она думала. Там, в лагере, никто не интересовался таким и имени не спрашивал, называя то «лахудрой», то «подстилкой».

Ничего, забудется это со временем, и всё станет как прежде, в чём она, чего душой кривить, сильно сомневалась. От ощущения тяжёлых злых взглядов надсмотрщицы ещё долго предстоит отвыкать. И по ночам будет сниться, как сжимает та в пальцах свой кнут, готовый в любой миг расправиться и полоснуть спину, обжигая до немоты в руках. Глаза валганской большухи, топкие, что болота, так и стояли перед внутренним взором, посмотришь в них, и утягивает в чёрную губительную глубину.

Если одно только это воспоминание вызывает дрожь, то что говорить о ночах, проведённых с Вихсаром... Искать её он не станет. Уж не такая и ценность, чтобы гоняться за невольницей-подстилкой по всей степи.

Мирина вздрогнула, поёжившись, — с закатом холодало. Арьян, пронаблюдав за ней, прошёл к Данимиру, сдёрнув с ветки плащ, подступил к Мирине, близко, слишком, что вся она скукожилась внутри, не зная, куда себя и деть. На плечи легла сукодная накидка с меховым воротом, укрывая её, и сразу тепло стало, но от тяжести едва ноги не подогнулись.

— Дождь будет к ночи, — княжич посмотрел так, что и вовсе земля под ногами пошатнулась, но сильные руки сжали её локти крепко и тут же выпустили — простой жест, а внутри словно сад расцвёл, давно она такой заботы не испытывала.

— Так что поторопиться нужно, — повернувшись, сказал он брату.

Данимир, не получив ответа, как-то с напускной обидой посмотрел на Мирину.

Вроде поговорили недолго, а шатры уже на половину разобраны оказались. Воины, дружно и весело переговариваясь, выкорчёвывали оси, стаскивали на телеги снятые кошмы да сундуки.

Мелькал, словно молодой волчок среди матёрых гридней, и Митко, бегая по разным поручениям, что сыпались на парня со всех сторон. Мирина и глазом не успела моргнуть, как лагерь был снесён подчистую, а костры затушены. Её вместе с Лавьей усадили на одну из телег, из кошмы соорудили для девушек некое подобие навеса от ветра да предсказанного Арьяном дождя. Рассевшись по лошадям, с покровительством Богов тронулись в путь-дорогу. Вскоре от мерного покачивания Мирина начала клевать носом, пока не улеглась на мягкую подстилку, сладко свернувшись в комочек и вдыхая запах меха плаща, запах Арьяна, его тела, густой, терпкий и вместе с тем надёжный, сильный, от которого совсем стало спокойно. Теперь она в безопасности. С этой мыслью и задремала, не обращая внимания на Лавью, что сидела, прислонившись к стенке телеги бревном. Только сверкали в полумраке их укрытия её глаза холодным блеском, взгляд змеёй скользил по девушке, по нечаянному подарку княжича.

Проснулась Мирина от тревожного грохота и не сразу поняла, не узнала, где находится: вместо жёстких досок мягкость постели широкого шатра — теснота, но по малу сквозь туман сна просочилась ясность. Упокоилась. Её лачужки для невольниц далеко. Она в повозке, а грохот — всего лишь дождь. Однако это не утомонило судорожно дёргающегося сердца в груди. Сквозь грохот стали просачиваться мужские голоса, успокаивая совсем.

Лавья не спала. Наблюдая за взметнувшейся соседкой, валганка презрительно скривилась, вынужденная терпеть её, отвернувшись, ложась на другой бок, укрывшись чуть ли не с головой.

Мирина сглотнула, закутавшись плотнее в плащ, откинула полог и прищурилась от брызнувших в лицо холодных капель и свежего мокрого воздуха, налитанного запахом сырой земли и острым ароматом влажной древесины. Уже было утро — выходит, проспала всю ночь.

Гридень, что сидел на передке телеги, повернулся, подмигнув высунувшейся из-под кошмы девушке. Мирина смущённо улыбнулась, оглядела воинов, что под стеной дождя, снося гнёт непогоды, медленно шествовали по стремительно расхлябывающейся ливнем дороге. Беглянка попыталась выискать взглядом княжичей, но дальше, чем на сажень, ничего и не разглядеть — дождь будто из ведра хлынул, припустился ещё сильнее, поглощая водяным туманом всё

вокруг. Разочарованно выдохнув, Мирина нырнула обратно. Но как ни ждала, а вереница так и не остановилась, чтобы переждать ненастье. Да и где, когда кругом равнина и не то, что леска какого, а и деревца не сыщешь. По заросшей дороге колёса не увязали в трясины, катились так же ровно, и, несмотря на испортившуюся погоду, с каждым шагом вперёд всё дальше оставались валганы. Мирина улеглась обратно, подтянув колени к себе, слушая вливающийся в уши непрерывный грохот и шуршание дождя, улавливая обрывающиеся потоком дождя голоса мужчин, среди которых она искала только один. И зачем?

Ливень стих так же быстро, как и начался, только поднимался с набухшей от влаги земли холод, что забирался в их нагретое дыханием укрытие, и даже под плащ тёплый протискивался за ворот, прокатываясь дрожью по спине к пояснице, и становилось вдруг зябко. Всё отчётливей просачивался разговор воинов, те обсуждали, какой дорогой теперь идти. К вечеру уже и к лесу подступят, и если там ливень такой прошёл, то дорогами накатанными не пройти. Потому порешили в обход.

Не успели проехать и несколько сажений, как вдруг стало светлее, просочились солнечные лучи прозрачными тонкими паутинками через щели навеса. Больше не в силах сидеть в темнице, Мирина вынырнула из укрытия. Уж слишком долго она пробыла в заточении, хотелось любоваться вымытым дождём небом, зеленеющим лугом да подставлять лучам солнца лицо. И никто её больше не потревожит. Оставив Лавью — та только зябко куталась в платок шерстяной и всё так же глядела исподлобья — княжна под села на лавку к возничему. Щуря глаза на ослепительное, обильно льющее на землю свет коло, Мирина вдруг столкнулась с изучающим взглядом Арьяна. Княжна, и не заметила, как он оказался рядом с повозкой. Намокшие волосы падали на лоб, оттеняли его и без того бездонные глаза, делая их ещё более завораживающими, но от чего-то тяжесть легла на душу, и всё от той их первой встречи. Она отвернулась первая, уставившись на дорогу, смотря поверх вёртких ушей лошади, слушала, как бьются глухо копыта о землю, поднимая клочья травы вместе с комьями земли. Дорога терялась за перекатами взгорков. Весь путь Мирина ожидала увидеть при очередном подъёме зелёную стену леса, но она всё не появлялся. Степям, казалось, конца и края не будет.

Отряд остановился только к обеду, выбрав обветренный высокий холм. Остановились лишь для того, чтобы скинуть вымокшие плащи, переодеться в сухое и наскоро перекусить, а после вновь поднялись споро в седла да незамедлительно отправились в путь. Постепенно за день пути Мирина запомнила имена гридней, которые ненароком да заговаривали с ней о пустяках. Вот только братья, будто сговорившись, больше не обмолвились с ней ни словечком, да и что тут скажешь, коли всё уже понятно. Только заострились черты старшего княжича, будто думал он о чём-то тяжёлом, и от того казался отстранённым, в то время как гридни после проливного дождя, напротив, подбодрились духом, всё шумели, смеялись, шутили.

Мирина с каждой верстой, хоть и до дома было ещё далеко, а всё более ощущала родные края, и в душе разливались трепет и волнение. Как истосковалась по дому, по уютных солнечным тропикам в зарослях сосновых, по которым она прогуливалась чаще в одиночестве, по саду, который был настолько велик, что не обойти его и за день. Часто она уходила вглубь, пела песни и плела венки, срывая по пути стебли колокольчика, повитель выюнков, вешала на сучья берёз и яблонь и мечтала о девичьих глупостях. Тогда и в самом деле мысли её были ясные, чистые, ничем не обременённые. Куда подевалась эта беспечность да девичья нежность?

Просыпалась белым пеплом сгоревших крыльев, которые порой возносили её так высоко, что всё остальное казалось далёким, и только личная судьба волновала её. Больно пришлось падать и быстро взрослеть, и прежней лёгкости теперь не будет никогда, да и всего остального...

За раздумьями разными пролетел день. Небо, чистое от туч, стало низким, а тени — длиннее и глубже. Просторная степь вскоре начала обрастать кустарниками, стали попадаться дикие раскидистые яблони, белые стволы берёз, да вывернутые из земли мокрые от сырости корни. И наконец, перед путниками угрожающе вздыбился темнеющий в сумерках лес. Повеяло с него прелостью и влажным мхом. Слышала Мирина, что в Рязеских лесах много люда сгнуло. В недрах его замшелые озёра чёрные разливаются, которые люди стороной обходят, толкуют, что места те гиблые. Оно и поверилось в то, когда Мирина собственными глазами увидела неприветливую чернеющую гущу, даже мороз по спине продрал — не по себе сделалось, и хоть окружают мужи, а казалось, озёра эти где-то рядом лежат.

Отряд неуклонно следовал намеченному пути, бесстрашно — они-то не раз следовали по тропам этим, им остерегаться нечего, по крайней мере, сейчас не лес им был врагом. А с лесом

нужно дружить, приспособливаться, просить, разговаривать. Если лес объявить врагом, то он непременно победит.

Оказалось, и здесь прошёл ливень, и от влаги лошадей облепила тучей мошка. Мирина поначалу вслушивалась в звуки: как звенят у самых ушей комары, как глухо шуршит хвоя, как падают на землю старые сосновые шишки, как капает вода с листьев на мшистую землю. Лавья, которой, видно, надоело сидеть волчицей в укрытии, тоже вылезла, да только зря, комары зудели и кусали больно, девка враз покрылась красными от укусов пятнами, она-то непривычная к чащам. Из упрямства всё равно осталась сидеть на месте, во все глаза рассматривала дебри, бледнея.

— Надо на постой вставать, костры разводить, иначе живьём сожрут, — обернулся на княжичей самый старший из всех, воевода Радьяр.

Арьян пролетел мимо повозки, пуская лошадь вперёд, в самое начало, и вскоре весь отряд отклонился от заросшей багульником и ольхой тропы, телега покатила по склону меж вытянутых застарелых сосен и снова поднялась на взгорок, похожий на островок, остановилась под разлапистым еловым пологом.

— Тррр, — натянул поводья Остромысл.

Мирина чуть ткнулась вперёд, благо задержалась о плечо мужчины, иначе от резкой остановки кувырнулось бы вперёд. Тот весело хохотнул, бросая вожжи на круп лошади, спрыгнул наземь, разминая плечи от долгого сидения. Следом примкнулась и другая телега, на ней ехали Мечеслав вместе с Митко, парень всю шею изодрал от злых укусов мошки. И нужно бы мазью намазаться, да только ныне у Мирины её не сыщешь. Как и собственной ложки, и ножа, и даже гребня, чтобы расчесать спутанные волосы.

Дружно соорудили палатки — для шатров здесь и места не было. Развели костры с трудом — сухой валежник после такого дождя трудно сыскать — и принялись готовить снедь. Вскоре по становищу разнёсся густой тяжёлый дым, налитый запахом жаренных тетеревов. Насекомых им будто смыло. Для девушек отрядили отдельный костёр и палатку, куда принёс Митко на круглом подносе исходившее паром и томившееся в соку белое мясо птицы. А следом Данимир сам принёс девушкам и сбитня, подмигнув Мирине, многозначительно глянув на валганку, так, что от его красноречивого взгляда запыхали у княжны щёки, хоть и не ей он был предназначен. Разговорившись с Митко, что оказался приятным юношей в общении, Мирина и не заметила, как валганка исчезла. Княжна оглядела лагерь в свете костров, но среди воинов Данимира не обнаружила. Арьян же сидел в обществе воеводы и остальных гридней и, похоже, тоже ещё не подозревал о пропаже. Хотя ясное дело, почему те покинули становище. Мирина обратила взор в чащу, в заросли высоких папоротников, поёжилась от стылого прелого дыхания, исторгаемого дебрями.

— Страшно здесь, — призналась Мирина.

Митко, запив квасом съеденный сухарь, утёр по-мальчишечьи рукавом уста.

— Угу, а по этой тропе и вовсе никто не ездит, много здесь народу сгнуло. А в это время болотники шумят, пузыри пускают, ихние тут владения.

Мирине от его слов даже дурно сделалась. Почуяла, как толпа мурашек прокатилась по плечам, хоть сама она с тем никогда не сталкивалась, а дома, на родине, у них часто такое происходило — люди уходили по грибы да не возвращалась, а те, кто возвращался, рассудок оставляли в лесу, на всю жизнь беспомытны делались. Всё же не нужно было княжичу отходить далеко, хотелось спрятаться, закутавшись с головой и не вылезать до самого утра.

— А ты ведь княжна? — вдруг спросил Митко, в раз обрывая её поднявшийся было страх.

Спросил, что холодной водой окатил.

Мирина едва не подавилась сбитнем. Что ж, если от помощника княжеского нельзя утаить, то верно какой смешной дурочкой она казалась в глазах братьев. Тут же вспомнилась и ухмылка Данимира, он же просто смеялся над ней. И от этого осознания жутко стыдно сделалось.

— Заблудилась только, — ответил он вместо неё тут же.

— Нет, с чего ты это взял? — мотнула головой.

Парень, не замечая её бледноты, хмыкнул.

— А с того. Видно же. Ты похожа на княжну Всеславу. А высокую кровь легко можно отличить по повадкам сдержанным, будто холодным, да поговору спокойному.

— Кто такая Всеслава? — вырвался вопрос, не успела его перехватить, поздно прикусив язык.

Ей-то какое дело?

— Так князя Варкулы дочка из городища Орлецк. Она часто приезжает в Явлич к Арьяну. Невеста это его. В последний год так и сидит в стенах города.

— И сейчас там?

— А куда же ей деваться, — хохотнул Митко.

— Вот как... — протянула Мирина, отщипнула мякоть, положила в рот, только от чего-то есть вовсе перехотелось.

Подавляя разыгравшуюся тревогу снова глянула на Арьяна. Он будто заметил её взор на себе, поднял глаза, столкнувшись с её взглядом. Вдруг очнувшись, завертел головой, не найдя брата, поднялся на ноги, и вдруг в той стороне гридни всколыхнулись. И не успела Мирина ничего понять, как разорвал трухлявую зыбкую глушь пронзительный девичий визг.

Митко аж подпрыгнул на месте, и Мирина подскочила с подстилки, расплескав сбитень, нутро всё отнялось от страха, а руки и ноги онемели. Никак беда! Часть гридней, похватав оружие с земли, бросилась в чашу во главе с Арьяном. Мирина тоже дёрнулась было за ними, но Митко успел перехватить её.

— Куда ты?

Мирина, не слыша, вырвалась, вбежала в чашу за остальными.

Навстречу воинам выбежала Лавья. Одна. Глаза застывшие, остекленевшие от ужаса, и смуглая её кожа стала бледной, как поганка, лицо исказилось страхом. Арьян подступил к ней. По сравнению с девкой показался скалой грозной, того и гляди придушит, стоит только пальцами чуть шею сдавить. Он схватил её за плечи, встряхнул.

— Где он?

Лавья и слова вымолвить не смогла, ткнула только пальцем в заросли.

Выпустив её, Арьян бросился сквозь кусты, затерявшись в дебрях, кто-то из мужчин, бранясь последовал за ним. Мирина было рванулась тоже, но крепкие руки, не то, что у Митко, не просто остановили — в землю втолки.

— Куда ты, девка глупая! Там болото, — услышала она басовый голос, кажется, Мечеслава. Послышались всплески воды и снова раздался крик, но теперь уже мужской, и голос это был Данимира, какой-то дикий, обезумевший, до нутра пробрал. Мирина всматривалась в лес, ожидание затягивалось, никто не выходил. Наконец, донёсся треск сучьев, и факелы выхватили вышедших братьев. Арьян насильно волок за собой Данимира, тот упирался, вырывался, порываясь бежать прочь без оглядки. Мирина задеревенела, так и пристыв ступнями к земле. Данимир был и впрямь обезумевшим, на нём остались только одни порты, сам он был вымазан чем-то чёрным, будто смолой. Мирина сорвалась с места, протискиваясь через обступивших княжичей гридней.

— Очнись же! — бил его по щекам Арьян, встряхивая.

Данимир от тяжести его руки на время затихал, но потом заново бился на земле, как пойманный зверь, по-прежнему не понимал, где он и что с ним.

Мирина, сама не зная, что делает, упала на колени рядом. Прибил девушку ледяной взор Арьяна — мол чего надо.

— Позволь, — попросила она, настояв на своём.

Тот не сразу, но подпустил её, уступив, всё так же держа крепко Данимира, да один не удерживал, без помощи других мужей и не обошлось. Мирина, вобрав в себя больше воздуха, смахнула с лица тёмные влажные кудри, что облепляли лицо мужчины, на миг, но всё внутри пошатнулась, когда увидела мечущийся взгляд княжича, который совершенно не замечал никого вокруг и видел что-то другое, то, что от остальных было сокрыто.

— Он в навь вступил, — сказала она, поняв, в чём дело.

— Не трогай меня! — вдруг крикнул Данимир. — Уйди!

Казалось, Мирине он говорил, да не ей, а тому, в чьи руки он попался.

— Тише, — Мирина взяла его лицо в ладони, огладила мокрую, холодную, как лёд, кожу, смахивая бегущие с волос струйки воды, вынуждая смотреть только на неё. У Данимира зуб на зуб не попадал, свело судорогой ноги — плохой знак.

— Здесь никого нет, только я и ты, я вытащу тебя, только не иди за ним, не слушай, — сказала она спокойно, не выпуская из внимания его до самых краёв радужки расширенные зрачки, холодные, пустые, судорожно вспоминая знания, которым учил её отец. Оно никуда и не уходило, крылось в ней всё это время и только сейчас пробудилось, ладони закололо сотнями

игл, разлилось по рукам тепло. — Здесь никого нет, — повторила, — мы одни с тобой. Верить мне? Видишь меня?

Впрочем, силу она в плену растеряла, а точнее, с той поры, как ушёл из мира яви отец. Она об этом будто забыла, словно забвением охваченная.

Но всё же тепло проливалось из ладоней, Данимир быстро закивал, сглатывая тугу, смотрел на неё и будто сквозь неё.

— Со мной, здесь я, — всё повторяла, понизив голос.

Княжич судорожно дышал, втягивая воздух резко, будто загнанный мерин. Мирина ощутила под ладонями, как напряглись до предела его мышцы. Он поначалу дёргал головой от её прикосновений, как огнём обжигался, но постепенно дыхание его выравнивалось, а мутный взор помалу да прояснялся, приобретая осмысленность, зрачки стали сужаться.

— Соль. Дайте соль, — велела Мирина.

И тут же в ладонь лег кожаный мешочек — соль имел при себе каждый воин. Всыпав в ладонь белых крупиц, Мирина поднесла их к губам Данимира.

— Попробуй.

Он смотрел на неё неотрывно и, казалось, не слышал её просьбы — всё ещё не узнавал.

Мирина, проявив настойчивость, ближе поднесла ладонь, и он послушно попробовал.

Воспользовавшись тем, княжна всыпала ему в рот всю горсть.

— Что ты делаешь?! — перехватил было её руку Арьян, что молча следил всё это время за ней, не вмешиваясь.

Данимир скорчился, опрокинувшись на землю, начал плевать и приходить в себя.

— Навь отступила, — сказал с облегчением кто-то из мужчин.

— Вы что, меня отравить хотите? Что за дрянь? — вытираясь, кривился княжич, но всё ещё был слаб, чтобы самому подняться.

Арьян подхватил под руку брата. Мирина выдохнула и вновь погрузилась в прошлое, думая об отце.

— Уходим отсюда, — оправился первым Арьян, помог подняться Данимиру, одарил девушку благодарным взглядом.

По пути Мирина заметила, что Арьян, как и Данимир, был насквозь мокрый, верно поймал его уже в болоте. И от этого комом снежным упала тяжесть.

Митко, что сидел возле костра, бросился к вернувшимся, за ним и остальные. Лошади беспокойно стояли у деревьев.

— Где она? — спросила Мирина, не находя валганку.

Отрок кинул на палатку. Видно испугалась бедняга, спряталась, с таким верно ещё и не сталкивалась. Мужчинам нужно было переодеться, и Мирина поспешила вернуться к своему огню, стараясь не слышать обрывки рассказов Данимира. Девичьи уши и вовсе не должны были услышать, чем они там занимались, когда навь подкралась к ним незаметно, утягивая княжича за ноги в свои владения.

Просидела Мирина долго, вглядываясь в огонь, слушая всхлипы валганки, но вскоре и они стихли и постепенно дрожь сошла вместе с испугом, накатила сонливость. Мирина не заметила, как к ней подкрался кто-то, вздрогнула, когда Арьян уже опустился рядом к костру. Долго посмотрел на девушку, и снова сжалось всё внутри от его близкого присутствия, и верно будет так каждый раз, когда он посмотрит на неё.

Арьян вдруг протянул руку, касаясь пальцами подбородка, стирая с лица её что-то — видно испачкалась, когда пыталась успокоить Данимира.

— Как он? — спросила она.

— Уснул, — ответил княжич приглушённо. — Как ты узнала...

— Ведал отец... — Мирина запнулась, едва не сказав о князе, — и мне заверял, что соль отгоняет всякое скверное, чуждое человеку, соль и на ночь ставят у изголовья, когда головная боль или кошмары мучают. А тут ещё и вкус пробуждает, приводя в чувства. Не утянул его болотник за собой.

— Значит, я, получается, твой должник.

— Нет, можешь считать, мы в расчёте, — Мирина возымела твёрдости ответить и посмотреть в глаза долго, и первая не отвела взора, хоть далось ей это с большим трудом.

Но не успел он попытаться возразить, Мирина опередила его.

— Ты мне дал свободу.

— Разве? Не имей ты храбрости...

— Она бы не появилась, если бы вы не приехали в лагерь, — с каждым сказанным словом делалось легче, не ожидала такого Мирина, будто сбрасывала с заплечного мешка камни, что тянула за собой всю дорогу.

Княжич нахмурился, хотел ещё что-то спросить, но от чего-то передумал.

— Хорошо, пусть так. Но говорить ты, как я понимаю, по-прежнему не хочешь, кто ты?

Мирина затаила дыхание, будто сейчас земля под ногами уйдёт, уже пошатываясь.

— Не простым был твой отец, князь Радонег. О том, что ведал, я не знал, — выдохнул Арьян, меняясь в лице, обращая на Мирину проницательный взгляд. — Я всю дорогу думал... — опередил её княжич, не стал пытаться, пожалел. — Слышал, что зимой пропала княжна из острога Ровицы. Стало быть, ты и есть?

Мирина коротко посмотрела на него, невыносимо было тонуть в его взгляде, словно в тех самых чёрных озёрах в лесу, спрятанных мхами и сетями корней. Моргнула, резко отворачиваясь к огню, сжимая подрагивающие пальцы в кулаки.

— Я.

Повисла тишина, лишь слышны были потрескивание сучьев да тихие переговоры гридней, которые тоже знатно перепугались. Воины воинами, а перед навью — миром духов — что перед смертью, все равны. Мирина вдруг вспомнила, как княжич бросился в топь спасать Данимира, и холодно сделалось, но верно не за себя он думал, за брата, а могли бы стинуть оба. Мирина от подобных раздумий повела плечом.

— Поедешь с нами в Явлич, — решил Арьян, сказав твёрдо, нарушив затянувшееся молчание, поднялся на ноги.

Княжна задрала голову, чтобы посмотреть на него.

— Одну я тебя уже не оставлю.

Глава 4

Вихсар крутил между пальцев выкованный из железа оберег размером с монету, вытертый до блеска одеждой и кожей. В сердцевине его были высечены руны, украшенные зернистой пылью. Что они значили, он не мог прочесть, чужой язык он хоть и изучал с детства, а до сих пор некоторые знания были от него сокрыты, непостижимы. Как и этот оберег, и сама его хозяйка...

Он зажал амулет в кулаке, сминая с силой. У воличей есть примета — коли оставил гость вещь, значит обязательно вернётся.

Вернётся.

Вихсар лежал на постели, слушая, как подвывает ветер, устремив задумчивый взгляд в тканевый купол. Бесшумно и воздушно вздымал ветер полог шатра, пуская внутрь сырой от прошедшего ночью ливня воздух. Он был прохладный — в степи поутру всегда холодно. Колючим клубком он прокатывался по остывшему от любовных утех нагому телу, принося волны дрожи. Вихсар думал о своей пленнице, думал, и всё больше разрасталась в нём буря. Гордая храбрая птичка, которую он подобрал в лесу, и которая улетела вчера утром, не давала покоя. Убежала. Он с самого начала знал, кто она, и всё равно привёз её в лагерь, и первое, что сделал — раздел её, содрал все эти многослойные одежды, что носили женщины воличей, все эти грозди украшений, срывал, будто мальчишка, залезший в чужой сад своровать поспевшие плоды. Он чувствовал власть и в то же время опасность, сладкое послевкусие от своей добычи. И это его забавляло, развлекало, раззадоривало ещё больше. Но так было только вначале. И нужно было остановиться, но он этого не сделал лишь потому, что она смотрела на него с такой дикой ненавистью и лихорадочной злостью. Она не тряслась от страха, как те малодушные шавки, что побыли в его плену, не было в её глазах блеска вожделения, как у этих развратных потаскух, которые горло грызли друг другу из-за того, кто окажется на этот раз в его постели. Если бы взглядом можно было убивать, то он, наверное, лёг бы тут же, поверженный, на землю. Вихсар взял её грубо, слишком, как оказалось, для её первого раза, не задумываясь о том, чтобы доставить ей удовольствие. Впрочем, он не старался ни для одной из своих наложниц, хотя долю снисходительности всё же к Мирине проявил, не стал терзать долго, удивляясь тому, что

она была невинной. Такой же девственной и искренней была в этот миг первобытная ненависть к нему в её зоре. И даже тогда она не произнесла ни звука, терпела, снося его в себе. Он хорошо запомнил тогда её глаза, их необычный цвет, колотое-синий, как снежные дали, обжигающие морозом, потемневшие, как грозное небо, от лютых смешанных чувств. Он никогда не видел такого взгляда, такого убийственного и живого одновременно. Сколько бы пленниц в его руках ни побывало, у всех только страх, страх, что вынуждал покориться и подчиниться. Вихсар даже ничего для этого не делал. А после того, первого раза он хотел видеть только её, любить только её, ласкать, смотреть в эти полные ненависти глаза не потому, что это доставляло ему удовольствие, а затем, чтобы увидеть в них смирение и покорность. И каждый раз одно и то же — ни тяжёлая работа, ни лишения не изменили её. И он доставлял ей столько боли и одновременно столько внимания, сколько должно принадлежать любовницам. Иногда он себя спрашивал, зачем ему это нужно? Зачем она нужна ему? Наверное, он впервые не знал ответа, не знал, что с ней делать. Отпустить или вернуть то, что должно принадлежать ему? Впервые он теряет. Вихсар такого допустить не мог — хан не должен ничего лишиться, иначе какой он хозяин, какой вождь? И кого теряет! Невольниц! Ему всегда всё доставалось по одному только движению мысли, желания. Никто никогда не смел его ослушаться, а она посмела. Посмела смотреть дерзко, открыто, за такое он мог её иссечь до полусмерти или лишить глаз. Женщина не должна так смотреть на мужчину, на своего хозяина, на хана. Каждый раз, как только он вдавливал её в постель, нанизывался на этот острый, как нож, взгляд, холодный, как горный родник, и готов был придушить пленницу за это, и сдавливал её тонкую шею, и каждый раз останавливался, тонул в её глазах. Как посмела убежать!? Ведь знала, что с ней будет, когда поймают её. А в том, что поймают, он уже не сомневался. И мысленно, как иссечёт, а потом отдаст на растерзание сардарам. Он пообещал ей, а обещание своё никогда не нарушал. Едва только подумав о том, как другие будут касаться её, Вихсар вскипал от колкой ревности и гнева и ненавидел себя за подобные чувства, которые не должен испытывать к женщине, а уж тем более, к пленнице. Да и не сам ли он обещал любому, кто притронется к ней, оскотить? Выходит, он нарушает своё обещание дважды. Нет, он просто обезумел, лишился рассудка из-за своей нечаянной пленницы, свихнулся из-за неё, как сказал ему Угдэй и говорил уж не раз с тех пор, как княжна появилась в лагере. Угдэй — верный друг, и не просто друг, а выслуженный у него умелый воин — батыр, заработавший уважение и место рядом с ханом. Но даже его Вихсар не послушал, не прислушался к совету ни как друга, не как опытного, повидавшего многое человека.

Каждый цветок на своём стебле распускается, — сказал Угдэй.

И как понять его слова? Да он и не желал понимать. Это его добыча, и она должна принадлежать только ему, Вихсару хан Бивсар.

Вихсар провёл ладонью по лицу, втягивая с шумом стылый воздух. Смятение все больше разрасталось смерчем, закручивалось воронкой в глубине души, свербя. Он не погнался за ней тут же только из-за Угдэя и теперь, по истечении двух дней, как загнанный зверь, метался по лагерю, по этому ставшему тесным шатру, не находя покоя. Это было ошибкой, наверное, первой за всю его жизнь — отпустить её с князьями. Его тут же продрала свирепая ярость. Вихсар разжал кулак, посмотрев на вымазанный собственной кровью талисман. Как он позволил забрать её?! От одного представления, что рядом с Мириной будет находиться княжич из Явлича, слепили глаза, а уши глухли.

Вихсар резко сел, стиснул кулаки. Его пленница, его Сугар — именно так он называл свою невольницу, княжну из Ровицы, дочь Радонег. Он дал ей это имя за непокорность, воинственность, своенравность и красоту — Сугар. И красота эта была бесконечно далёкой. Вихсар вспомнил, как прибежала Хашин, надсмотрщица, оповестив его о том, что пропала воличанка. Он помнил, как поднял весь лагерь на уши, как ворвался в женский шатёр, раскидав по углам всех своих наложниц, напугав до смерти пленниц, но так и не нашёл её, не вытряс из этих куриц ничего путного. Он даже порывался отсечь им всем головы за то, что все разом лишились языка! А потом вернулись дозорные, сказав, что с княжичами уехала не одна девушка, а две. Сначала он не поверил этому. Как они могли её забрать, ведь он сам провожал гостей, видел, как уезжали?! Никогда он не испытывал такого приступа бешенства, он чувствовал себя обманутым. Его, Вихсара хан Бивсар, обвели вокруг пальца! Наверное, в тот миг он бы собрал войско и догнал их, если бы не Угдэй. Отчасти Вихсар ему благодарен, тот помог избежать неосторожного поступка, за которым могли бы быть скверные последствия.

Теперь поступит иначе...

Рядом пошевелилась Айма. Соскользнула шкура вниз, открывая стройные ноги с золотистой кожей. Длинные, чёрные, как вороново крыло, волосы девушки разметались по постели сетями. Давно он не видел рядом с собой Айму. Обычно Лавья оставалась на ночь, а в последнее время так и её не звал, а только... Вихсар сглотнул, ещё больше зверея. Лавью он отдал без всяких колебаний, пусть та и была в прошлом его любимицей, только минувшим летом подарил её вождю брат Айшат. А ни разу со дня ухода Лавьи он не сожалел о своём решении, об одном только сожалел, что не приказал в те дни, когда гостили в его шатре княжичи, следить за пленницей пристально. Вихрь гнева достиг своего предела, но Вихсар внешне оставался спокоен, поднялся с постели, подобрав с сундука шёлковую рубаху — пора всё решать. Он знает, что эту стихию, данную Тенгри, лучше сберечь для другого дела. Вихсар умел проявлять терпение и выдержку. Умел ждать. И знал, что обязательно за это получит вознаграждение. Он вернёт то, что ему принадлежит, во что бы то ни стало, и пусть Угдэй больше не пытается его остановить, Вихсар возместит всё сполна, в этом он не сомневался ни на крупицу. Иначе ему не быть сыном великого хана Бивсара!

Тёплые ладони легли на его спину, прерывая бурлящие размышления, огладили плечи, скользнули к поясу. Рубаха выскользнула из его рук, Вихсар поймал женские запястья прежде, чем наложница подарила ему первую волну удовольствия. Но вдруг передумал, позволив ласкать себя. Айма обошла его медленно, глядя ещё сонно и вместе с тем притягательно из-под густых тёмных ресниц. Наложница была хороша собой, у брата есть вкус к женщинам. Она плавно опустилась перед вождём на колени, и мягкие губы коснулись вновь восставшей плоти. Одновременно ладони девушки скользнули вверх по его бедрам к паху. Вихсар, собрав в кулаки шёлковые волосы, закрыл глаза, чуть откинув голову назад. Он не сомневался, что на волнах блаженства увидит другую. Ту, чьи волосы белым золотом струились по плечам, по полным грудям, по округлым, молочным бёдрам. Только видел он в её глазах не стальной блеск отчуждённости, что вспыхивал, когда она оказывалась в его постели, а ласку, как ему того желалось. Обхватив затылок девушки, уже на грани взрыва он приблизил Айму плотнее. Наверное, наложница на миг потеряла дыхание, потому что он ощутил, как та застыла камнем, но не могла воспротивиться хозяину, да и не хотела, стараясь угодить ему и доставить как можно больше удовольствия, чтобы он назвал её своей любимой и одарил драгоценностями. Она ведь сама сползла с постели, как кошка, приластившись к его ногам. Сугар же он стаскивал насильно, насильно ставил на колени. Как будто и сейчас она стояла перед глазами, полосую его свирепым взглядом — он видел, как вздрагивают крылья носа, дрожит дыхание и мягкие розовые губы, когда принуждал исполнять его желания. И каждое движение для неё будто маленькая смерть в глазах. И сколько же силы было в этой хрупкой пташке, чтобы вот так каждый раз сопротивляться, делая только себе хуже. И всё же она боялась его. После того раза, как впервые сбежала, тогда он сам иссёк её, а во второй раз ещё сильнее, тогда она немного, но перестала бороться. Вот только от этого ему не стало легче, и это страшно злило.

Разлилась темнота, затмевая, словно чёрная луна, все мысли и видения. Брызнув семенем, Вихсар открыл глаза, но сидящей на полу он хотел видеть не Айму, а свою пленницу. Вождь выпустил наложницу. Взгляд девушки вдруг потускнел, опустился на его грудь, где висел вместе с родовыми оберегами талисман, чуждый для их племени, мелькнуло во взоре и тут же погасло смятение, будто только сейчас она заметила его, заметила и всё поняла.

— Пошла вон, — спокойно сказал хан, получив своё, отступая.

Ресницы Аймы дрогнули, она растерянно опустила взгляд, отводя его в сторону, тень обиды легла на её лицо, но Вихсара это нисколько не волновало. Наложница послушно поднялась, отыскав своё платье, оделась и молча вышла, не заставляя своего хозяина ждать и гневаться. Вихсар подобрал рубаху, спешно надел. Прохладный шёлк приятно лёг к коже, успокаивая. Натянув штаны и накинув стёганный кафтан с косым запахом и бурой, как сок брусники, подстёжкой, опоясался. Шагнул за полог, окликнул стражника.

— Где Угдэй? Позови мне его сюда, — велел хан.

Коренастый мужчина в лисьей шапке и с длинными, топорщащимися из-под неё чёрными косами после выхода наложницы уже был готов к распоряжениям. Коротко кивнув, пошёл вглубь лагеря. Сырой туман окутал становище водяным панцирем, лишь вырывались клубы дыма из него, поднимаясь в розовеющее с востока небо. Тянуло с лугов сладковатым ароматом

медуницы, смешанным с запахом дыма. Сугар пахла именно так, сладко, как цветущий луг, а дым только забил этот запах.

«Каждый цветок распускается на своём стебле...»

Вихсар, задёрнув полог, вернулся в шатёр, в главную его часть, где горели языки пламени перед, высеченным из воловьей кости изваянием божества. Сегодня был день поминания его матери, и для неё горели все эти огни всю ночь, здесь же стояла плешка с зерном и мёдом. Хан опустился перед алтарём на колени. Никто никогда не видел, как он обращается к высшим силам, кроме отца, братьев и матери, которой не стало прошлой зимой. Именно поэтому он не мог оставаться на месте. Собрав своих верных людей, покинул родовое гнездо, отправившись на север, к Ряжеским лесам, и объезжает их теперь уже целый год... Год пронёсся как один день, а эти два дня терзаний тянулись бесконечно долго. Матушка любила всех своих сыновей одинаково, но его — Вихсар только сейчас это понял — больше. Вот только за что, не мог понять. Он был самым взбалмошным и непослушным, а взрослея, иногда нарушал веления отца, как, в прочем, и в последний раз, когда покинул его. Бивсар был против его отъезда. Вихсар протянул руку к огню. Языки лизнули ладонь, обжигая, просачиваясь сквозь пальцы, но он не чувствовал этого, предавшись раздумьям. Разглядывал желтоватые прорези в кости, суровый взор Воина Сúlде, ряд ровных зубов, которые то ли впились в сталь щита, что Бог держал в руках, то ли устрашающе и гневно скалились. Вот и Вихсар иногда, казалось, так же яростно впивается зубами в свою жизнь и не может никак распробовать её вкуса. А иногда показывал он ей свои зубы, скалясь в волчьем оскале, будто на врага. Потому что жил он по одному закону — всё или ничего.

Вихсар убрал руку, почувствовав, как ладонь начало жечь. В шатёр неожиданно хлынул поток света, накрыла холодная тень.

Угдэй громадной глыбой вошёл в шатёр, и сразу стало тесно. Выглядел он мрачно, видно уже знал, зачем хан зовёт его в столь раннее время. Батыр глянул в сторону алтаря, потом на Вихсара и помрачнел ещё больше, так что прибавилось даже лет ему на вид. Хотя он был немного старше Вихсара, но сейчас взор его был не яростным, плещущим силой, а скорбным. Горечь от потерь близких, друзей по оружию, вынуждала крепнуть и обрастать корой быстро. — Вздумал, значит, идти по следу? — голос его густой смолой накрыл, а Вихсар не привык к тому, чтобы с ним разговаривали таким тоном.

Вождь поднялся во весь рост и оказался выше своего друга, впрочем, он даже от своих братьев старших отличался изрядным ростом, хотя те были куда матёрей его.

— Я хочу всего лишь вернуть свою добычу.

Угдэй пожевал губами, вновь проявляя недовольство его решением.

— Я поеду с миром. Тем более, сыновья Вяжеслава приглашали меня в своё княжество, вот и не заставляю их долго ждать.

— А ты уверен, что она осталась с ними, а не на пути уже в Ровицы?

Вихсар хмыкнул, прошёл к наполненному едой и питьём подносу, что стоял на резном столике, подхватил чару, поднёс к губам, отпил рябинового вина. Жидкость обожгла горло, согрела. Оторвавшись, Вихсар кивнул на столик, приглашая и Угдэя угоститься. Тот только качнул головой.

— Я знаю, что она с ними, — молвил вождь.

— Если завяжется вражда... мы... у нас слишком мало людей...

— Поэтому ты здесь, Угдэй, я звал тебя, чтобы дать тебе поручение, — Вихсар наполнил чашу из кувшина бардовым вином, протянул воину. — Ты поедешь к хану Бивсару с моей просьбой дать мне войско.

Лицо батыра вытянулось, он не выпускал вождя некоторое время из-под своего изумлённого взгляда, а очнувшись, принял угощение из его рук, отпил, оставаясь задумчивым.

— Я не могу всё так оставить, и ты должен это понимать, — начал говорить хан, снимая пояс со спинки кресла. — У меня её украли, увезли из-под носа. Ты хочешь, чтобы печать позора всю жизнь жгла мне душу? Какой я тогда воин? Как я предстану перед вечностью, перед своим предками, братьями, отцом, всем племенем, зная о том, что надо мной посмеялись? Я последовал совету Бивсара, и я сохраню с воличами мир. — Вихсар замолк и тут же поправил сам себя: — Постараюсь.

Воин слушал молча, водя взглядом по лицу Вихсара, будто выискивал что-то, хотя чего он ожидал? Знал-то его не первый год.

— Это их женщина, их племени они не отдадут...

Вихсар подступил к Угдэю так быстро, что тот застрял на полуслове. Острый взгляд вождя пронзил, будто шипами.

— Ты слишком много говоришь, батыр, исполняй то, что я велю.

Глаза Вихсара потухли и вдруг разом выцвели. Князя Радонегу уже нет в живых, а договориться с женщиной ему не составит труда. Тем более, насколько он знал, мать у Сугар не родная.

— Пусть Великий Тангрин наделит тебя мудростью и яростью вепря, хан, — сказал Угдэй и чуть склонился в пояс.

Вихсар замер. Много лет идёт их дружба, а одно всего лишь непонимание враз сделало их чужими. Хан сдержал вспыхнувшую было ярость. Не такого он хотел разговора, но видимо, тому суждено быть.

— Иди, — сказал, поставив свою чашу.

Угдэй было ступил к выходу, но застопорился вдруг. Вихсар выгнул бровь, готовясь слушать.

— Позволь отправить Алтана.

— Почему его? — спросил он, успокаиваясь совсем.

— Потому что я не хочу оставлять тебя одного и последую за тобой всюду, куда бы ты не устремился.

Вихсар вернул на него задумчивый взор. Угдэй смотрел неотрывно и твёрдо. Хан отвернулся, подхватывая саблю.

— Я ценю твою верность, Угдэй, и хочу, чтобы ты научился мне доверять, — хан взял сушёный абрикос и положил в рот. — Делай, как считаешь нужным, главное, чтобы было исполнено.

Вихсар отвернулся, дёрнул клинок из ножен, слушая сначала тишину, а потом шаги. Хлынул и погас густой утренний свет.

Теперь, когда волна злости спала, Вихсару стали понятны тревоги батыра. Как бы он ни ярился, а Угдэй прав. С теми воинами, что есть у него в лагере, не взять осадой даже острог. Но он и не собирался развязывать с воличами войну. Если, конечно, никто не встанет на его пути. А на этот случай войско ему нужно.

Поймав своё отражение на гладкой стали, хан застыл, видя чёрные, полные каким-то диким ядовитым блеском глаза, резко вложил саблю обратно.

Глава 5

К посадку подъехали только к обеду, когда меж построек уже струился такой дым и чад, исходивший от кузнецов, что невозможно было разглядеть дороги дальше, чем на три сажени. Арьян, отправив дружинный отряд в городище, не стал глубоко заезжать. Остановился на окраине, у небольшого малолюдного постоялого двора и договорился с хозяином прибежища, чтобы тот отыскал для него самую спокойную, сухую, светлую и тёплую клеть — лучшую, что есть у него. Княжич оставил девушек в хороминах, а сам отправился с Данимиром и Митко на торг. Там они пробыли больше времени, чем задумывал Арьян. Выбирать одежду для девицы доводилось впервые, и если бы не Данимир, который более-менее разбирался в красоте и нарядях, до самого вечера, пока небо не позеленело, слонялся бы, огибая в который раз торжок. Да и к тому же чуть ли не каждый торговец, увидев княжичей, зазывал их к своему прилавку. Стоило бы отправить Митко одного, но ему такого поручить было нельзя, мальчишка ещё меньше соображал в женских побрякушках, чем сам княжич. И наверное, Арьян не устал так никогда. Да и солнце пекло столь сильно, что нечем было дышать, поднималась от ещё влажной, не успевшей просохнуть земли духота.

— Значит, всё же решил отвезти её сам к родичам? — спросил Данимир, даже не глянув на брата, задумчиво разглядывая в руках драгоценность. Он для валганки не забыл раздобыть первый ей подарок — тонкой чеканки браслет, усыпанный яхонтом.

Арьян, повесив на седло Митко все вещи, что приобрёл на торжке, подступил к жеребцу, расправляя узду.

— И не я один, ты поедешь со мной. Не могу тебя оставить одного.

Данимир хмыкнул, но промолчал. Арьян бросил на брата быстрый взгляд. После того, как Навь едва не утащила его, Данимир ещё долго отходил, пришлось задержаться до обеда в том лесу,

чтобы княжич выспался, как следует. Да и потом был долгое время сам не свой, и только когда выехали из леса, значительно оживился, приходя, наконец, в себя. Однако всё же заставил изрядно поволноваться.

— Не смотри ты на меня волком, — Арьян поднялся в седло.

— Да нет, я просто думаю, что ты мог бы отправить её с кем-то другим, — отозвался Данимир, бросая в мешок драгоценность. — Вижу, разволновала тебя наша беглянка? — усмехнулся он. Арьян, тронув пятками бока жеребца, пустил его по дороге, намереваясь прекратить этот пустой разговор. Всю дорогу до постоянного двора ехали молча. На подворье, переговорив с хозяином прибежища и дав распоряжение беречь гостью от чужого внимания, старший княжич поднялся на верхний ярус терема и ещё с лестницы услышал голос Лавьи. Говорила та приглушённо и сдавленно, словно змея шипела — ничего не разобрать. Он и не стал прислушиваться, вошёл в приоткрытую дверь и успел только заметить, как валганка отскочила в сторону, а вид у Мирины был такой затравленный, будто у пойманной волчицы. Она отвела глаза. Арьян окинул её внимательным взглядом, пальцы девушки дрожали. Тут же, прервав молчание, вошёл Митко с набитыми до отказа мешками. Мирина, увидев ношу отрока, поднялась с лавки озадаченной. Арьян молчаливым жестом велел поставить мешки на сундуки.

— Спускайся во двор, — велел Арьян валганке. — Митко, проводи.

Короткое распоряжение было исполнено быстро. Лавья, проходя мимо, глянула так, будто кипятком ошпарила, настолько жгучими были её карие глаза. Дверь за ними закрылась.

— Всё хорошо? — спросил княжич у Мирины, проходя вглубь.

Она сжала губы, растерянно кивнула. Всё же не стоило их оставлять одних.

— Что это? — кивнула она на вещи.

— Это для тебя.

Мирина опустила ресницы, совсем теряясь, и Арьян решил не стеснять долго, сказал:

— Я приеду за тобой через два дня. Так что пока отдыхай с пути. Постараемся, чтобы никто не узнал о тебе, — он чуть обернулся, глянув на закрытую дверь. — Она же не знает, кто ты?

— Нет.

— Вот и славно.

На некоторое время повисло молчание. Арьян огляделся. Корчмарь и в самом деле выбрал хорошее место, тихое, спокойное, в глубине двора, поближе к лесу, даже не было слышно разных звуков с улицы, и вдобавок светло и тепло. А может быть, ему так казалось, потому что рядом, в двух шагах, стояла эта хрупкая нежная девушка. С голубыми, как горные озёра, глазами, пусть и в мужской одежде, что висела на ней, скрывая все формы, она совсем походила на девочку, но княжич ни на долю не забывал, что под этой одеждой красивое стройное женское тело, которое предназначено для ласк, и которого касался другой.

Арьян шумно выдохнул, очнувшись от неуместных раздумий, больше не задерживаясь, отступил к двери, оставляя Мирину в хоромине. Ей нужно отдохнуть, а ему же многое предстояло сделать, и нужно было поспешить, чтобы как можно быстрее справиться дела. Вот только отпускать её от себя не хотел, уж как для него это было ни удивительно. За то недолгое время, что они были в пути, привык к её присутствию. К её теплоте и спокойствию, привык видеть где-то рядом задумчивый, блуждающий по горизонту взор это хрупкой, что стеклянные бусы, девушки, её сдерживаемую — как бы кто не заметил — радость от всего пустякового, будь то дождь или тёмные кущи леса. И её хотелось беречь и чувствовать.

Арьян спускался по лестнице быстро. Терем, густо пахнувший сосновой смолой, был, видно, поставлен по весеннему теплу. Только другое совсем его будоражило.

Арьян пронизал чёлку пятернёй, смахивая её со лба. Непривычные, иные чувства будила в нём его невольная спутница. Тесно делалось от них внутри и до того, как узнал, кто она на самом деле, и после. Тесно и беспокойно. Тревожно до щемящего волнения. Будто что-то огромное ворочалось в нём, не уместаясь, не давая покоя. Княжич и сам не понимал, почему. Откуда? Но оставлять её было нехорошо одну. Арьян едва не развернулся лишь для того, чтобы забрать Мирину с собой, и усилием воли унял всплеснувшийся было порыв. Для её же безопасности останется она здесь.

Увидеть дочь Радонег в логове валганов он, конечно, не ожидал. А ведь о том, что пропала княжна, начали судачить по весне. Распускали слухи, что поисками княжны Ровицы озаботилась овдовевшая княгиня Световида. Арьян и намного раньше, ещё с осени, был наслышан о молодой княжне, которая вступила в пору на выданье. Вскользь слышал, в особое

внимание княжича толки о ней не попадали. На то время ему не до того было. Как ушла матушка, другие заботы и переживания трогали.

Княгиня не шибко искала дочку. Родная мать бы все княжества на уши поставила, а от этой только слухи были разные, да такие, что не знаешь, верить тому или нет. За помощью к соседним князьям не обращалась. Видимо, ей и на руку была такая пропажа — зачем уступать другой, когда сама ещё молода и здорова. Потому Арьян не сразу понял, кого застал рядом с вождем, не помыслил, что это и есть та самая сгинувшая княжна из Ровицы, о которой он уже и позабыл. Хотя было сразу видно, что девушка не проста. И видел, и узнал, но каким-то внутренним чутьём, краешком сознания, мимолётном взглядом. Каким образом попала она к Вихсару хан Бивсар, как она оказалась невольницей валгановского вождя, Мирина за весь путь так и не призналась, а он и не настаивал. Хотя невольно напрашивались скверные думы — не причастна ли княгиня Световида к пропаже?

И отвезёт её домой сам лишь затем, чтобы самому взглянуть на родичей княжны. Чтобы убедиться, что та останется в надёжности, хоть в это уже и не верилось. Путь до Ровицы, конечно, не близкий, но пока ничто не держало на месте, как это было зимой, когда слегла матушка. Разве только... Вспомнил о Всеславе, и даже как-то небо потемнело, и серо всё стало кругом. С ней, конечно, договориться не помеха, но ведь станет допытываться, зачем ему в такую даль и почему, хотя она ему ещё не жена, а он ей не муж. Княжна Орлецка, и когда к валганам он собрался, вздумала обидеться на него. Её волнение выводило из себя порой до бешенства, но вместе с тем ему это нравилось. Такое вот превышенное внимание и льстило, и раздражало одновременно до иступления. К ней у него за долгие месяцы сложилось двойное отношение. Он испытывал дразнящее возбуждение, когда видел её тело, гибкое, стройное, когда ловил потемневший в затаённом желании взгляд, и лютовал, когда Всеслава пыталась заглянуть слишком глубоко в его душу. Княжна всё пыталась дотянуться до глубины, а Мирина... словно была уже там, в омуте его порой смутных чувств, словно именно там он и нашёл её.

И очень не хотелось именно сейчас, после того, как покинул Мирина, пребывать в обществе Всеславы, ровно как и разговаривать с ней с дороги. Хотелось по-прежнему быть мыслями с той, что осталась одна на постоялом дворе, пропитаться её запахом, дышать ею, видеть её перед собой и думать, думать, думать о ней. Кровь бешеными толчками понеслась по венам, и вместе с тем чувство раздражения рванулось с узды, как взъярившийся жеребец. Но Арьян сдержал ярость, знал, как себя остановить. Он возьмёт своё, как и всегда, и отдаст Всеславе её.

Он только сейчас осознал — сколько уже была Всеслава рядом, а до сих пор так и не поселилась какой-то своей частью в его сердце, о ней порой даже забывал. Когда-то она ему нравилась, а потом в один миг всё перегорело, и осталось только плотское влечение. Он её хотел, водел её тело до иступления, но она так и не прикипела к душе, пусть и разжигала в нём огненный вихрь страсти, но огонь этот был не греющий, стоит удалиться от неё — блекнет, как холодная звезда на заре. До этой поры он думал, что был хозяином, что он владел тем положением, в которое они, нет, он по своей горячности и пылкости попался. Он ошибался. Всеслава оказалась не глупой девочкой, которую Арьян, как думал, знал, и в руках её были хоть и хрупкие, но нити, видимые и ведомые только ей, за которые она осторожно и умело дёргала, крутя им, как хотела, вынуждая делать то, что хотелось ей. Недолгая разлука показала это настолько отчётливо, что на время Арьян потерял дыхание, а сердце обратилось камнем, стало давить.

С этими нерадостными мыслями въехал он на широкий двор, почти к самому порогу высокого, в три яруса, терема. За ним торчали кровли разномастных глыб надстроек. Там, во внутреннем дворе, стояла женская половина, как бы сокрытая от чужих глаз, правда теперь там никто и не живёт, кроме чернавок и Всеславы, которая потихоньку становится полноправной хозяйкой и берёт в оборот всех дворовых девок.

Другая преставала перед взором, он, пленённый омутами голубых глаз, видел её, упрямую, смелую, чьё имя вместе с воздухом врывалась в грудь, оседало на донышке души, будоража кровь, и поднималось, выходя с дрожью.

— Уже стережёт, — кивнув в сторону высокого крыльца, прищурился насмешливо глаза, улыбнулся Данимир, — голубка твоя.

Арьян ощутил, как больно дёрнулись желваки на скулах, но стерпел, задушив всплеснувшееся было раздражение, и без того распирающее по мере приближения нутро. Поднял голову, обводя

взглядом теремные постройки, выискивая в глубине холодных теней Всеславу. И замер, прервав свой зрительный путь, на тонкой, словно тростинка, женской фигурке, облачённой в бледно-зелёный распашень с широкими рукавами, почти до земли, что висели, словно крылья ласточки. Ветер трепал их и концы белого плата, которым девушка покрыла голову разве что от пыли и солнца — берегла волосы — и придерживала тонкими пальцами под подбородком. Не дрогнуло ничего при виде её, как и в прошлый раз, и в позапрошлый, и, наверное, впервые Арьян задумался о том, что чужая она ему, далёкая. Искал и не находил в себе каких-либо чувств.

Даже издали он видел, как маленькое лицо Всеславы при виде княжича просияло, а краешки губ растянулись в улыбке. Развернувшись, она поспешила спуститься, старалась не бежать, но плохо выходило.

Княжна вышла на площадку лестницы и замерла на миг, качнулась было вперёд, но усилием воли остановилась, ожидая, когда Арьян поднимется сам. Всё, что нужно мужчине, есть у неё — эти преданные глаза, в которых искрилась радость от встречи, кроткие движения, что вынуждали его сей же миг смягчиться. Всё, что должно ему принадлежать, уже рядом, руку протяни.

Княжич спешил, вручив жеребца подскочившему прислужнику, направился к крыльцу, оставив Данимира во дворе. У того теперь появилась забота — подарок нужно было ещё пристроить да полюбоваться, как следует. Знал, что это ловко расставленные его сети, что он попался, сам ступив в них.

Арьян, поднявшись на последнюю ступень крыльца, остановился, посмотрел на суженую сверху, заскользил взглядом по её лицу, оглядывая её бледные щёки, маленькие губы, чуть вздёрнутый носик, что придавал ей ещё большей привлекательности, утонул в охристо-карих глазах, напоминающих осенний лес, обласканный мягким тёплым солнцем. Да, он нарушил своё первое правило — не входить в реку не зная брода, нарушил уже давно. Арьян протянул руку, оглаживая мягкую щёку. Не бросаться в огонь, пытаться его минуть. Эти правила он принял раз и навсегда, единожды создав их.

— Здравствуй, — сказал он приглушённо, ему захотелось пить так же остро, как и оказаться подальше от этой обжигающе ледяной стихии.

Всеслава улыбнулась, прикрыв ресницы, целуя его руку распалёнными, побуревшими губами, и ему приятны были эти простые ласки. Девушка бы кинулась на шею, да нельзя. Арьян мельком глянул на женщин, которые хоть и делали вид, что не следят, а пристально наблюдали за ними.

— Смотрят, — шепнул княжич, а она тихо засмеялась, разругавшись.

Блестели кротко, смущённо её глаза, совсем как у скромной девушки, доводили порой Арьяна до скрежета зубов.

— Как отец? — спросил, выдохнув и устало убирая руку.

Он и в самом деле почувствовал усталость, стоило оказаться в стенах дома. Сейчас бы вылить на себя ушат прохладной воды и упасть на постель, забыться сном.

Всеслава будто почувствовал его желание, взяла за руку, переплетая их пальцы, потянула вглубь терема.

— Вяжеслав ждёт вас. Здоровье хорошее, не жаловался, — оповестила княжна.

Отец и не будет жаловаться, никогда. Что-то оборвалось внутри, камнем канув в черноту.

Всеслава вновь перешла черту, о которой знала прекрасно и помнила, но каждый раз переходила, каждый раз пыталась блуждать по закоулкам его сердца, и ничего не находила, натываясь на вздымающуюся перед ней скалу. И вместе с тем ей так лихо удавалось играть с его чувствами, так искусно, как она одна умела это делать. Порой он задумывался, зачем он ей нужен. Всё ждала ответных чувств.

Он обернулся на идущих позади нянек, они всё ещё свято верили, что их воспитанница чиста и невинна, как речная кувшинка. Девственной она не была уже давно.

— Куда ты меня ведёшь?

— В сад.

— В сад? — Арьян высвободил руку и остановился. — Ты, должно быть, понимаешь, откуда я приехал. Мне нужно увидаться с отцом, потом отдохнуть с пути и... — княжич осёкся, взгляд Всеславы врезался в него, как раскалённое железо, растёкся по груди жаром вина, обездвиживая.

— А как же я? Ты разве не скучал по мне? — глаза девушки увлажнились, став ещё ярче, расширились зрачки, губы задрожали.

Арьян ощутил, как вновь дёрнулась невидимая ниточка, и он едва ли не бросился успокаивать невесту, лишь бы та так не смотрела, лишь бы не увидеть слёз, дрожащих на ресницах. Чужие слёзы после смерти матери резали ножом по живому. До сих пор не знал, как пережил эту потерю. Хоть матушка и слезинки не проронила, будто для него старалась, для него и для Данимира. Выдохнув прерывисто, Арьян одёрнул себя. Он не скучал и не вспоминал, и жалеть он её не собирался! Он не должен испытывать чувство вины. Да и за что? В том, куда завела их слепая страсть, виновны оба. Всколыхнулось со дна чёрным илом раздражение, подступили было к самым краям губ резкие слова, готовые обрушиться нещадно на девушку. Княжич сжал челюсти, протянул руку, склоняясь ближе к побледневшей, словно почуявшей его кипящий жаром гнев, княжне, одновременно наблюдая краем глаза, как встрепенулись надсмотрщицы. Но ничего они не смогут сделать. Если бы он хотел оставить Всеславу рядом с собой, то одним только взглядом выпроводил бы их всех, а её бы посадил на стол, раздвинул колени, проник до упора, рывком заскользил, врезаясь во влажное, горячее, полное соками лоно, наполняя, чувствуя, как она обхватывает его ногами, сжимает внутри себя и приглушённо стонет на ухо. От этого будоражащего, поглощающего желания ушло раздражение, вместо него окатило с головы до ног горячей волной возбуждение, смывая всю тревогу и усталость, заставляя твердеть и наливаться силой плоть. Он скользнул взглядом по девичьей шее с тонкой перламутровой, как жемчуг, кожей, под которой просвечивались кружева синих жилок. Взгляд опустился ниже, на высокую, вздымающуюся в тугом дыхании грудь, соски которых он отчётливо помнил и любил прихватывать губами, чуть посасывать, тугие, нежно-абрикосового цвета горошины, на вкус сладко-горькие — это он тоже помнил.

Арьян выдохнул сдержанно и прошептал тихо, что бы слышала только она:

— У нас ещё будет на это время. Я хочу в полной мере насладиться им.

Дыхание, что до сего мига щекотало его шею, исчезло. Он ощутил, как она в его руках становится тряпичной, обмякая. Ресницы Всеславы затрепетали, как крылья бабочки. И вместо того, чтобы сжать её челюсть и впиться в сочные губы, Арьян лишь коснулся мягко, одними краями губ, её щеки, чуть задержался, мимолётно скользнув языком кожи, поймал тихий глубокий вздох и отстранился быстро, оставляя влажный след. Посмотрев на таращащихся во все глаза женщин, которые так и не заметили скрытый смысл его кажущегося на первый взгляд невинным поцелуя, развернулся и пошёл прочь. Вновь бежит от неё и жаждет с одинаковой страстью. С одной стороны, она безумно привлекала. Одурманенный её женственностью, что чувствовал он всем существом, тянулся к ней. С такой же необузданной силой отторгала, будто за этой её невинной и одновременно порочной красотой рос терновый куст. С ней почему-то невыносимо было находиться рядом слишком долго, неуютно становилось ему с ней. Как и сейчас, короткий разговор, а стоило отдалиться, как почувствовал, что какая-то часть груза всё же спала с души. Своими словами, взглядами она душила его. Волка невозможно посадить на цепь. А ведь и осень приближается. Остро ощутил, как не желает прихода холодов. Но теперь уже поздно, их отношения слишком далеко зашли, завязываясь всё туже петлёй на шее. Арьян вышел в пустую, наполненную лишь теплом горницу. Данимира ждать не было смысла, тот, верно, ещё не скоро возвратится, и к отцу старший княжич пошёл один. Князя нашёл на верхнем ярусе. Отец неподвижно стоял перед широким, прорубленным в толстой бревенчатой стене окном, и повернулся, когда позади себя услышал размеренные шаги. Арьян склонился, отдав дань уважения князю, прошёл вглубь. Вячеслав глянул на дверь, видно ожидая увидеть и младшего.

— Он внизу, скоро придёт, — оповестил и успокоил Арьян, хоть на то надеяться и не следовало.

Князь прошёл к столу, опустился в кресло широкое, мощное, украшенное резьбой, выкрашенное в алый и чёрный — цвета крови и земли, устеленное волчьими шкурами.

У отца до ухода матушки были каштановые волосы, теперь их пронизывали тысячи серебряных нитей — богатство, но какое-то неживое. Золотисто-янтарные глаза сузились, полнившиеся прежде резвостью и молодостью, будто пересохли, обесцветились, так же, как и волосы, омертвели, терпеливо и в тоже время вяло оглядывали вернувшегося сына. И Арьян в свою очередь оглядывал отца, подмечая изменения, за короткое его отсутствие случившиеся с отцом. Хоть и давалось это нелегко, они бросались в глаза, кричали, рвя его изнутри на части

безысходностью неминуемого увядания, которое и не знал, как остановить. Внушительная фигура князя будто ссохлась, взгляд поблек, вокруг глаз стало больше лучинок и теней, что накладывали отпечаток какой-то вечной изнурённой усталости и бремени. Даже не думал, что утрата так подломит его. Вяжеславу ещё было очень рано уходить в тень, мог бы взять в жёны другую женщину и ещё не одну зиму править. Но воля будто покидала его, сочилась через рану, оставленную смертью княгини. И рана эта никак не хотела заживать. Отец добровольно отказывался от мирского, хоть и делал вид, что ничего не происходит, что по-прежнему следит за всем, почувствует. Однако всё больше обязанностей возлагал на сыновей, всё меньше брал на себя. Такое стремительное старение обессиливало и раздражало. Арьян смял до хруста костей кулаки.

— Ну, рассказывай, — поторопил с ответом князь, отводя взор, бросая его на крынку.

Его желание было тут же распознано челядью, светловолосый парень оказался возле стола сей же миг, налил князю золотистого мёда.

— Хан принял нас с миром.

Вяжеслав отпил немного, отставил чару, обратив внимательный взгляд на сына.

— Это я вижу, иначе ты бы не сидел передо мной.

— А больше и нечего рассказывать, но уходить он, по-видимому, не собирается.

Рассказывать о Мирине даже отцу он не собирался. Вспомнил о княжне, и чувства обострились ещё более, рванулись к ней с отчаянием. Захотелось видеть её, узнать, как она там. Нужно отправить к ней чернавку, чтобы на ночь не оставалась в одиночестве.

— Такой же упёртый, как и его отец хан Бивсар, — говорил будто самому себе князь. — Теперь он точно не отступит из-за упрямства.

— Теперь пусть знает, что есть тут хозяева свои, — вспыхнул Арьян.

Вяжеслав придавал его тяжёлым, как камень, взглядом.

— Бивсар не так прост, а яблоко от яблони не далеко падает. Обладает изворотливым умом, как и его отец. Не надейся спугнуть валганов так просто, но и, конечно, прятаться тоже не стоит, изредка да показывать оскал, но не перегибать. Это опасный враг. С давних пор.

— Мы тоже не лыком шитые, — Арьян отстранился от края стола, расправляя напрягшиеся до того мига плечи.

— Не нужно давать им повода объединяться, — продолжал князь, пропуская мимо ушей ответ Арьяна. — Вместе они — это огненный смерч, который испытало на своей шкуре наше племя не раз. Они захватили много княжеств, огненным смерчем проносятся, сжигая всё на своём пути, не только деревеньки, но таранят крепости, остроги, беря людей в рабство, сея в вольных женщинах своё семя.

В глазах Арьяна потемнело, залило внутренний взор багряной рекой, выходящей из берегов его естества. А когда такое происходило, за себя он уже не отвечал. Вспомнил, как Мирина лежала постели вожда, так отчётливо, что пронизало насквозь лютой ревностью, и та ядом мгновенно разъела нутро. Во рту аж пересохло, разум помутился. Арьян заново перенёсся в то утро, когда увидел княжну. Тогда он воспринял это не так болезненно и остро, тогда он не знал кто она, не был с ней столько времени, что пробыли бок о бок они в пути. Наверное, зная всё это, он вмиг бы нарушил наставление князя, снёс бы этому шакалу голову, не раздумывая. Арьяна пробила какая-то холодная дрожь, заколотилось глухо сердце, распирало изнутри какое-то бессилие и безысходность от того, что не знал раньше, что этот паскуда вытворял с Мириной.

Послышались шаги, разрывая ступившуюся вокруг молчаливую топкую черноту. В полутёмную хоромину вошёл Радьяр вместе с десятником Векулой. Последний шагнул, приглаживая выбившиеся на ветру светлые курчавые волосы. Мужички, отдав короткие поклоны князю, поднялись на ступень к столу. Вяжеслав махнул рукой, давая знак прислужникам подавать уже вечернюю. За окном и в самом деле начало смеркаться, полыхал на окоёме рябиновым костром закат — к холоду. Разговор полился неспешной рекой и всё о валганах да делах военных. А в голове Арьяна всё крутились сухим вихрем слова отца, обжигая. Обжигался сам, когда думал о Мирине. Едва касался мыслями княжны, а его уже опаляло нещадно до злого шипения сквозь стиснутые зубы. Опомнился тогда лишь, когда стало на улице уж совсем темно, факелов в крепежах горело всё больше, гуще наполняя хоромину жарким чадом. Мужички собирались, становилось шумно, гудели голоса, и княжича даже начало подташнивать, так паскудно стало внутри. Застолье продлится до самой полуночи, но он не мог уже остаться. И Данимир куда-то запропастился. Леший бы его побрал. Верно и с отцом не придёт

поздороваться, а тот и совсем его не упоминает. Помрачнев и разозлившись до такой степени, что на месте уже не усидеть, княжич поднялся, намереваясь отправить чернавку в постоялый двор да помыться с пути. А там и княжна не заставит себя долго ждать, к полуночи явится же, как и обычно. А тем более, когда и сам, выходит, позвал. После сытого стола хотелось спать, а после пара ещё дойти до опочивальни предстояло. Мрачней ещё больше, он спустился в горницу.

Жар и пар, горячая и холодная вода не вытравили из него скверных дум, что закручивались в нём всё стремительней и гуще, стоило вспомнить её, беспомощную, забытую всеми в лагере стервятников. Как бежала она за ними, а с него, словно с живого, кожу сдирали, так остра была злость и ярость на самого себя. Едва забывался, его накрывала и встряхивала новая волна слепого бешенства, погребая предыдущую. Несколько раз он порывался отправиться на постоялый двор, самому стеречь её двери, сидеть на пороге не отпускать уже её одну никуда. Данимир даже и в баню не явился, а челядь донесла, что он не выходил ещё из женской половины. Ну не вытягивать же его оттуда, в самом деле, за шиворот или за что-то ещё!? Арьян, одевшись быстро на мокрое тело, покинул предбанник. Прохлада ночи не остудила поднявшийся к горлу жар, что окольцовывал грудь и голову обручем, ныло где-то под рёбрами. Княжич, едва поднявшись к себе и войдя в тёплую хоромину, почувствовал запах Всеславы, в полумраке различил лежащую на его постели девушку. Княжна задремала, пока его ждала, но пошевелилась. Сонная, тёплая, она села в постели, выгнулась, откидывая за спину копну густых русых волос, потянулась, сильнее изгибаясь лозой. Она умела будоражить. Кровь бурным потоком хлынула к животу, вызывая острый приступ возбуждения, скручиваясь тугими узлами, что потянули, заставляя напрячься и без того закаменевшую плоть до ломоты.

— Как же ты долго, — прошептала елеиным, тягучим голосом княжна, пожаловалась, — ждала ведь, мог бы поспешить и...

Она не договорила, Арьян впился в тёплые и размягчившиеся со сна губы в жадном жарком поцелуе, удушливом и глубоком, вторгаясь в её горячий ротик языком. Она на миг опешила от такой быстрой пылкой ласки, но тут же стала послушной в его руках, подчиняясь ему, отвечая на поцелуй. Он сгрёб её с постели в охапку, не отрываясь от её губ, смял груди, чувствуя, как грубеют соски, трущиеся об его ладони. Ткань, что облепляла её тело, лишь мешала. Скомкав её в кулаки, сдёрнул через голову. Водопад волос хлынул на её плечи, заботливо и пленительно окутывая девушку, прикрывая наготу. Он рванул тесьму на своих штанах и, больше не медля, подхватил её за бёдра, прижал стройное тело к себе, одновременно терзая её губы, сминая, прикусывая. Она сделала ещё одну попытку заговорить, но Арьян не позволил, вбирая то нижнюю губу, то верхнюю. Грубой лаской погладил между бёдер, где уже было жарко и влажно, проникнув сначала одним пальцем в неё, потом погрузил другой. Всеслава, не выдержав такого натиска, застонала, обхватив его за шею ладонями, плотнее прильнула к его раскалённому до твёрдой стали, до напряжённому до дрожи сильному телу, насаживаясь на пальцы нетерпеливо. Возбуждение мощно всплеснуло в недрах уставшего тела, затмило ум, разливаясь по рукам и ногам свинцовым сплавом, вынуждая княжича тоже стать нетерпеливым, грубым, резким. Покинув укромное местечко, смял её ягодицы, приподняв, резко насадил на себя. Всеслава всхлипнула. Откинув голову назад, княжна повела бёдрами, принимая его до упора, целиком, вынуждая Арьяна погружаться в её распалённую влажную глубину сначала медленно и резко, потом непрерывно и истощённо.

— А-рь-ян, — не сразу услышал вырывающееся вместе с резким выдохом из уст девушки своё имя.

Он вновь припал к губам, перекрывая рвавшееся наружу распалённое дыхание и ставший хрипловатым голос Всеславы. Охватив сзади за шею и дыша ей в губы, заскользил ещё быстрее, вбиваясь в нежное лоно девушки мощными толчками, пытаясь выкинуть из головы ту, которая была перед глазами, ту, которая осталась слишком далеко от него, одновременно пытаясь отделаться от дикой ревности, что прожигала дыру в его груди и горечью пепла оседала на языке. Но только не выходило ничего — глаза цвета неба проникали в самую душу. Он не щадил ни себя, ни Всеславу, которой, по-видимому, нравился его чрезмерный напор. Арьян вновь прильнул к губам, перекрывая девушке воздух, держал до потемнения в глазах, и освободил рот лишь для того, чтобы одной рукой обхватить плечи Всеславы. Другой подхватил под колено, вынуждая раздвинуть ноги шире. Продолжил проникать непрерывно, так, что Всеслава вскоре стала мокрой, даже скользили пальцы по коже, а он непрестанно входил в неё

почти невесомо, целиком погружаясь в мягкую глубину, что становилась упругой и тугой, врезался быстрее, будто в отместку своей злости. Всеслава, напрягшись вся и задержав дыхание, откинула голову, разметав волосы, раскрыла губы, испуская беззвучные стоны. Ощущая приближающее к кончикам пальцев блаженство, Арьян продолжал вбиваться в лоно, сотрясаясь от сокращающегося на своей плоти охвата мышц. В глазах резко потемнело, когда она с силой сдавила его, и княжича на миг выкинуло за пределы собственного тела и этой постели, выбросило в пучины бездонного всепоглощающего блаженства. Излившись, наполняя её сполна горячим семенем, он продолжал двигаться в ней, слыша, как срываются с губ Всеславы тонкие стоны. Толкнувшись в последний раз, мужчина на миг замер, оставаясь в ней, наслаждаясь обволакивающей влагой. Тяжёлые вдохи-выдохи, резкие запахи пота и излившихся соков будто пробудили, зрение стало проясняться, а глубокое и обрывистое дыхания Всеславы вернуло мужчину в явь окончательно. Чувствуя, как она обмякает, Арьян выскользнул, отстраняясь, давая девушке передохнуть.

Когда дыхание успокоилось, а круговерть затихла, Арьян вновь испытал удушье, даже в этой просторной хоромине ему было тесно. А ещё жарко. Он приподнялся, стягивая с себя влажную, неприятно липшую к телу рубаху, бросил её рядом. Не успел лечь обратно, как на грудь опустилась голова Всеславы и её мягкая грудь. И надо бы попросить извинения за чрезмерную грубость и напор, но язык не поворачивался, пересохло во рту, а слова камнем так и застряли в горле. Княжич сглотнул сухость, гулко дёрнулся кадык. Не хотелось ничего, совершенно, такая необъятная пустота легла на душу. Сжав зубы, Арьян всё же погладил её по плечу, чуть сжал хрупкие, словно птичьи, лопатки, наблюдая, как играют блики в её волосах — лучины в светцах ещё не догорели. Он подобрал одну прядь, накрутил на палец. У Мирины они, как плавленое белое золото, перетекают густо, он бы хотел сейчас гладить именно её волосы, любоваться ими, вдыхать запах. Запах свободы, ветра и луговых трав. Да, именно этого он жаждал до ломоты в груди — чтобы она просто лежала рядом. Арьян выпустил прядь, устало закрыл глаза, слушая, как колотится и щемит сердце под рёбрами.

— Как хорошо мне с тобой, — промурлыкала Всеслава, вырывая его у сгустившейся сонным маревом тишины.

Арьян открыл глаза, обречённо посмотрев в потолочную балку.

— А тебе со мной? — провела она подушечкой пальца по его ключицам, очертила между ними впадину, прижалась теснее, потёрлась кончиком носа о сильную шею.

— Арьян, ты меня слышишь?

Княжна закинула ему на пояс ногу с маленькой босой ступнёй, на которых красовались маленькие розовые пальчики, прижалась бёдрами к его бедру. Он бы мог ей ответить, но только не правдой, хотя отчасти, быть может, и правдой... Княжич неохотно повернул голову, скользнул губами по её покрывшемуся испариной лбу, собирая солёные капельки пота, убирая влажные пряди с её щеки, прошептал:

— Да. И мне с тобой.

Он ощущал, что спросить она хотела о другом, да видно боялась услышать не то, что хотят слышать её маленькие ушки, что хочет знать жаркое сердце. Ведь чувствует же сама, что не складывается у них, и всё равно не хочет верить, видеть правду, признать, что не принесут они друг другу ничего большего, кроме страсти и вожделения, которое с годами уйдёт. Что тогда их будет объединять? Вопрос ударил, словно обухом по голове. Арьян нахмурился. Сейчас, глядя на отца, как тот переживает уход княгини, тоскует по ней, где-то в глубине он желал таких же сильных уз, глубоких, с большими границами, чем просто постель. Связь с Всеславой была ошибочной, и страсть он по ошибке и, наверное, из-за юношеской пылкости, ещё не зная более глубоких чувств, принял за нечто большее. Всеслава подняла голову, заглядывая ему в лицо, и Арьян тут же отвёл глаза, чтобы суженая не увидела его опустошённый равнодушный взгляд. Он не хотел расстраивать её. Только не сейчас. Наверное, он тоже боялся признать правду, только причиной была тому собственная вина. Ранить Всеславу не хотел. Всё слишком запуталось.

Рука девушки огладила мужской торс, скользнула к животу, вниз, к завязкам штанов, нырнула под ткань. С новой силой туда ударила кровь. Проклятье! Челюсти сжались сами собой. Всеслава усмехнулась, обхватив пальцами, поглаживая успокоившуюся было плоть, которая только увеличивалась и разбухала под напором её ладони.

— Я же всё вижу, Арьян, всё понимаю, слышу. Твой голос, он какой-то другой. Ты приехал каким-то другим. И взял ты меня по-другому. Что случилось? — голос её сорвался на шёпот, вкрадчивый, царапающий слух, наверное, эти слова дались ей с трудом, она затаилась, прекратив ласкать его. И всё же княжна боялась услышать ответ, голос её звучал осторожно. Арьян и не спешил говорить, а впрочем, и не хотел.

— Я узнала, что с вами приехала валганка.

Дыхание на долю покинуло его. Конечно, о том, что они прибыли не одни, княжна узнала бы в скором времени, но почему-то слова её застали врасплох. Он пошевелился, обхватив её застывшую руку, вынуждая вновь заскользить ею. Всеслава приподнялась, перемещаясь на него полностью, садясь верхом, продолжила уже сама ласкать его. Он огладил её бёдра, бархатную кожу, что в свете лучин была золотистого отлива, потом смял её полные груди, что топорщились под покровом волос, круговыми движениями погладил, стискивая их, сминая. Приподнялся, прихватывая губами и вбирая в рот набухший комочком сосок, чуть прикусил, всасывая, чувствуя горько-сладкий вкус. Из губ Всеславы вырвался протяжный стон. Арьян вновь весь обратился в камень, вспыхнув медленным, но сильным пламенем, и уже был готов войти в неё вновь, но медлил, нарочно оттягивая миг проникновения, пока в безднах глаз Всеславы не затрепыхались огоньки острого вожделения, после появления которого мужчина становился будто одержимым ею. Княжна неровно задыхалась, затаившись в ожидании, что разлилось между ними густым жарким киселем. Да, ему нравилось брать её и видеть всплеск бури в её глазах, как они зажигаются каким-то диким и опасным вполыхом, а потом видеть, как они темнеют, когда её лоно наливается семенем. Он успел изучить её всю, кроме одного — её сердца. Арьян придвинул девушку, усаживая удобно на себя, вводя в её разожжённое жаром лоно свою плоть так же медленно. Всеслава томно прикрыла ресницы, содрогнулась. Размеренно задвигалась сама, принимая его.

— Я просто тебя хотел, безумно. Как только увидел, понял, как сильно. Сейчас есть только ты и я.

— Ты лжёшь. Я не верю тебе, Арьян, — обрывисто вымолвила она и охнула от резкого толчка. Он принялся пронизывать её, скользя по влажным складкам внутри рьяно, но не слишком, как бы этого ни хотелось, постепенно ускоряясь, сдавливая, как котёнка, в руках, сминая лопатки, плечи, талию, ягодицы, не давая времени на передышку, но в то же время медленно и чувственно наполнял её до упора, как она это любила. Всеслава, закусив нижнюю губу, захлебнулась от наслаждения, не в силах говорить дальше, двигалась вместе с ним, помогая проникнуть глубже, полнее, призывая ускориться, врезаться резче, быстрее. Арьян через тяжёлый опьяняющий туман наблюдал, как лицо её меняется: ресницы дрожат, вздёрнулись брови от сладострастия, приоткрылись припухшие от жёстких поцелуев губы, испуская резкие вздохи и выдохи. Арьян, замороженный колыхающимися от бешеных толчков его бёдер круглыми молочными грудями, подбираясь постепенно к вершине, доводил девушку до полного изнеможения, чувствуя, как между лопаток выступил пот. На этот раз всё продолжалось чуть дольше первого раза, выжимая соки, силы, осушая горло и голоса до надрывного дыхания, всхлипов, распалая огненный вихрь, что скручивал их воедино. Арьян за миг до оглушительного взрыва, предпосылкой которого по всему телу прокатилась судорога, успел обхватить княжну за талию, насаживая на себя до упора остро, быстро. На этот раз он не сдержал рвущегося наружу стоны, бессильного, горлового, надломленного. Всеслава вцепилась в его плечи, пытаясь удержаться в этой безумной гонке, сжимала его бёдра коленями крепко, срывались с её губ резкие обрывистые стоны, что врезались в слух. Взрыв накрыл их одновременно, княжна, оплетая его руками, опутав облаком слипшихся волос, упала ему на грудь. Всё ещё судорожно сотрясалась в его руках, делая круговые движениями бёдрами, доводя мужчину до полного иступления — делала всё так, как ему нравилось. И не проигрывала, беря в последний миг над ним власть.

— Тебе придётся мне верить, — прохрипел он, собирая её волосы в кулаки, оттягивая голову княжны назад, вынуждая смотреть в глаза, — всегда, — выдохнул в горячие налитые губы, напоминавшие спелую бруснику, впиваясь в них больно, жадно, чувствуя её безмолвную обескураженность и горечь.

Насытившись долгим солёным и сухим поцелуем, он отстранился, заглядывая в глаза княжны, потемневшие и задумчивые.

— И слушать меня, всегда, — сдавил он пальцами её талию. — Никуда не лезть, не совать свой маленький носик в дела чужие. Не спрашивать, когда тебе не предлагают, не говорить, когда я молчу, — крепко обхватив её пояс, он лёгким рывком ссадил её с себя.

Всеслава моргнула растерянно, поджав губы, крылья носа дрожали в обрывистом дыхании. Она облизала искусанные губы, сглатывая слёзы, остро глянула на княжича. Арьян резко поднялся с постели, ощущая, как внутри всё шатается от раздражения, а сил на терпение уже не хватает. Острой стрелой вонзался полный смущения взгляд княжны в его спину. Но она молчала. Вот и хорошо. Он затянул тесьму штанов, поднял рубаху с пола.

— Куда ты? — пискнула она жалобно и тут же осеклась. Снова пытается его размягчить, но только уж всё равно. Он получил своё, а она — своё.

Бросив косой взгляд, сжимая в кулаке рубаху, Арьян пошёл прочь к выходу, оставив девушку без ответа. Не взглянул на неё в последний миг, не хотел замечать её раздавленный, побитый вид и, что ещё хуже, затуманенные влагой глаза, будто он снова в чём-то виноват.

Холод, что окатил его с ног до головы, взбодрил, вливая в его тело полную чару жизненной силы. Остановился Арьян, когда уже спустился с порога, осознавая, что путь его бесцельный. Просто хотелось глотнуть свежего воздуха, дышать полной грудью, лишь бы распустить перекрывающее дыхание путы. Хотя вернись он сейчас, уже не обнаружит в постели Всеславу. Невольно, но он её обидел, и от этого делалось гадко, и ничего он не мог с этим поделать.

Туман рассеялся, и Арьян опрокинулся в звёздную бездну неба, что раскинулось над детинцем во всей своей красе и полноте, оно дышало стыло и молчаливо, холодно и туманно сверкали искры серебра. Арьян, натянув косоворотку через голову, оправляя подол и заправляя рукава, пошёл на ристалище, накалывая ступни о попадавшие под ноги камешки и скорлупу орехов, коей был усыпан едва ли не весь двор. Ветерок ворошил чёлку, охлаждал вспотевший под ней лоб и шею, остужал распалённую грудь. В глубине сада испускал трель соловей, его одинокое щебетание будоражило тишину, наливая воздух чудными напевами. Ночь для раздумий не самое лучшее время, но голова и так было пуста и будто чугунная. Окунуться бы в ледяной омут, но до реки было далеко. Арьян прошёл в оружейную, сняв пояс со стены, оголил лезвие, выжывая его с звенящим шорохом из ножен. Холодно блеснул клинок, отражая весь свет, что был в помещении.

«Жаль, что не послушал матушку, ведь ей не совсем приглянулась Всеслава».

Арьян, ощущая, как поднимается со дна свинцовая тяжесть, вернул лезвие в ножны, повесил оружие на прежнее место. Хотелось ему не яростного боя, а совсем иного — хотелось ощутить мягкое течение тепла, исходившее от той, которая осталась далеко от него. Завтра он наведается в постоянный двор и завтра же скажет отцу о своём отъезде.

Княжич вышел на улицу, под неподвижное спящее небо, так и не дождавшись всплеска ярости. Всеслава осушила его всего до капли.

— Чего это ты не спишь? — рванул из дум голос Данимира.

Арьян остановился, медленно повернулся. Брат спешил со стороны сада, с женской половины, упруго шагая, пересекая двор, приближаясь. Одет всё в тот же кафтан, что был сейчас нарасхлебень, так же неряшливо вывернут ворот рубахи, взъерошены волосы, будто вышел не из терема, а из корчмы, разве только на ногах твёрдо стоит. Пусть походка была его бодрой, выглядел Данимир уставшим, и глаза потускнели. Арьян стоял и, задумавшись, смотрел на Данимира. По мере его приближения, откуда-то со дна начала подниматься волна возмущения, которое кипело в нём весь вечер, но он её тут же загасил в себе, утопил. Всё же сказывалась усталость, ведь он так и не отдохнул толком. И всё же негодование охватило — вроде уже взрослый мужик, а ведёт себя как ребёнок, которому дали игрушку.

— Почему ты не пришёл к отцу? — Арьян втянул в себя воздух так, будто не хватало ему дыхания. — Ты же знаешь, в каком он состоянии.

— Ну, ты же всё равно ему всё рассказал уже.

— Я одно рассказал, а ты другое что-то вспомнил, он же нас не просто так вместе отправлял. Отец хотел увидеть и тебя.

— Ладно, — отвёл младший растерянный взор, перевёл дыхание, пронизав пальцами растрёпанную чёлку, вороша её. — Я к нему схожу. Завтра. Поговорю.

Арьян качнул головой, скрещивая на груди руки.

— Вяжеслав за время нашего пути к валганам совсем осунулся. Я думаю, что не нужно оставлять его одного. Так что в Ровицы я поеду один. А ты останешься, будешь за ним приглядывать. Я надеюсь на это.

Данимир опустил напрягшиеся плечи, выдохнул облегчённо, прищурил лукаво один глаз.

— Как скажешь. Веление твоё, — с безобидной насмешкой сказал он, подступая, кладя руку на плечо брату. — Я есть хочу, как волк, что аж нутро в узел завязывается. Ты же спать не собираешься, составь мне компанию, как раз и обсудим всё.

Арьян глянул на него косо, только подивился тому, как порой ловко удаётся Данимиру перехватить бразды правления.

Глава 6

На небе от края до края ни облачка — день был настолько ясный и светлый, что заливал хоромину белыми ослепительными бликами, и невыносимо тянуло за стены, под тени раскидистых яблонь и черёмухи, растущей вокруг жилого терема, полупустого и настолько тихого, что, казалось, слышно было, как зной рябит воздух. Хотелось собраться и пойти на улицу, походить по вымощенному бревенчатым настилом двору, потёртому множеством ног и конских копыт, полюбоваться на посад, побыть среди своего народа, просто смотреть людям в глаза и улыбаться, как это было до того, как...

Мирина выдохнула.

До того, как...

Жизнь раскололось на две части, и теперь никак их не соединишь, не склеишь. Долго теперь искать твёрдости в себе.

На улицу, конечно, выходить сейчас нельзя, никто не должен её видеть. Тем более, нельзя выходить одной, даже если взять с собой чернавку, которая пришла к Мирине ещё вчера вечером. Полуденная жара припекала, сушила и без того разошедшиеся брусья оконного проруба, к которому Мирина и пристроилась, выглядывая на улицу, щуря глаза от обильного солнечного света и наблюдая, как изредка чирикнет в небе ласточка или ещё какая птица. А там, за стенами, бурлила жизнь. Мирина чувствовала её биение: людные торжища, берега, полнившиеся ладьями да народом, прибывшим в город, грохот молотов кузен, скрипы колодезных журавлей, зычные окрики, гудение сотни голосов. Явлич был обширной твердыней, недаром граничил со степью, и, судя по этому, коренных жителей здесь было меньше, чем пришлых, стекающихся по весне и остающихся до самой глубокой осени, пока реки не стянутся льдом. Только тут, в постоялом дворе на самой окраине посада, у леса, этого ничего не было видно и слышно. Жизнь рвалась нескончаемым, невидимым потоком, и Мирина всеми уголками своей души чувствовала её, вбирала жадно, ненасытно, пылко. И воздух казался таким сладким, наполненным густо ароматом живицы и хвои, пробивая грудь до самых кончиков пальцев рук и ног, пронизывая тысячами иголками, и так дышать было легко. Это не степи с вечными ветрами, холодными, пустынными и одинокими, не находящими успокоения ни в лесах, ни в скалах, ни в городищах, что веяли, тоскливо завывая. Княжна повела плечами — несмотря на то, что жара стояла, пробрала дрожь от воспоминаний. Память хранила и долгие, растягивающиеся в целую вечность ночи с Вихсаром, и кожу прожигало будто клеем в тех местах, где касались его жаркие, как угли, губы, а потом и плеть. Княжна вздрогнула, мотнув головой, стряхивая с себя захватившие в плен и сжавшие когтями воспоминания о минувших пытках. Её покорило от отвращения и боли. До сих пор клокотало в груди от ужаса того, куда она по роковому случаю попала. Пальцы лишь крепче вдавились в оконные брусья, побелели. Приятные моменты схлынули с неё, и даже как-то потускнело всё кругом, казалось, ослепительное солнце на небосклоне спряталось за тучи. Кололо нутро от какого-то тревожного ощущения, окончательно приводя в расстройство. И вроде бы всё хорошо, она в безопасности, да ещё и кров над головой, и тепло и сухо, и не нужно оглядываться по сторонам всё время, изнывать от растёртых в кровь от тяжёлой работы ладоней и пальцев, валиться с ног от усталости и подниматься ни свет ни заря, а то и ночью плестись в постель хана... Но какая-то неполная была радость, непонимание причины вводило в ступор — что не так? Ведь скоро и в родные земли попадёт, домой, а уж что дальше, она потом о том подумает и позаботится.

Мирина коснулась невольно подбородка, вспоминая прикосновения княжича, заботливые, осторожные, тепло его рук словно проникало под кожу. Обволакивающий взгляд густо-орехового цвета глаз, оттенённых такого же тёплого оттенка волосами, дарил утешение. Княжна выдохнула резко через нос, будто выбили из груди воздух, возвратилась в хоромину мыслями. Уж как встречает его Всеслава, Мирина и не узнает никогда. Да и зачем ей это нужно? У него своя жизнь, у неё своя только-только начинается. Заново. И нужно к тому привыкать.

Вчера она, как осталась одна, долго ходила из угла в угол, словно пойманная птичка. И вроде устала страшно, а спать не могла. А потом пришла чернавка, её появление взволновало, сбilo с толку окончательно. Но потому и упокоилась. Девка помогла в бане помыться, а мылась Мирина долго, сдирая жёсткой мочалкой вместе чуть ли не с кожей оставшиеся следы от невольного своего мучителя. Хоть Мирине и не желалось, чтобы чернавка видела оставшиеся рубцы от плетей на спине, да деваться было некуда. И волосы та расчесала, заплетя в косы, и переодеться в чистое подсобила, когда уже глаза совсем слипались, а двигаться совершенно не хотелось. Спала крепко, без всяких снов. А когда проснулась, не поверила, что никуда не нужно торопиться, и преисполнилась благодарности к княжичам Вяжеславовичам за то, что приехали в лагерь валганов, за возможность оказаться вновь на родине. Удивление её на том не закончилось. Когда княжна заглянула в принесённые вчера Арьяном вещи, совсем разволновалась, обнаружив столько одежды, что она всё утро выбирала, какое платье надеть. Все были красивые, из богатой ткани и с вышивкой, ни одного простого, чтобы не привлекало к себе внимания. Отыскалось одно только нежно-небесного цвета с тонко вышитой тесьмой по рукавам да на груди, его и надела, подвязав простым плетёным из лыка пояском. В вещах нашла она и гребень, и рушники, и даже украшения были там — кольца височные да грозди тяжёлых колтов, и браслеты массивные, чеканные, из латуни. Это всё она, конечно, не стала надевать, видя, как косится чернавка, увидев богатое убранство. А ну как заподозрила что-то уже? От мысли этой княжне неловко делалось.

Мирина расчесала чистые, ставшие шёлковыми и блестящими волосы, заплела в косу и платком покрыла, подвязав налобной повязкой. Пусть думают, что замужем, чтобы убрать лишние подозрения. Но Евгастья — так представилась молоденькая девушка с рыжими, как и Митко, кудрями, сплетёнными в тонкую, но длинную косу и с карими глазами да веснушчатым лицом — оказалась молчаливой, покладистой и отзывчивой, выполняла добросовестно поручение княжича и о лишнем не заговаривала.

Убравшись по-людски, сегодня ощутила себя даже как прежде, ожившей, отдохнувшей, посвежевшей, в этих ярких ощущениях на время да поблекли дни её плена, хоть такое теперь и не забыть никогда.

Ждать возвращения Арьяна долго. Этот и следующий день предстояло пережить, и чем себя в этих четырёх стенах занять, Мирина не представляла. Да и отвыкла от того, чтобы сложа руки сидеть. А потому разгоралось с каждым вздохом беспокойное нетерпение. И это не потому, что домой хотелось уж невмочь, нет. И признаться себе, чего на самом деле ожидала, боялась. Может потому, что и не должно так быть, а может, от неверия, что такое возможно, но огонёк, что погас под натиском вождя, робко, но вновь разгорался, хоть казалось, затоптан был в грязь и по ветру пущен. Новые силы с каждым вдохом только приливали, будто из источника какого-то, и страшно было подумать о том, кто им стал. А может, виной тому долгое пребывание рядом с сыном князя Вяжеслава, потому росла с каждым днём привязанность, выливаясь во что-то большее, греющее.

Мирина, сжав плечи, моргнула, уводя взор вглубь полутёмной после улицы хоромины, где на лавке у стены сидела чернавка, которая всё же прихватила с собой клубок ниток, плела пояс, склонившись над работой. Пальчики её ловко перебирали нити, быстро, умело завязывая узелки. Помалу узор прорисовывался — за два дня как раз управится.

Княжна опустилaсь на лавку, сложив руки на коленях. Тишина убаюкивала, хотелось спать, да и делать было совершенно нечего. Мирина, поколебавшись немного, всё же прилегла на постель со вздохом и устала в потолок, вспоминая прошлую жизнь. Родную матушку она не помнила. Когда ей отроду было пять вёсен, та занедужила и слегла, но воспоминания о ней, что смутными обрывками плавали в её памяти, хранили тепло, красивые руки, молодые, голубые, как небо, глаза, добрые и счастливые. Такой остался образ. И волосы льняные у Мирины в матушку. Отец женился вновь не сразу, после смерти жены прошло восемь зим, а

Мирине тринадцатая весна подошла. Световида рядом с отцом была словно жемчужина — молодая, красивая, она за три зимы родила двоих сыновей ему. Вспомнив Нечая и Взрада, княжна вздохнула, даже сердце защемило, так соскучилась по ним. Оба пошли в отца и лицом, и нравами. По этой весне Нечай юношей стал, наверное, уже отдали его обучаться военному делу. Мирина всё пропустила. Поскорее бы увидеться с ними.

Всё думала о братьях, избегая помыслов о Вортиславе и о грядущей их встрече. От одного только представления, как тот будет шупать её взглядом и ухмыляться, тошнота подкатывала. От подобных мыслей помрачнело внутри. Мирина закрыла глаза, стараясь больше не думать ни о чём, так легче, и даже не заметила, когда провалилась в сон. Полуденная тишина и духота всё же сморили. Из недр крепкого небытия вырвали девушку топот и возня возле двери. В полудрёме и с затуманенными со сна глазами заметила только, как метнулся к двери цветастый подол Егастьи, скрываясь за створкой. Княжна подскочила молниеносно с постели, грохнулось больно о рёбра сердце — что произошло? И тут же осела, когда из глубокой тени хоромины на свет вышел мужчина.

— Напугал тебя? — спросил Арьян, и в глазах тревога мелькнула да потухла тут же. — Знал бы, что спишь, не тревожил бы.

Мирина пригладила выбившиеся из косы пряди — во сне повой слетел, лежал скомканный на подушке. Она подобрала его, разглаживая, не зная, куда себя деть от внимательных глаз мужчины, который возвышался в трёх шагах от неё. Что он тут делает? Обещался же через пару дней. Неужели случилось что? Замельтешили с перепуга мысли. Глянула в окно. Судя по жару и теням в хоромине, солнце всего лишь на долю передвинулось, а казалось, весь день проспала. Но, как ни странно, бодрее чувствовала себя. Только вот пить хотелось. Скользнув взглядом по стройному сильному стану Арьяна, Мирина поднялась с лавки, расправляя складки платья, ощущая на себе пристальный тягучий взгляд княжича.

— Полуденная жара сморила, — проговорила Мирина хрипловатым голосом. — Днём не люблю спать. Просто заняться нечем тут, — прикусила язык, болтает лишнего.

Но княжич, напротив, посмотрел на неё весело, и показалось, теплее стали ореховые глаза, такие яркие в солнечных бликах. Падали на загорелые, почти бронзовые скулы и лоб шёлковые блестящие волосы, оправляя сильную шею, и так остро захотелось пустить в них пальцы, попробовать их мягкость, что даже пол под ногами будто кисельный сделался. Мирина невольно отвела взгляд — не должно таких желаний рождаться в ней, странно это и неправильно.

Княжна шагнула к столу, обходя высокую фигуру мужчины, да оступилась — надо же? Надёжные сильные руки тут же поймали, кольцом сжали талию крепко. Она неуклюже носом ткнулась в ворот рубахи, что был расправлен и чуть взмок от пота. Запах его кожи, повеяв, в голову ударил. Настолько он был яркий, горько-сладкий, что даже в глазах мгновенно потемнело и повело в сторону, так он взбудоражил, вынуждая каждый уголок тела ожить. Она тут же отстранилась, и Арьян свободно выпустил. Быстрыми шагами Мирина достигла крынки, налила в чару воды, отпила, чувствуя, как пальцы подрагивают, дивясь тому, какая неловкая сделалась рядом с ним. Оно и в пути было так, но оставшись наедине с ним, намного острее волновалась. И сейчас, придя в себя, всё ещё слышала его запах, который горчинкой осел на языке, чувствовала след прикосновения его пальцев на поясе.

Напившись, отставила чару, развернулась, упираясь ладонями в край стола, наскочив на взгляд мужчины, пронизывающий насквозь. Арьян стоял по-прежнему на своём месте, по-прежнему с виду расслаблен, но тугие мышцы, твёрдые, налитые, выказывали, что спокоен он и не был. И это отображалось на лице, вводя Мирину в ещё большую растерянность, такую, что немело дыхание.

— Что-то случилось?

Плечи Арьяна расправились, он качнул головой.

— Нет. Всё хорошо. Просто решил посмотреть, как ты тут.

Мирина сглотнула, понимая, что жажду вовсе не утолила. Арьян качнулся, делая неспешный шаг в её сторону, и дыхание совсем исчезло из груди.

— Позволишь тоже напиться?

Мирина моргнула, сбрасывая охватившие было оцепенение. И чего так испугалась?

Отодвинулась, позволяя княжичу налить себе воды, лишь молча наблюдая за его движениями, за сильными руками, мужественными, с проступающими венами, с прямыми длинными

пальцами, на которых поблёскивали серебром кольца. Он припал к питью надолго, и Мирина отвела взор — робость вновь сковала, когда кадык его заходил жадно, а шея, на которой поблёскивали капельки пота, напряглась. Утолив первую жажду, он отставил чару, утирая тыльной стороной ладони губы, оглядел быстро.

— Тебе идёт этот цвет.

Мирина опустила взгляд. Будто поток вара плеснул по лицу, и руки сами собой закрыли грудь, обхватив плечи.

Арьян отвернулся, она лишь успела заметить, как потемнели его глаза. Он отошёл, видно чувствуя неловкость, да чтобы не смущать, отступил, оглядывая помещение.

— Я старался подобрать так, чтобы шло к глазам и цвету кожи.

Мирина так и приросла к полу. Каждое слово будто, опаляло. Хорошо, что княжич не смотрел на неё прямо.

— Достаточно было одного, чтобы до дома добраться, наряжаться мне некуда и не для кого, а тем более, украшения и...

Арьян повернулся, и слова занемели на языке от его взгляда, вдруг вспыхнувшего янтарём.

Глаза теперь походили на медные монеты, поблёскивающие в свете солнца. Спорить перехотелось, Мирина потеряла окончательно самообладание.

— Ты расскажешь, как попала к валганам?

Вопрос оговорил. Мирина сжала губы, видя, как лицо Арьяна потемнело, и глаза опять потускнели. Мысли замельтешили лихорадочно, она даже не знала, с чего начать, как объяснить, что произошло зимой. О том, что Световида сделала, говорить не следовало, нельзя было раскрывать чужие тайны, которым Мирина поневоле и на беду свою стала свидетельницей. А лгать не могла, душой кривить.

— Зачем тебе это знать?

— Хочу понять, не всегда же встретишь пленённую княжну, — попытался смягчить он важность вопроса.

Мирина и в самом деле горько усмехнулась от неприятной, но всё же правды.

— Я ушла из дома. Одна. Выбежала в сад, потом в лес и там заблудилась, — потекли ручьём слова. — Он нашёл меня.

— И, наверное, если бы не он, замёрзла бы?

Мирина так и остолбенела, о том она и не думала. Впервые настиг страх от того, что это и в самом деле могло случиться.

— Выходит, из одной беды попала в другую, — ответила растерянно.

— Но всё же осталась в живых.

— Я сама во всём виновата, — заключила Мирина, чувствуя, как огненный смерч начинает подниматься откуда-то из глубины.

Застлали ум обида и злость на Световиду. Эти-то чувства тогда и поднялись, и окутали её чёрным облаком, толкнули на необдуманный шаг, но она сама в этом виновата, и никто другой. На какой-то миг Мирине показалось, что не нужно было этого говорить, но сделалось легче, а минувшие боль и обида не казались теперь такими болезненными, ядовитыми и разрушительными. Просто до сего мига не с кем было это разделить, одна переживала внутри вновь и вновь ту пропасть, в которую угодила.

Арьян смотрел пристально ей в глаза, молчал, обдумывая сказанное.

— И в твоём побеге никто не был виноват?

Ну, конечно, что можно ещё подумать? Мирина покачала головой. В том, что она сама ушла из дома, покинув стены стана, виновата только она.

— Ясно, — выдохнул он, и тень облегчения, а быть может, разочарования — не понять — легла на его лицо. — Не нужно себя ни в чём винить. Что было, то было и уже прошло, — сказал, будто прочёл её мысли, будто отразилась вся горечь и негодование на её лице, и сам он то же испытал.

— Потерпи ещё один день, завтра я улажу дела, и отправимся в путь утром следующего дня, — подобрался княжич, собираясь уходить. — Будь готова. Дома тебя ищут же, ждут? — спросил и как-то внимательно посмотрел.

Мирине показалось, в самую душу проник, всё пытаясь что-то для себя выяснить. А может, просто хотелось так думать, и княжич просто её жалеет. Она хотела было сказать, что готова отправиться в путь прямо сейчас, но промолчала.

Губ Арьяна вдруг коснулась лёгкая улыбка и тут же пропала, больше не стал испытывать, развернулся и направился к двери, унося за собой что-то, что Мирине было просто необходимо, вот только что? Заботу ли? Внимание? А быть может, тепло в глазах, которое Мирине было так нужно? Глаза человека, которого любили. Взор Вортислава был всегда какой-то насмешливо-откровенный, хищный, как у голодного волка. Взгляд Вихсара прожигал и был губительным, каждый раз опрокидывая её в какую-то чёрную пропасть, где не было дна, а были только одиночество, боль и жажда свободы. И, наверное, жажда любви. Когда-то отец говорил, что люди причиняют боль другим только по одной причине — от нехватки любви. Впервые это стало так отчётливо для неё, что даже пронизала дрожь. Мирина поёжилась от воспоминания, будто хан находился где-то рядом, наблюдая из тени. Никогда раньше не чувствовала такого обжигающего холода. Руки сами собой плетью опустились вдоль стана от растерянности. Нет, Вихсару этого ничего не нужно, он страшный человек, готовый сломить, подчинить и принудить, он ни капли не достоин и толики каких-либо чувств. Не простить того, как обошёлся с ней, как ломал, что теперь собирать себя по кусочкам ещё много лет. Стихли за дверью шаги. Княжна ждала, что войдёт Евгастья, но чернавка так и не появлялась, видимо, княжич поручил ей что-то. То и хорошо, хотелось побыть одной. Мирина прошла обратно к лавке, опустилась на неё, задумчиво смотря в пол невидящим взором. Мирина постояла ещё некоторое время, ловя уже истончающийся запах Арьяна. Как же было невыносимо сидеть взаперти и считать мгновения ожидания, растягивающиеся в невообразимую бесконечную линию. Хотелось на волю страшно, безудержно хотелось пройти босой по траве, смоченной обильной росой, омыть ноги прохладой, встретить вздымающееся над мгlistыми лугами золотистое солнце, наблюдая за его тягучими мягкими переливами, озаряющими цветущий луг, обволакивающими лицо, грудь и стан, погружающими в спокойную безмятежность. Хотелось видеть, как розовеет всё кругом, приобретая сочные краски, и как растворяется стылая ночь, в глубине сумрачного леса оставляя холод последнего дыхания, слышать взрыв птичьих трелей и дышать древесной свежестью, сладостью цветов, влагой, наполняя грудь до головокружения будоражащим, живительным ароматом, ощутить, как всё утихает, наполняясь глубокой тишиной.

Это первоочерёдное, что сделает Мирина, когда прибудет домой — поднимется до зари, сходит в храм, вознесёт благодарность богам за освобождение, попросит доли у матери-пряхи, поклонится до земли. Да, это она себе пообещала.

Вернулась Евгастья, неся в руках полный поднос яств. Кротко посмотрев на Мирину, так и застывшую у окна, прошла неслышными мелкими шажками к столу, опустив тяжёлую ношу. Мирина, выходя из задумчивости, плавно двинулась к столу, опустилась на лавку, заглядывая чернавке в лицо. Девушка вскинула тёплые, как мёд, глаза, всплеснулось в них золото, о котором княжна только что так явственно грезила, и такая услада взяла от вида её чистого, нежного, что внутри согрелось всё, преисполнилось трепета, и раздумья чёрные ушли сами собой.

Заметив пристальный взгляд Мирины, Евгастья потупилась взор, опустились на веснушчатые щёки веера ресниц, бросая короткие тени. Девушка отошла, позволяя Мирине спокойно поесть, от волнения затеребила в тонких пальцах с прозрачной кожей рушник, вышитый красной нитью. И княжна не стала её больше стеснять, взялась за покрытую студёной испариной кринку, налила в плошку душистого кваса. Обедали молча, как и всегда, и Мирине нравилась немногословность девушки. А потом, когда княжна наелась, чернавка, убрав всё со стола, смахнув крошки и отнеся посуду, снова уселась на своё пригретое место у стены, принялась за работу. Заперебирали пальчики нити, и узел за узелком вновь стал сплетаться в пояс, что становился всё длиннее. А Мирине не оставалось ничего делать, кроме как мерить шагами хоромину и заглядывать то в одно окно, то в другое, высматривая будто кого-то, думаю о многом и в то же время ни о чём, но всё же об одном — о княжиче Арьяне, который так и не растворялся перед внутренним взором. Он приходил к ней, интересовался, как она тут, будто у него своих забот мало. Никого не прислал, сам пришёл, и от этого понимания разливался по груди горячий жар, поднимавшийся к лицу, к самым кончикам ушей. А ведь не должна думать лишнего, нанизывая, как жемчуг на нить, одни чувства за другими, так и оборвётся же всё, ведь есть у него суженая, о том отрок Митко ей сказал доходчиво.

Напряжение ближе к вечеру росло. С приходом сумерек начал охватывать княжну какой-то дикий озноб, а внутри, как снеженный ком, нарастала тревога, причину которого девушка могла объяснить только скорым своим отъездом. Уже завтра. Хоть до Ровицы ещё много дней

пробыть в пути предстоит, а как-то тревожно покидать стены Явлича, тревожно и муторно, будто клубок змей копошится где-то в глубине сердца. И странное дело — радовалась бы, что скоро дома окажется, в тепле, в безопасности, рядом с братьями, со своими помощниками, с матушкой-княгиней, да как-то не было ни радости, не волнительной лёгкости. Ледяной глыбой легло беспокойство, давило, не позволяя вдохнуть полно. Даже пальцы похолодели, а щёки, напротив, пыхали жаром, и вечерний сквозняк, что залетал с улицы, только неприятно царапал кожу, вынуждая вздрагивать, пробирая до нутра, предвещал — да не хотелось того — приступ. Евгастья всё бросала на неё беспокойные взгляды, а потом и вовсе поднялась со своего места, видно почуяв неладное.

— Как самочувствие? Лицо белое какое, — встревоженно спросила чернавка.

Мирина заглянула в зеркальце, обрамлённое тонкой резной рамкой. Его она обнаружила вместе с украшениями, и оно было дорогое, но не до этого было сейчас. Заглянула в него и в самом деле обнаружила нездоровый вид: бледное лицо, и губы поблекли, и глаза, будто уставшие, потухшие, даже покрасневшие, будто на мокром месте.

— Может, трав заварить каких-нибудь? — прозвенел тонкий голосок девочки.

— Не каких-нибудь, а отыскать нужно подходящие, — поправила её Мирина.

Такой недуг случался с ранних лет: вот такая же дрожь охватит, да жар побудет всю ночь, а потом и отпустит так же быстро под утро. Правда о том она и думать забыла, а тут на тебе, прихватило. Видимо от переживаний сильных, что породили эту слабость. Ничего, за ночь оправится. Должна.

Евгастья, запомнив, что нужно, покрыла голову платком и вскоре скрылась за дверью.

Оставшись одна, Мирина слушала, как потрескивают тлеющие лучины, заполняя помещение густым оранжево-бурым светом и чадом с тонким ароматом берёзового сока, тёплым и обволакивающим. Мягкий тягучий свет очерчивал, будто каёмкой красной, стол и саму её. В глазах вдруг резко потемнело, Мирина пошатнулась, выронив зеркальце из вдруг ослабевших пальцев. Послышался глухой хлопок. Она успела ухватиться за край стола, удерживаясь на ногах. Несколько глубоких медленных вдохов и выдохов, и мрак постепенно рассеялся. Испуг ушёл, только вместо охватившего головокружения грудь и голову будто окольцевали огненные обручи, сдавили, стягивая до ломоты виски. И дыхание стало, сухим царапающим горло, таким, будто истлевала внутри.

Евгастья теперь надолго — не собрать так скоро трав редких, идти к знахаркам нужно. Хоть тех на посаде должно быть пруд пруди, а всё же постоянный двор на самой окраине стоял. Невольно взяла тревога, что вынудила идти юную совсем девочку одну да по темноте. Посад Мирина не знала. Какие тут люди живут, добрые или всякие бывают? Последнее вероятнее — пришлых много.

Чувствуя, что ей дурнеет, Мирина побрела, пошатываясь, к лавке, чтобы прилечь на постель. А потом и пить захотелось так, что засушило губы. Пришлось вновь подниматься. Выискивая помутневшим взглядом в полутёмной хоромине крынку воды, что приготовила Евгастья на ночь, едва сделал шаг, как за дверью послышался шорох, а потом скрипнули петли. Створка распахнулась, и в ставшее вдруг душным помещение вошла девушка.

Мирина, приросшая ступнями к полу, только выхватила взглядом яркие, полные холодного блеска глаза незнакомки, одетой в неприметное платье в пол, да в полушубок, прихваченный тоненьким ремешком на узкой талии. На голове платок, закреплённый тонкой тесьмой налобной повязки, на которой поблёскивают медными бликами височные кольца. И вроде вид её был прост, а плат из дорогой ткани, набитый плотно рисунком узорным, а украшения, видно издали, тонкой работы рук умелых. Мирина так и опешила от появления столь незваной гостьи, а та в свою очередь, приметив княжну, вытянулась напряжённой струной, впивая острый взгляд в фигурку девушки, и неприятное предчувствие, что копошилось внутри ещё совсем недавно, остро кольнуло в грудь. А потом Мирина ощутила веянье её запаха: приторного, сладкого до горечи, так и липнувшего, казалось, к самой коже, забивавшего нос, оседавшего в горле неприятным комом. Княжна не сразу сообразила, что на лице девушки была улыбка, но какая-то неживая, приклеенная и такая же приторная, как запах.

— Значит, это ты и есть та самая потаскуха, приехавшая вместе с моим женихом. И ты имела наглость остаться здесь? — выплюнула княжна Всеслава, будто яд, обидные слова, оглядывая её с ног до головы брезгливым взглядом.

Мирина облизала вконец ставшие грубыми и шершавыми губы, посмотрела на желанную крынку, сделала шаг, направляясь к ней, вождедая как можно быстрее утолить мучительную жажду, хоть немного погасить распалющийся с каждым вздохом жар внутри. Но до цели она своей не добралась, Всеслава преградила путь, опередив, распознав её желание. Вперилась жёстким взглядом, от которого даже кожа инеем покрылась, настолько он был холодный. Отвечать грубостью Мирина, даже если бы и хотела, то не смогла — такая слабость её одолела, что не пошевелить языком, который и без того от жажды уже к нёбу прилип. Ещё душил этот невыносимый аромат цветущей липы, который густо источала княжна, будто она толстым слоем им намазалась. Как не вовремя пришла, да в ночь, не побоялась, так, видно, ревность разыграла. Всеслава ожидала ответа.

— Если тебе это чем-то поможет, то да, я и есть.

Меряясь колючими взглядами, Мирина успела отметить, что ростом была княжна, как и она сама, невысокого, но её черты будто немного преуменьшены были: маленький нос, губы пухлые, будто обиженные, уголки которых опущены вниз, как у девочки, нос с узкими крыльями чуть вздёрнут, тёмные брови и большие цвета жухлой листвы глаза в обрамлении чёрных угольных ресниц делали её взгляд распахантым, открытым и даже каким-то по-детски искренним, если бы не бурлили в их недрах ядовитые чувства, не кипели так, что толкалась на виске под кольцом тяжёлым синяя жилка. Взор Мирины вдруг подёрнулся пеленой и зарябил. Она, встrepенувшись, закрыла глаза, втягивая туго воздух в грудь.

— Посмотрела? — спросила, чувствуя, как пол из-под ног ускользает, а огненные обручи всё туже стягивают невыносимой болью.

— Да, — ответила коротко Всеслава. — Зря пришла, не стоило того. Не думала, что увижу столь жалкое зрелище, — дёрнула она кверху маленький круглый подбородок, поправляя выбившиеся концы платка. Сказала, но из плена удушливого не выпускала.

А внутри так жарко сделалось, что на кашель пробило, но Мирина сдержалась, подавляя остроту, сглатывая сухость. Перед княжной уж она не покажет своей слабости. Подступили к языку резкие слова, да только грубить Мирина не хотела, что взять с той, чей ум ревность и злоба застала? Только хуже сделает, а толка не будет — не уйдёт Всеслава так скоро. Холодные глаза княжны потемнели от обуявшего бешенства, что взяло её от спокойного вида противницы.

— Я знаю, кто ты такая. Княжна из Ровицы, дочь Радонег. И знаю, откуда тебя вытащили княжичи — из плена валганов хана Вихсара. И как только не побрезговали, — сморщился в отвращении носик, скривились пухлые губы.

И вроде предсказуема была её нападкa, но в груди сердце заклокотало, срываясь в галоп, а по ладоням и стопам разлилась волна лихорадочного онемения.

— Только знай, — продолжила она выбрасывать желчь слов сквозь зубы, — с тобой он не поедет, и лучше убирайся сама, поняла?

Мирина плотно сжала губы, вытягивая их в твёрдую линию, выдерживая почерневший злобой взгляд невесты княжича, и вдруг губы её сами произвольно начали ползти в злорадной ухмылке. Всеслава опешила даже.

— А что ты переживаешь? — спросила, догадываясь о причине такого волнения Всеславы. — Если Арьян задумал, то его ничто не остановит, верно?

— Я тебя утоплю в позоре, — выдавила из себя княжна, ярясь ещё сильнее, что аж глаза остекленели. — Ты, пользованная грязная сука, потаскуха валгановская, хочешь ещё под княжичей лечь?! Не выйдет у тебя ничего, такой тряпкой, как ты, только сапоги вытирать, а больше ты ни на что не годна!

Мирина отвернула лицо, будто от удара. Ухмылка всё же сползла с лица, и больше не от оскорблений Всеславы, а от того, как новая волна слабости накрыла с головой.

— Если ты всё сказала, то уходи, — ответила, сдерживаясь, не глядя больше на гостью, обошла её, опираясь ладонью о гладкую столешницу.

На некоторое время повисла тишина, и не было слышно ничего, кроме звяжущего напряжения, повисшего в воздухе, а потом зашуршало платье, так же глухо скрипнули петли двери, хлопнула створка. Ушла. Только потом Мирина смогла выдохнуть.

Разрушающие слова, оседающие на душу чёрным осадком, давили на сердце, порождая сомнение и боль, застилая глаза слезами так, что Мирина не видела перед собой ничего, лишь расплывчатые круги перед внутренним взором да огненные пятна. Потребовалось время, чтобы

собрать силы, разбитые на осколки под ударами жёстких слов. Оправившись немного, обхватила обеими руками крынку, подняла со стола, жадно припала к краю, делая большие глотки, чувствуя, как живительная прохладная вода успокаивает распалившееся пламя. Напившись, Мирина добрела до постели, бессильно опустившись на меха, откидываясь на спину, прикрыла ресницы. Всеслава оказалась красивой девушкой, обладающей каким-то внутренним притяжением. Вот только в глазах Арьяна, знавшего её красоту, не угадывалось влюблённости, одержимости ей, если она его невеста, зачем же тогда о ней так заботиться? И как ни пыталась Мирина отстраниться, отгородиться от нечаянного знакомства с Всеславой, а раз за разом раздумывала над той грязью, что вылила на неё княжна. Слова всё же достигли своей цели, рана, и обида запоздало да хлынула в грудь, слёзы сами собой потекли по щекам горячими дорожками. Хотелось кричать от раздирающих сердце на части отчаяния и сожаления, но как ни кричи, а виновата она сама во многом.

Дверь распахнулась так неожиданно, что Мирина даже вздрогнула, не ожидая столь скорого прихода Евгастьи. Едва та вошла в хоромину, принося прохладу улицы и свежесть, княжна отвернула лицо к стенке, пряча слёзы, незаметно смахивая их ладонью. Лицо горело нещадно, как и нутро, будто она раскалённых углей наглоталась, раскалывалась голова, и пока Евгастья приготовила травяной сбор, Мирине совсем сделалось худо, что даже кожа, покрылась испариной. Шею и висок облепили взмокшие завитки, а подушка да платье стали влажными. И всё же ошиблась, не та это была хворь, которую она уже и переросла давно, видно сырость, что стояла эти два дня, забралась в неё, отяжелив грудь. О том говорил и сухой кашель. Мирина уже в полубреду припала к поднесённому отвару, чуть тёплому и горькому на вкус, разлепляя ссохшиеся губы, будто покрытые липкой смолой. Не было сил самой держать плошку, да пришлось, чтобы не сильно пугать чернавку, которая и без того побелела, как мел, а в глазах страх засел.

— Может, в детинец сбегаю, за знахаркой, княжича оповестить, жар ведь.

Мирина мотнула головой, поперхнулась, возвращая опустевшую плошку.

— Не нужно. Пройдёт. Утром уже ничего и не будет, — сказала твёрдо, хоть в то и самой её плохо верилось.

Легла обратно, отворачиваясь, натягивая на себя одеяло, сделавшееся будто непомерно тяжёлым, а касание его о кожу причиняло боль до скрежета зубов. И что же за напасть? Всё разом обвалилось, как камни на голову. Мирина видела перед собой неясные обрывки воспоминаний: сначала родной край с зелёными дремучими лесами и круглыми озёрами в недрах их, потом побег из лагеря, а потом представляли поочерёдно перед ней то Арьян, мужественный, сильный, во взгляде которого плескалась твёрдая решительность, то наливались чернотой глаза Вихсара, пронизывая острым, как серп, взором, то вдруг вспоминались задумчивые, смотрящие в самую глубь души глаза отца.

А потом всё затянуло чернотой, в недрах которой с оглушительным взрывом, будто жидкое железо, схлёстывались огненные волны жара, заполняя тягучим свинцом всё тело, застывая в костях, обездвиживая и перекрывая дыхание. Так она всю оставшуюся ночь пробыла в небытии, то погружаясь в огненную реку, то выныривая, чувствуя миг облегчения, вздрагивая от малейшего шороха и погружаясь вновь в охватывающий тело раскалённый сплав, не успевая даже опомниться, не видя, но чувствуя присутствие Евгастьи, которая так и просидела возле неё до утра, то подавая напиток, то отирала лицо влажной тряпицей. От холодных влажных прикосновений становилось как будто и легче, это Мирина чувствовал сквозь сон. Когда же она в следующий раз открыла глаза, хоромина уже наполнилась блеклым студёным утренним светом, брезжащим в раскрытые настежь окна. Девушка пошевелилась свободно, не чувствуя ни ломоты, что выворачивала колени и запястья всю долгую ночь, ни боли, стягивавшей виски, ни жара, высушивавшего нутро, ни сухого кашля, раздиравшего горло — всё прошло.

Евгастья же калачиком спала подле неё и верно замёрзла, но не пробудилась, когда княжна пошевелилась и, стянув с себя одеяло, накрыла беднягу — успела та намучиться за ночь.

Мирина, больше не в силах оставаться в постели, осторожно слезла, выглянула в окно.

Тонувший в предрассветной мгле двор по-прежнему пустовал. Вспомнила о ночной госте, и даже голова как будто вновь закружилась. Княжна зажмурилась, глухо простонав, а потом резко выдохнула, сбрасывая нахлынувшие обрывками оковы вчерашнего дня. Нет, хватит о том помышлять, пусть знает, до того мига, как пустит она чёрные слухи, Мирина успеет добраться до дома. Должна успеть. Торопливо собрав волосы в копну, она откинула их за спину. Взгляд

невольно выхватил зеркальце, стекло которого треснуло пополам. Одна половинка выскочила из рамки, лежала на столе, видно Евгастья подобрала с пола. И охватила вдруг тревога — придет за ней Арьян, или не ждать теперь его вовсе?

Глава 7

С отцом разговор вышел короткий, тот нисколько не препятствовал Арьяну, его отпустил бы хоть на все четыре стороны. Как будто не заботила князя больше судьба сына, и от такого его слабоволия корёжило всё внутри. Пусть бы возразил, поворчал хотя бы, но нет, безразлично блуждали отцовские глаза по его лицу.

Сказать о том, что он уезжает, Всеславе оказалось ещё сложнее, и Арьян злился на себя от того, что далось это непросто, от того, что обязан нести перед ней ответ, перед той, которая ещё не стала женой, а уже разделяет постель, перед нелюбимой. Вчера вечером разругались сильно, казалось, не посмотрит больше в его сторону, но слишком хорошо её знал, так просто она не сдастся. Но он себя просто не мог сдерживать от жёстких слов, когда понял, что прознала она всё и про Мирину, и про плен её, и откуда та родом. Кто проболтался, знать бы, хотя такое, конечно, трудно утаить. В своих людях он был уверен, так ведь знали не только они, ещё и валганка. Вот же хватил горя, позволив Данимиру взять её, а ведь мог бы выказать несогласие. Но как бы оно ни было, а случилось то, что случилось, и ничего теперь не поправить. Арьян прямо сказал Всеславе, что их союз не приведёт обоих к счастью, что любовь, которой княжна делилась с ним частенько, и не любовь вовсе, а плотская утеха, что по юности вскружила обоим головы, затуманив страстью умы. Всеслава ушла от него, разрыдавшись, и ночью не приходила. А он почти всю оставшуюся ночь потом не мог уснуть, всё раздумывая, правильно ли поступает, оставляя её здесь, оставляя Данимира с валганкой, отца, когда тот нуждается в сыновьях, пусть и думая, что это ему ничего не нужно. Вяжеслав был ещё в силе, и так скоро увядать не пришло время. В беспорядочном раздумье Арьян так и не смог найти в себе согласия и твёрдого решения. Была бы жива мать, она бы дала ему совет.

Теперь ещё тревожил и Данимир, и его оставлять старший боялся даже больше, чем отца.

Братец будто сквозь землю провалился, и княжич не видел его со вчерашнего дня.

Путь в женский стан Арьян не помнил, вскипая от раздражения и сокрушаясь от негодования, с трудом удавалась его сдерживать и оставаться снаружи спокойным. Ведь знал же Данимир, что сегодня старший брат уезжает, но так и не вышел, чтобы проводить.

И что же за напасть такая, обвалилось всё сразу!

Но когда Арьян шагнул в просторную светлую горницу, ход мыслей оборвался, и время будто замерло, останавливаясь, растягиваясь в бесконечность. Княжич жадно втянул в себя приятный до шемоты в груди запах ромашки и хлеба, что так любила мать. Он и впрямь обнаружил на столе плетёную корзину только сорванных цветов, и внутри оборвалось всё — то было желание отца. Аромат благоухал здесь, оседа горчинкой на языке, оковы напряжения разжались, и воспоминания хлынули в душу, тревожа успевшие затянуться раны. Давно он здесь не появлялся. Раньше тут работа велась, девушек полна горница была, и везде лежали вышитые рушники да платья, нитки повсюду да лари со всеми бабьими вещами: бусами, иголками, тканями, куделями шерсти, да лебяжьим пухом. Он застыл, на миг показалось, что сейчас выйдет на встречу матушка. Но широкий сводчатый дверной проём пустовал, повисла глухая тишина, обжигая болью утраты. А теперь пусто всё, прибрано и одиноко, тоскливо. Лишь ложился посеребрённый утренний свет на пустой, хоть и устеленный скатертью, стол, на длинные лавки да в углы.

Шаги и впрямь слышались, только с другой стороны, от боковой двери, разрывая тишину и возвращая Арьяна к его изначальному намерению. Вышла чернавка. Глаза зелёные, как молодая листва берёзы. Увидев княжича, поклониться поспешила.

— Найди мне Данимира, скажи, пусть в гридницу поспешит. Жду его там.

Девушка кивнула да скрылась вновь в недрах терема, только длинная русая коса и мелькнула за ней. Арьян вернулся в детинец, полнившийся мглистым утренним туманом. В дружинной избе уже толклись кмети, бодро переговариваясь, лишь бы занять себя в ожидании княжича — не терпелось уж выехать за стены да погрузиться в мглистый замшелый лес, раствориться в

сумерках. Ожидание ведь хуже всего, пропасть перед броском вперёд. Так же было и с жизнью Арьяна — замело всё, будто в самой глухой чаще, куда не пробраться ни ветру, ни солнечным лучам, покрылось прелостью да слоем листвы, не давая взойти новым росткам, и чего теперь ждать за поворотом, он не знал. Будет ли просвет? Всеслава теперь стала для него непосильной ношей, невольной и, уж чего душой кривить, обременяющей, и как бы гадко ни делось от самого себя, а смириться с тем, что теперь она рядом постоянно будет, с каждым днём становилось всё тяжелее. Арьян сидел у стола, думая обо всём этом, невидящим взором скользил по снаряжённым в дорогу мужчинам, густые голоса которых не стихали. Лишь Векула, десятник, поглядывал изредка на княжича, будто видел, что Арьяна что-то тяготит, да не спрашивал ни о чём, за что тот благодарен был ему.

Наконец мелькнула в прорубе низкого окошка русоволосая голова Данимира. Княжич вбежал в дверь взъерошенный чумной, в глазах шальной огонь и вместе с тем какая-то доля вины. Взгляды присутствующих истыкали его так, что Данимир невольно запахнул кафтан, поправил пояс, пригладил непослушные пряди пятернёй, поправляя свой небрежный вид, в котором он явился в дружинную избу, усиленно пытаясь заглушить пыл, что так строптиво рвался наружу, и ничем его было не затмить: ни напускной серьёзностью, ни приведённом в порядок видом.

— Верно забыл, что уезжаю я? — поймал Арьян его расплётный взор.

Данимир усмехнулся, встряхнул кудрями, пройдя вглубь, повинно пригнул голову.

— Векула, поднимайтесь потихоньку в сёдла, пока я переговорю с глазу на глаз с братом, — велел Арьян.

Мужчина, допив остатки мёда, отставил чару, кивнул, бросив короткий тревожный взгляд на Данимира, поднялся, покинул с ближней братией избу.

— Увлёкся ты своим подарком, Данимир. Как же мне на тебя оставлять всё, если ты из женского стана не вылезашь? Город брать будут, а ты другим делом занят, — не удержался от колкости.

— Так же, как и ты — воличанкой, — защитился младший от нападения. — А вообще, не наговаривай, беду не приманивай.

Арьян сжал губы, стирая улыбку со своего лица. Да, злиться было нужно только на себя, верно брат подметил, но не совсем верно.

— Она не просто воличанка. Это Мирина, княжна, дочь князя Радонег из городища Ровицы. Данимир тоже посерьёзnel, и огонёк шалый потух-таки в недрах охристо-зелёных глаз юноши, насытившегося досыта любовными ласками за эти две ночи.

Арьян разглядывал его и не узнавал, братец изменился, изменился сильно, и понять трудно было, в чём именно. Вроде, как и прежде, расслаблен, да чрезмерная вальяжность была в его сидячей позе, отвалившись спиной от стола, даже какое-то превосходство над другими, и взгляд как будто свысока только лишь подчёркивал это. Раньше княжич был рассеянный да простой внутри, а теперь и его взгляда не понять, будто внутри закрылся, и Арьян вдруг особо остро ощутил холодность и напряжение, что легли меж ними стеной. Это вызывало только раздражение и тревогу, но кто виновен в том, что разные теперь дороги легли перед ними? И не знал старший брат, что с тем делать. Раньше у младшего душа нараспашку была, тем и отличались они. Душа Арьяна — потёмки дремучие, в которых он сам порой плутал.

— Я просто хочу, чтобы ты почаще с отцом был, заходил к нему, разговаривал. С остальным же... — Арьян разжал кулак, разминая занемевшие от напряжения пальцы. — С остальным как хочешь поступай, на своё усмотрение.

Данимир опустил ресницы, раздумывая над сказанным.

— Разумеется, — вернул он подёрнувшийся будто коркой льда взгляд. — Езжай и не волнуйся. И так надолго затянулось время их сцепленных взглядов, что Арьян даже встрепенулся, вспоминая о том, что в путь пора. Качнулся было, не оттягивая дольше времени, и так задержался уже, и Мирина верно уже ждёт, да в дверях боковых, что были за спиной Данимира, вдруг заметил женскую фигурку. Младший обернулся, чтобы посмотреть, что так приковало внимание Арьяна, и поперхнулся, невольно прочищая горло, глянул коротко и как будто с насмешкой на брата, приподнимая иронично бровь. Но Арьян и пропустил эту издёвку, неотрывно рассматривая суженую. Всеслава была бледной, глаза на мокром месте, но в то же время её это не портило, напротив, глаза её цвета варёного мёда в утреннем свете казались солнечно-золотистыми. Припухли немного веки правда, видно плакала, да и нос сделался

розоватым. Повисло молчание, и мужчины сидели, не сдвинувшись с места. Княжна прошла сама, хоть её никто и не приглашал.

— Позволь с Арьяном поговорить, — припросила, да видно, что через силу, Данимира.

Тот, виновато взглянув на старшего, мол как бы брата ни боялся подставить, а девушке уступит, поднялся всё же, оставляя их наедине, скрылся за входной дверью. Следом хлопнула глухо дверь и на крыльце. Арьяну показалось, это ловушка затворилась, и сразу стало так тесно, что хоть за Данимиром вслед пускайся, так невыносимо сделалось. Усугублял это ещё и вид Всеславы удушливый и побитый, от него нутро всё переворачивалось.

— Пришла попрощаться с тобой. Пожелать доброго пути, — обронила княжна.

Арьян приподнял брови. Так покорно, послушно и уступчиво говорила она, будто он один во всём виноват.

— Всё же ты прав, Арьян, одну её не благородно с твоей стороны оставлять, уж я тебя знаю, — с каким-то нажимом сказала княжна, Арьяну оставалось только догадываться, что та имела в виду. — Зря я вчера так расстроилась, просто ты только приехал, а уже уезжаешь.

— Жизнь воина всегда такая. Разве тебе о том не рассказывали? Походы, дорога, битвы, смерть. Всеслава аж вздрогнула от последних слов.

— Не говори так, — прошла ближе, обходя длинный стол, за которым он так и остался сидеть расслабленно, да только пальцы так и впились в подлокотники, занервничал, будто мальчишка. Казалось Арьяну, вчерашний разговор расставил всё по местам, да видно ошибся. Хотя изучил княжну хорошо, та вывернет всё в то русло, которое нужно ей, и спорить не было смысла. Пусть непредсказуемым стал её поступок — прийти сюда, в избу, пропитанную мужскими запахами, но ему и всё равно на то. Хотя нет, он и не попытается больше изучать её. В последнее время изменилась она сильно. Устал уже блуждать по закоулкам её яростных порывов ревности. Все соки из него выпила досуха. Но так казалось ему долю мгновения назад, а стоило ей приблизиться и сесть напротив, робко поднять тёмные ресницы, и взор её невинный, просящий потянул беспощадно душу наружу, что закололо ладони, и Арьян не знал, чего возжелал сейчас больше — прогнать её немедленно или притянуть и успокоить. И это противоречие в самом себе изматывало больше, чем что-либо другое.

— Ты ведь так и не зашёл ко мне, вот, сама пришла, — продолжала она строить из себя жертву.

— Я же тебя просил, чтобы ты не лезла туда, где тебя и не должно быть. Зачем ты пришла сюда? — сказал он резче, чем желал того, да только клокотало всё внутри от ярости безудержно.

Глаза Всеславы резко поблекли, потухли, как упавшая в воду искра, а губы дрогнули, и казалось, брызнут из глаз слёзы, и убежит прочь, но Арьян не угадал, снова ошибся в ней. Вместо этого княжна, напротив, подалась вперёд, охватив ладонями его шею. Волосы её водопадом, прохладой волной скользнули по щеке, пахнуло сладким ароматом её кожи, пробиравшимся в самое нутро. Туман хлынул в голову, оголяя и без того раздражающие надвое чувства. Арьян скользнул по её волосам ладонью, зажал её затылок, приласкав, хоть противилось тому всё естество. А она вдруг вспылала в его руках вся.

— Я люблю тебя, Арьян, очень сильно, — зашептала она сбивчиво в ухо, касаясь сухими губами шеи, скулы, покрывая мелкими поцелуями. Потянула ворот, привлекая его к себе ближе, впиваясь в губы сочным поцелуем, другая рука развязывала уже пояс.

— Не нужно, Всеслава.

— Почему? — спросила сбивчиво, задыхаясь, опаяя его дыханием, и желание да прокатилось жаркой волной, разжигая в нём жерло возбуждения, а в ней — страсть.

— Почему, Арьян, я скучилась, а ты... — она поцеловала. — А ты уезжаешь надолго... я хочу запомнить тебя в себе, — она судорожно огладила его, добираясь до завязок штанов. — Разве не желанна я тебе? — руки обхватили поднявшую в напряжении плоть.

Желанной она была, но и только. И всё же от ласк её пылких поплыла голова. Всеслава это видела, опустила ладошки её вниз, к животу, и ещё ниже. Арьян откинул голову назад, когда мягкие, такие маленькие губы вобрали плоть, оглаживая языком, скользя.

«И когда она стала такой?» — мелькнула и исчезла мысль под напором блаженства.

— Это безумие какое-то, — шепнул он, чувствуя, как совсем поплыли стены и потолок, и ему того сделалось мало, слишком.

Гнев сквозь толщу вождения всё же всплеснул в нём от того, что не устоял, что позволил вновь собой управлять. Он грубо схватил княжну за плечи, вынуждая ту отстраниться, и

онемел, увидев в глазах княжны закручивающуюся в чёрные вихри бурю, лютую, огненно-обжигающую. От желания и гнева у Арьяна потемнело в глазах, заломило так, что он едва не взвыл. Собрал её платье в кулаки, зло дёрнул вверх, оголяя ноги, смял бёдра, рванул на себя, вторгаясь жёстко во влажное горячее лоно, такое вожаденно жаркое, податливое, упругое, так головокружительно обволакивающе его. И снова бешеная свирепая сила обуяла до скрежета зубов. Арьян насаживал её на себя яростно, безжалостно, неистово, не давая и возможности на передышку. Всеславе только и оставалось вцепиться в его плечи, чтобы как-то удержаться. Наконец, горячая волна залила нутро с головы до ног, придавливая мужчину к земле и одновременно выбрасывая в пропасть огненного жерла, даже судорога прошла по всему телу, сотрясая, обессиливая и наполняя одновременно. Отдав все силы и соки, Арьян размеренно, на грани изнеможения, в дурмане, скользил, расточая остатки блаженства в неё, пока она не сдавила его коленями, принимая глубже, до упора, застыв сама, повиснув на его шее куклой тряпичной, уткнулась носом в ключицу, сдавлено застонав, влажно, горячо и обрывисто. — Я буду ждать тебя, — услышал он её ослабший голос после того, как она оправилась немного.

Всеслава подняла голову, заглядывая в глаза. Теперь щёки её окрасил румянец, а губы полыхали земляникой. И всем она была сейчас хороша, распалённая, возбуждённая, дикая и живая, в глазах янтарных ярь плещется, притягивая, да только не касалась она сердца, не вызывая в нём ничего: ни восхищения, ни жара. Обнять бы да прижать к сердцу, но и того не хотелось. Всеслава, не дождалась ответа, впрочем, видно он ей и не нужен был, получила ведь своё. Содрогаюсь, отстранилась неохотно, дрожащими пальцами поправила платье, одёргивая сбившийся плат, косу. Арьян тоже заправил штанину и, подвязавшись, резко поднялся, не говоря ей ни слова, пошёл прочь, ощущая лишь необоримое желание оказаться как можно дальше от неё. Что она с ним делает? Что он делает!? Мысли путались и роились, разрывая голову и сердце на части.

Увидев брата, спускающегося по лестнице на площадку, Данимир улыбнулся широко.

— Права был матушка, сгубит она тебя, — сказал, когда Арьян приблизился.

Будто знал, что за дверьми творилось. Хотя, наверное, по глазам легко можно было прочесть тот ураган, что недавно бросил его в пучину наслаждения. Это просто наваждение какое-то, другого объяснения Арьян и не мог найти. На миг он обернулся.

Княжна так и не вышла, видно воспользовалась другой дверью, что во внутренний двор вела.

Арьян посмотрел на Данимира исподлобья и, глянув в сторону дружины своей, что уж поднялась в сёдла, положил ладонь на плечо брата, притянув к себе, в глаза заглядывая:

— Смотри, Данимир, на тебя надеюсь, — сказал и, убрав руку, шагнул к подведённому к нему лоснящемуся в утреннем свете жеребцу.

Арьян задумчиво окинул взглядом высокие теремные постройки, тонувшие в сырой туманной мгле, и пустил жеребца к воротам. Быстрее уедет, быстрее приедет. Только так ли скоро хотелось возвращаться назад? Арьян даже самому себе не мог ответить, так она сильно волновала его, даже к Всеславе он ничего подобного не чувствовал, он просто взял то, что она так легко ему предложила. Мирина сторонилась его, прочем, и понятно, почему, ведь столько пережила, пока была пленницей валгановского вожда. Вот Арьян и вызвался проводить, чтобы понять, узнать и рассмотреть поближе. Хотелось бы ему, чтобы забыла она обо всём как можно скорее, да только не знал, как это сделать. А поспешить было нужно, всё же надеяться на Данимира в полной мере княжич не мог. Выхав за стены детинца, Арьян направил отряд по пока ещё пустующему большаку, а сам свернул вместе с Векулой в сторону посада, обещая нагнать скоро. Княжич был хмур, встреча с Всеславой тяготила страшно, и совсем он не хотел того, что произошло между ними, но естество возжелало то, что ему так откровенно предлагали. Как только показался сруб высокий постоянного двора, Арьян выкинул прочь мысли о ней — разберётся во всём, как только вернётся, довольно уже забавляться ставшей непонятной для него игрой.

Встречать вышел косматый худошавый мужчина — Осок, хозяин двора.

— Здрав будь, княжич, — поклонился он.

— И тебе не хворать, Осок, — ответил Арьян, оглядывая крыльцо, на котором изредка да появлялась чернь, сонно выполняя утреннюю работу.

Расплатившись с корчмарём, Арьян уже было хотел идти за княжной, но Осок остановил его.

— Не знаю, ведомо ли тебе, княжич, но вчера девка одна приходила, говорила, что по твоему поручению пришла свидетелься с постоялицей твоей.

Арьян слушал его, леденея внутри. Сразу догадался, о ком тот говорит, хоть имени он и не упомянул, то ли сомневаясь, то ли побаиваясь.

— И?

— Проводил её, она же от тебя назвалась.

— Это я уже понял Осок, я спрашиваю о другом: не ушла ли та, за которой я тебе доверил приглядывать, как за дочерью?

— Дык, — почесал он затылок, теряясь разом.

Арьян не дослушал, бросился во двор. Митко, что остался внизу, только и осталось догонять его. Конечно, княжич ожидал от Всеславы всего, но не думал, что княжна станет опускаться до такой степени. Но не это его сейчас волновало, а то, что наговорила та Мирина, и не ушла ли воличанка, которая и без того отказывалась от его помощи.

Арьян вместе с Митко пошёл во внутреннюю часть построек. Двор, как и в прошлый раз, пустовал, и княжич свободно прошёл в горницу, где ждала его посланная к княжне чернавка. От сердца разом отлегло. Отправив с ней Митко помочь вынести вещи, Арьян бесцельно прошёл вглубь бревенчатой, пропахшей сосновым духом хоромины, где из убранства были только лавки вдоль боковых стен да толстые столбы, что подпирали второй ярус, без всякой резьбы. Ожидание затягивалось, но Арьян даже не повернулся, когда услышал шаги, лишь из-за страха узнать, что Мирины здесь нет. Только когда краем глаза выхватил знакомую женскую фигурку, вышедшую в горницу, решился посмотреть на неё. И дыхание аж перевелось, потеплело в груди, едва встретился с ней взглядом. Княжна первая как-то растерянно отвела его сразу, не задерживаясь, впрочем, как и всегда, но во взоре успел он поймать неуловимую мимолётную горечь. Княжич окинул её всю взглядом внимательным и истовым, пытаясь понять, о чём она думает, но оделась она явно для того, чтобы ехать с ним: в летний кожух, доходивший до бёдер, мелким узором вышитый серебряной нитью под цвет её волос, что были сплетены туго в косу, падающую меж высоких округлых грудей к узкой талии. Нижние пышные юбки для верховой езды только подчёркивали её ладную фигурку.

«И в самом деле, сложно будет не заметить, увидев белое золото её волос», — подумал лишь он, наверное, с долей скрытой ревности. Пока ещё раннее утро, никто и не увидит, проедут Рязеский лес, а там на ладью сядут, вдали от городища, чтобы меньше было лишних глаз.

— Доброе утро, — улыбнулся он краешком губ, когда она подошла ближе, и повеяло сбором трав разных.

— И тебе доброго, — ответила Мрина, остановившись напротив, в шаге от мужчины, явно скованная неловкостью.

Уже вблизи, Арьян заметил, что щёки её мягкие бледны, а под глазами как будто тени, и взор словно вглубь обращён, будто думала она о чём-то тягостном. И закопошилась внутри тревога — после появления Всеславы ещё больше отдалится от него Мрина.

Митко проскользнул с ношей в руках мимо, разрывая молчание. За ним вышла и Евгастья.

— Случилось что? — не удержался он всё же, оглядывая её какой-то усталый вид, когда чернавка скрылась за дверью.

Мрина только выдохнула тяжело, посмотрев перед собой.

— Просто нездоровится, но это пройдёт, — ответила только.

Арьян, не стал настаивать. Ненастье что настигло их в пути, сказался на ослабевшем теле.

— Хорошо. Конными мы до вечера будем, а там до острога Звятска доедем, на ладью сядем, и уже будет легко.

Мрина кивнула, не ответив ему более ничем: ни взглядом, ни словом, только этим сухим жестом, и так в тиски всё сжалось от нетерпения — разъяснить бы всё, расспросить, что так изменилось в ней и между ними. О том, что могла сказать ей Всеслава, оставалось только догадываться, а в том, что на слово княжна не покусится, Арьян после её истерик был уверен. Но ничего, весь путь впереди, спросит об этом позже, а сейчас нужно поскорее выехать из посада.

Молча почти бок о бок вышли во двор, прошли под яблонями. С листьев, собираясь в ручейки, соскальзывали капли росы, чертя воздух серебром, попадали то за ворот, то на руки, на макушку.

Арьян помог девушке подняться в седло. Мирина, глянув на то, как Митко подсобил чернавке забраться на лошадь, вопросительно посмотрела на княжича.

— Одной среди мужской ватаги скучно тебе будет, да и помочь в чём сможет, — объяснил он. Евгастью он, прежде чем отправить на постоялый двор, заранее обо всём предупредил: и чтобы не отходила ни на шаг от княжны и всюду была рядом, и что отправится в Ровицу она со всеми. Рассевшись по сёдлам и больше не медля, полдюжины всадников спешно покинули корчму и уже скоро примкнули к остальной полдюжине, нагнав у мостков, перекинутых над неширокой речной излучиной, а там и до леса было рукой подать. Явлич всё гуще тонул в тумане, и вскоре стены городища остались позади далёким размытым пятном да скрылись вовсе, когда отряд погрузился в ещё спящий, влажный от росы лес. Первые лучи брызнули сквозь частокосен, крася их не то в позолоту, не то в ржавчину, только, когда путники минули три сотни саженей, измельчая сырой, стоячий, пропитанный щитовником, грибным духом да лиственной прелью воздух оранжевыми лучами.

И вся неурядица, что произошла ещё по утру, расточилась вместе с крепнувшим днём да тающим на глазах туманом, поселяя внутри растекающегося по лесу безмолвие, что живительным источником лилось в самую душу, наполняя силой, поднимая дух. Арьян всё бросал долгие внимательные взгляды на княжну, но та оставалась такой же тихой, как скрытый в кущах запруд, и в то же время такой задумчивой и пленительной, что он невольно не выпускал её надолго из виду, отмечая, оглаживая взглядом её фигурку в окружении изумрудного буйства. В поднявшейся удушливой мгле она, словно глоток свежести, словно речной жемчуг на илестом дне, сверкала, вынуждая взор возвращаться к ней вновь и вновь. Арьян ощутил дрожь земли и веянье воздуха, что до сего мига казался и вовсе недвижимым и тягучим, обернулся и тут же услышал глухой топот копыт. Следом в седле встрепенулся и десятник, схватились за рукояти мечей кмети, но напрасно — враг бы не стал так выдавать себя. Арьян всматривался в дорогу, уходящую в зелёное убранство молодняка, и вскоре показался из него всадник, да не кто-нибудь, а Мечеслав, коего узнал он издали сразу. Сердце больно толкнулось о рёбра, когда дружинник приблизился.

— Никак случилось что? — прогремывал Векула, хмурясь грозно.

— Вернуться тебе нужно, княжич, — натянул Мечеслав узду, останавливая замыленного от безостановочной погони жеребца. Сам он был бледен, как снег, тёк по вискам пот, оставляя дорожки до самой кудрявой русой бороды.

— Ты говори толком, что случилось? — потребовал Арьян.

— Валганы к нам прибыли, батыры хана Вихсара. Требуют, чтобы княжичи приняли их. Разговор, говорят, есть.

Арьян увидел боковым зрением, как Мирина поменялась лице, не удержался, глянул на неё и сам потерял дыхание от её потерянного вида, будто навалилась на неё глыба, накрыв тенью. Кмети за спиной запереговаривались тревожно, выказывая смятение. Бранился в бороду десятник.

— А сам хан что же не явился? — спросил больше у самого себя Арьян, навряд ли Мечеслав знает все подробности.

— Леший его знает, окаянного, — сплюнул кметь, не постеснявшись присутствия девушек, и скривилось его лицо, будто кислое яблоко съел. — Князь Вяжеслав их принял, потом Радьяр меня послал вернуть тебя срочно.

— А Данимир где?

— Не знаю, княжич, что знаю, сказал, — утёр он вспотевший с налипшими волосами лоб, сбивая шапку. — Надо ехать, встречать бесов этих.

Арьян больше не стал спрашивать гонца ни о чём, ощутил только, как чёрная пелена начала затягиваться внутри мрачным покровом, что даже лес, казалось, потемнел, зелен, будто тлёт изъело, тревожно покачивались самые макушки в оглушающей неживой тишине. А мысли вскипели, как и кровь в жилах. Непрост валгановский вымесок оказался, не зря подарки дарил да словом заговаривал, вина лил. И один вопрос рождалось внутри — что ему нужно? Просто так верно приезжать не станут, но раздумывать над тем не было времени. Тем более, если взволновался Радьяр, то дело знать нечисто, и лучше выяснить то поскорее.

— Вот что, — заговорил княжич, переводя взор на Мечеслава, — поедешь с Векулой до Ровицы.

Мирина резко повернула голову к Арьяну, окатывая его непонимающим взглядом, показалось, а быть может, и нет — мелькнула в голубых её глазах тревога, будто бы за него беспокоилась. Или ему просто хотелось, чтобы было так?

— Как велишь, княжич, — согласился Мечеслав.

— Может, мне с тобой всё же вернуться, Арьян? — тронул десятник коня, выезжая вперёд.

— Нет. Поедете всеми в Ровицу, как и было изначально задумано. Поедете быстро, как можно меньше теряя времени на отдых, пока на ладью не сядете.

Кто знает, что на уме у подосланных ханом. Арьян приблизился к Векуле, сказав уже ему:

— Там, в остроге, ждите моих известий. В случае чего, — он глянул на Мирину, которая вся напряглась от страха, и хоть пыталась ничем не выказывать вида, а губы плотно сжаты были, и пальцы теребили повод. — В случае чего, шли гонцов ко мне. За девчонкой в оба глаза смотри, чтоб не обидел никто.

Векула твёрдо кивнул, не пытаясь больше спорить, знал, что без толку.

Арьян глянул на отрока.

— Митко, возвращаемся, — велел, разворачивая своего жеребца.

Мирина так и смотрела на него во все глаза, и не знал он, что сейчас творилась в её душе. Но такая синь была сейчас в этих глазах, что сжималось горло. Он подъехал к ней — не удержался, заглядывая в глаза — осколки неба, бездонного, необъятного, утонув в них. И не знал, что сказать, впервые, только невыносимо захотелось коснуться, хотя бы раз погладить серебро волос, почувствовать вкус кожи губами, но вынужден вот так оставлять её. Арьян, не допуская больше мыслей подобных, что и без того терзали, вонзил пятки в бока жеребца, пуская его обратно в Явлич, оставляя рядом с княжной свои так и не проявившиеся желания, не сказанные слова, и ощущал только на себе ровный, спокойный взгляд голубых глаз, вскоре затерявшихся в зелени.

Обратный путь минул незаметно, и вроде не так далеко отъехали, а посад уже ожил, наполнился людьми да обозами, что тянулись к торгу, спеша занять места. Арьян проехал мимо главных ворот — не хотел сразу сталкиваться нос к носу с посланцами хана, прежде нужно узнать, где отец и Данимир, да вызнать, что валганов привело в Явлич. Переговорив со стражей, княжич напрямик направился в терем да едва не споткнулся о порог, когда до взволнованного разума донеслись женские стоны. Остановился, прерывая свой путь, вглядываясь в дверной проём, ещё тонущий в утреннем сумраке.

«Вот же наглец, уже и в терем отца её приволок! Данимир уж совсем совесть потерял!»

Арьян мгновенно вскипел от гнева, ошпарил ярость, с лёту вошёл в полутёмное помещение и замер на полушаге. Мужчина со светлыми волосами, оголённый до пояса, нависал над распластавшейся под ним девушкой. Платье сбилось с плеча, оголяя грудь, белую, с розовым соском, подол был задран к поясу, стройные ноги обхватывали мужчину за бёдра, принуждая того продолжить прервавшееся было соитие. Наверное, Арьян не хотел видеть того, что увидел, потому, в облепленном прядями растрёпанных волос лице не сразу опознал лицо Всеславы.

Затуманенный взор её застыл на мужчине, что занял весь проём двери, и мгновенно всплеснул в её золотистых глазах страх, искромётный, бурный, пальцы её от неожиданности крепче сжали плечи любовника. Арьян в два шага оказался рядом, рванув ублюдка и одновременно заехав ему в челюсть, узнавая в нём гридня Гостяна. Всеслава же подобралась, вся сжалась, прикрывая грудь и ноги тканью платья, с ужасом в глазах наблюдая, как княжич наносит один за другим глухие яростные удары, не замечая ни брызнувшей из носа крови, что заливала уже губы гридня и щетину подбородка. Ещё пара таких мощных ударов, и тот испустит дух. Всеслава вскочила, бросилась к ногам Арьяна, повисла на локте. Княжич легко смахнул помеху, девушка рухнула на пол, больно ударившись локтем и головой о толстую ножку стола.

— Убью, — прошипел Арьян сквозь зубы, и следующий удар пришёлся в висок.

Гридень, здоровый, как вол, отлетел к стенке, сбивая с полок утварь, что покатились с грохотом по полу, а что-то и лопнуло. Гостян спустился по стенке, теряя на миг сознание.

— Арьян, не надо! — взмолилась позади Всеслава, и её отчаянный вопль опустился тяжёлым молотом на спину, вызывая новый приступ гнева, и в то же время вынудил окаменеть.

Глубоко и судорожно дыша, Арьян отступил, только теперь понимая, что пол был в крови, а Гостян, закашлявшись, сплёвывал кровь. Княжич брезгливо сморщился, сощурился от застилающего гнева глаза.

— Живи пока, — прохрипел он.

Гридень тряхнул головой, взбивая вихры, очухиваясь, посмотрел исподлобья и как-то дерзко, что княжич вновь сдал кулаки лишь для того, чтобы выбить наглость с этой рожи, и тут же был скован руками взметнувшейся к нему княжны.

— Не надо, Арьян. Прошу! Не надо, — рыдала она.

Он глянул на Всеславу затуманенным багряной пеленой взором, в её умоляющие, ставшие огромными глаза, застеленные влагой. Обхватил жёстко её тонкую птичью шею пятернёй, сдвинул, чувствуя, как пронимает её дрожь. Она молча, не в силах выдавить ни слова, забилась в его хвате, скользя по полу босыми ногами, пытаясь вырваться, драла на запястьях кожу ногтями, и когда закашлялась, Арьян понял, что душит её, ослабил хватку, а потом и вовсе жёстко оттолкнул её от себя:

— Потаскуха, — шикнул он зло сквозь бившую в висок боль. — Собирай своё барахло и пошла вон отсюда!

— Арьян?! — она вцепилась в его руку, горячие слёзы потекли к белым вискам, а глаза сделались ещё более янтарные, бесстыжие до омерзения. Вся она содрогалась от испуга, и только потом до Арьяна начало доходить, что защищает она своего любовника, и та скверно и отвратно сделалось от этого, что смотреть на неё больше не мог, вырвал руку.

— Убирайся отсюда! — гаркнул он так, что княжна вздрогнула, отпрянув, остекленели её глаза. Арьян отступил, разжав тиски собственной ярости — не думал, что это так сложно будет. Хотя и не любил её, а такой подлости не ждал, плетью опустилась она на самое сердце. Он, не видя ничего перед собой, вышел обратно во двор и почти нос к носу столкнулся с Данмиром. Брат за плечи его схватил, встряхивая, а рука у него была крепкая.

— Что с тобой? Что случилось? Кто кричал? — взгляд брата шарил по его лицу и рукам. — Чья это кровь?

Арьян сбросил его руки.

— Потом расскажу, — выдохнул он, казалось, только теперь, обрывисто, а внутри после бешеного всплеска льдом безразличия стало всё покрываться, хоть перед глазами всё ещё стояла раскинувшаяся под другим Всеслава. После, когда первая волна гнева схлынула, отдышавшись, он вспомнил о гостях и что искал брата.

— Что тут у вас? Мечеслав догнал уже в пути.

Пришла очередь выдохнуть Данимира, верно напугал его свирепый вид брата да кровь чужая. Он обернулся на толпившихся у ворот кметей.

— Ивар! — окликнул одного из дружинников Арьян.

Данимир снова глянул на брата в недоумении, а рослый парень, завидев в тени высоко сруба княжичей, в тот же миг подбежал.

— Выведи из терема Гостяня. В поруб этого змея запри, под стражу, — кивнул в сторону хоромин, откуда только что как ополоумевший вылетел.

Дружинник кивнул, не спрашивая ни о чём, видя ещё налитые яростью глаза княжича. Ему оставалось только догадываться, за что пала такая немилость, да зря княжич не станет пустословить, нрав его был известен. Коли наказал, стало быть, за дело. Дружинник скрылся в хороmine, и тут же в двери показался рослый парень, уже теперь в рубахе. Всё лицо его было в крови, Арьян аж содрогнулся, осознавая, что мог и прибить того вполне. Ещё шатающей походкой Гостян спустился вниз. С новой силой ударил гнев грудь, и Арьян, сам не зная, как, сдержал себя, чтобы не довершить начатое. Паскуда ещё посмотрел прямо и губы скривил будто в насмешке какой. Но это княжичу уж показалось, скривился он от боли, и в сам деле хватаясь за ушибленный бок. Теперь ясно стало, откуда у невесты его столько горячего пыла. Арьян сжал зубы, проглатывая ком, выбрасывая вон все мысли из головы.

— Этого и ожидал, — вдруг выдохнул Данимир, понимая всё.

Арьян напрягся, обращая на него вопросительный взгляд.

— Это ты сейчас не о том подумал, — поспешил объяснить Данимир. — Да ты бы и сам увидел, какие сытые у неё глаза, а как двигается, ведёт себя. Ты просто не хотел замечать её, а со стороны виднее.

Арьян выдохнул резко, облакачиваясь о бревенчатую стены, будто все силы разом покинули его, но в горле где-то ещё klokотало омерзение и гнев, будто он в грязь окунулся с головой.

— Что теперь делать будешь?

— А что тут сделаешь. Домой отправлю, к отцу.

— А с ним?

Арьян стиснул челюсти, что аж зубы скрипнули. Но и его здесь доля вины была, что позволил остаться, что привечал её в постели своей вместо того, чтобы на родину отправить до свадьбы да к сроку приехать самому.

— Не знаю пока.

Данимир задумчиво качнул головой. Помолчали, вслушиваясь в голоса кметей, которых сейчас другое занимало.

— Где отец и посланцы хана? Почему ты не с ними? — опомнившись, спросил Арьян.

— Князь с воеводой с ними толкует в дружинной избе, пока никого не звал. Сам жду.

— И что им нужно?

— Радьяр выходил, говорит, что хан намерен вернуть то, что у него забрали княжичи Явлича.

Глава 8

Ладья скользила меж круглых покатых берегов, поросших осокой и старыми ивами, русло же, что золотилось утренним светом, то сужалось, то разливалось, и едва глаз цеплялся за дальние берега, сокрытые плотным тяжёлым туманом. Роса к летнему солнцевороту стелилась теперь гуще, так что хоть купайся в траве. И всё больше в груди Мирины распался жар волнения и вместе с тем радости, когда стала она узнавать знакомые изгибы излучин, очертания холмов. Сегодня ярое солнце выплывало медленно, переливаясь радугой, заливая золотом сочные зелёные луга, окрашивая небо багрянцем. Глядя на это божье творение, Мирина в который раз убедилась в том, что не даром на этой земле обрядовые и праздничные одежды украшались богатой вышивкой с символами земли и неба да имели цвет зелёный — цвет заливистых лугов, и красный с золотом — солнца. Женщины соседних земель шили одежды из белёного льна — цвет тающего снега — и украшали обильной чёрной земляного окраса вышивкой по оплечьям, груди, вороту и подолу — знак плодородия и богатства. И вроде соседствовали, а земля там была более влажной, и снег с прогалин сходил позднее, чем здесь, в Ровице, на островке земли, что раскинулся под самым Яриловым взором: горячим, пыльным, под которым земля-матушка расцветала во всей своей красе, обласканная его живым теплом.

А когда показались первые избы посада, Мирина едва с душой не рассталась, стоило представить, что увидит матушку да братьев вновь. И вместе с тем зародилась и тревога — что скажет, как объяснит, где была, что делала всё это время, всю треть зимы да половину лета? Хоть и целая седмица пути осталась позади, и хватило бы её на то, чтобы подумать обо всём, а наоборот вышло — ничего не приходило в голову, пустой она была, словно лубяное лукошко. Мирина, пристроившись на корме, зная, что путь их долгий — и вроде бы не очень — подходит к концу, забко куталась в меховую накидку. Хоть днём и пекло нещадно, но ночи были холодные, особенно на реке, и даже мужи чуть ли не в шубы кутались. Княжна беспокойно скользила взглядом по берегам, предвкушая, как дно ладьи ткнётся вот-вот к родному берегу, и сойдёт она на землю свою. Много раз они останавливались то в деревеньках небольших, то в острогах князей и старейшин местных лишь для того, чтобы запастись водой да едой, и вновь опускали мужчины вёсла в воду, отрываясь от берегов. Мирина так и не сходила на берег, остерегалась. Не нужно, чтобы видели её.

Всё пыталась встряхнуться, слыша, как волны бьют о щиты бортов, такая несмелость брала, что в дрожь бросало и ноги не чувствовали опоры. А когда в брызжущих через окоём божьих лучах увидела раскинувшийся посад, погружённый то ли в туман, то ли в дым, со вздымающейся над ним деревянной грядой толстых, в два ряда, бревенчатых стен городища, с грозными башнями, что княжий полк, гордо смотрящими в даль, так и вовсе сердце ухнуло в пропасть. Так и стояла, сжимая в пальцах грубую верёвку, пока не опустили кмети парусину, и ладья не примкнула к высоким мосткам.

Мирина не помнила, как спустилась, не помнила, как оказались в людском море, где её даже и не замечали, принимая её со спутниками за очередных чужеземцев или боярскую свиту, прибывшую на торг. Вскоре привёл Мечеслав вместе с подручным и лошадой — до стен города ещё через весь посад идти, пешими негоже, да по такой пылилке. А путь их пролегал не как-нибудь, а через торговую площадь, вдоль изб купцов да зажиточных бояр. Голова закружилась от многолюдья, что нынче творилось на посаде, Мирина уже и отвыкла от такого: от шума

беспрестанного, от воздуха прогоркшего с запахом дыма да рыбацких сетей, от гомона вечно спорящих баб у прилавков, от крика детей, от звона молота о железо из кузен — всё это завертелось, забилась вокруг ключом беспокойная, суматошная городская жизнь. Княжна окунулась в этот шум в сопровождении кметей: десятника Векулы, грозного, матёрого, что медведь, с густой бородой, похожей на древесные корни, и русобородого Мечеслава, который в отличие десятника был молод, с острым пронзительным взором голубых глаз и пшеничными волосами. Позади держались остальные кмети, не менее удалые и рослые. Все вместе поднялись к вырытому вдоль стен, словно гигантским плугом, рву, пройдя через старый скрипучий мост к главным воротам, в которые выходили и заходили женщины и старики, погрузились в прохладную полутьму сквозной стены, что поглотила в себе все звуки. Сверху через щели бился пыльный тусклый свет, пахло застарелой давно ссохшейся смолой. Стенам этим был уж не один десяток лет, и поставил их ещё прадед отца Мирины, потому и народ стекался сюда — место безопасное, людное, торговое. И кормит город река, и будет он стоять твердыней, пока не высохнет её русло, но такое вряд ли случится когда. Стены были в некоторых местах подлатаны, не раз подвергались набегам, и враги были одни, общие для всех. В нынешнее время валганы, так и не взяв город, оставили всякие попытки. Мирина за раздумьями разными не заметила, как подъехала уж отчему порогу. И сердце так и обледенело, когда предстала перед теремом широким, мощным и высоким, в три яруса.

Не успела она вступить во двор, как поднялась суета, метнулись длинные юбки черни в пристройках да на крыльцах, кто-то выглянул наружу, кто-то следил из укрытия, не выдавая себя ничем. Знают ли они о том, что должна она приехать, то Мирине было неизвестно, но она никак не могла отделаться от пристального липкого внимания к себе, которое чувствовала затылком, плечами и спиной. Скользнула взором по оконцам, зияющим чернильной пустотой и холодностью, по высоким крыльцам, по башенкам светлиц, но так никого и не нашла. Евгастья совсем оробела, когда к ним вышли парни-конюхи, забирая гнедых. И всё слышны были голоса, да ничего не разобрать. А может, от поднявшегося волнения разом перестала понимать речь родную. Мечеслав всё рядом держался, подбадривая своим присутствием, видя, как побелела княжна, будто первый снег. Не отставал и десятник Векула, которому княжич поручил передать девицу в руки мачехи да самолично проследить за тем, как встретят её воличане. Ожидание затягивалось, и Мирина уже потеряла надежду, что выйдут встречать её. Взметнулись ленты на кудрявой берёзе, росшей у самого порога. Ленты эти привязывали к тонким ветвям перед зелёными святками поверх старых, обтрёпанных, обязательно новые. Они предвещали приближение широкого пира и праздника. Только подумала княжна о том, что впору и не ждать никого, как из недр терема на широкое крыльцо с массивными расписными столбами и резьбой вышли чернавки княгини-матушки. Лица их были каменные, и в глазах какая-то тревога, не радость. Впрочем, Мирина и готовилась к нерадушной встрече, а почему, сама не понимала — всё-таки осталась обида на княгиню. Царапало где-то внутри, ныло, потому и точило сомнение в том, что её ждут. Чернавки расступились, пропуская вперёд статную высокую женщину в богатом, расшитом стеклянными бусами и речным жемчугом повое, обязательно тёмного цвета — знак вдовства — и в такой же тёмной понёве, подпоясанной широким тканым поясом с обильной вышивкой и длинными кисточками, тоже украшенными бусинами да колечками. При каждом шаге они обязательно позвякивали. На руках красовались массивные обручья из латуни, на шее — гривна, на которой висели, поблёскивая, обереги женские да украшения разные. Две светлые косы падали по высокой груди. Взгляд льдистых глаз врезался в девичью фигурку в окружении грозных мужей. И казалось, воздух замер, налился свинцом да свил грудь. Мирина перевела дух, ощутив явственно удушье. Княгиня мало того, что смотрела холодно, так ещё и с каким-то строгим непреклонным укором, будто на нерадивую чернавку, что посмела ослушаться. Хотя и была она как родная, а сейчас будто и не знала Мирину никогда. Мёрзлая гать легла меж ними. Десятник кашлянул, преклонил голову, как подобает, за ним очнулся и Мечеслав, верно сраженный статью и суровой изящной красотой этой гордой и холодной, как снег, женщины. И Мирина тоже поклонилась. Когда княгиня спустилась к гостям, остановившись напротив дочери, та склонилась ещё ниже под гнёт её холодного взора, так, что разглядела камешки под слоем пыли, и долго не отрывала взора от них, чувствуя звенящий негодованием взгляд на себе. Наконец, холодные пальцы сковали подбородок Мирины, вынуждая её поднять взор.

Мирина задыхнулась, когда увидела судорожную улыбку, что коснулась тонких, но чувственных губ Световиды, появилась и исчезла, а суровая зима, что лютовала в её глазах, сменилась на золотистое поле, сухое да ветреное. Тревога разлилась по голубому дну её ясных, ещё молодых глаз. Недаром Вортислав задерживал на ней взгляд, верно и в самом деле был влюблён в княгиню.

— Ты ли это, или морок какой? — выпустили её губы вздох облегчения, окативший свежестью успокоительной.

— Ну, здравствуй, Мирина.

— Здравствуй, матушка, — ответила княжна в свою очередь, хоть так называть её стало вдруг непривычно, будто чужая.

Княгиня, не мешкая больше, вскинула руки, обхватила плечи падчерицы, чуть сжала, ощущая, будто и в самом деле не верила, что перед ней живой человек.

— Какая ты стала... — молвила, всё скользя по ней изучающим взглядом, исследуя, — похорошела, повзрослела как, красавицей настоящей стала, — Световида вдруг склонилась, и щёк Мирины коснулись её твёрдые, такие же прохладные, как пальцы, губы, мазнул тонкий запах спелой земляники.

Мирина скосила взгляд на Векулу, и Светавида встрепенулась вдруг, выпустив княжну, обратила взор на десятника, улыбнулась ласково.

— Это десятник Векула из княжества Явлич. Они меня привезли сюда...

Мирина осеклась, не зная, как сказать, объяснить, чтобы матушка ничего не подумала лишнего, да только женщины-чернавки оживились за спиной Световиды, зашептались, бросая острые взгляды то на пришлых мужчин, то на Мирину. И понятно, почему — где была всё это время, как же вышло так, что воины Явлича прибыли вместе с дочкой княжеской в городище?

На лице же Световиды недоумение отразилось, когда Мирина представила витязей, но, слава Богам, допрос княгиня не стала учинять на глазах прислуги да в кругу кметей, широким жестом подозвала Аргуна, рослого мужчину с каштановыми волосами, оттенявшими зелёные, как тина речная, глаза — он верной защитой был княгине после того, как погиб князь.

— Аргун, проводи гостей в гридницу, накорми и напои, всё чин чинном. А после, к вечеру, жду к столу всех. Праздник у нас, пропаша вернулась, — Световида обратила мёрзлые глаза на княжну, и той не по себе сделалось от речи её вычурной, от приёма сдержанного.

— Прошу пройти под кров, с дороги отдохнуть да братину испить с воинами нашими, — сказал Аргун голосом грубым, зычным.

— Благодарствую, государыня, — преклонил Векула голову перед княгиней, и стало видно, что тревога легла в глубине его глаз, на Мирину коротко глянул, настороженно, и ничего ему не оставалось, как проследовать за Аргуном, дав знак остальным идти за ним. Пронаблюдав за входящими мужчинами, что вскоре скрылись в тени построек, Мирина, оставшись с Евгастьей только, вовсе оробела.

— Пойдём, — взяла Световида девушку за руку, увлекая за собой к хоромине.

Мирина старалась ни на кого не смотреть: ни на женщин суровых, ни на чернь, что высывалась из-за углов, в чьих глазах удивление было да страх какой-то, хотя и чувствовала, как её всю разглядывают жадными взглядами, выедавшими, казалось, до самых костей.

Вместе поднялись по высокому порогу, вошли в широкие сводчатые двери, в светлую горницу, куда из низких окон лился утренний свет, наполняя помещение золотом и теплом. Запах липы и мёда одурманил, поднимая волну воспоминаний о былых днях, теперь таких далёких.

Задерживаться здесь они не стали. Оставив чернавок и отдав им распоряжения, княгиня поманила падчерицу за собой, дальше уводя в женскую часть терема. Мирина опомнилась лишь тогда, когда рядом не ощутила присутствия Евгастьи. Остановилась, и Световида недоумённо глянула на неё.

— Со мной она пойдёт, — сказала княжна, оборачиваясь и давая знак остоленевшей посреди горницы рыжекудрой девочке поторопиться. Уж привыкла она к этой девке за всё время пути, привыкла к её степенному спокойному нраву, хотя и остались здесь свои чернавки — Белолоуба, верная помощница, да Вида. Только где они сейчас? Мирина и не выискала их среди собравшихся.

Световида только плечом чуть пожала, оставшись равнодушной к этому пожеланию, позволила Евгастье идти за ними.

Оказавшись в светёлке, Мирина и вовсе дыхание потеряла, оглядывая родные до щемящей ломоты в сердце стены. Здесь всё оставалось как и прежде, всё на своих местах: длинная лавка для рукоделий под окнами, стол резной у окна, на нём кованые светцы для лучин, сундуки деревянные, расписные... Правда, слишком пустынно было, прибрано, видно, что не жил тут давно никто, и наверное, не быстро разожжётся здесь огонь, что наполнит хоромину теплом живым.

Княгиня прошла чуть вперёд, развернулась, бросая взгляд пристальный на чернавку, и та совсем сжалась вся, как воробушек в когтях ворона. Мирине даже жалко её стало.

— Евгастья, выйди пока, — попросила она.

И как только дверь глухо хлопнула, окатывая спину сквозняком, тут пришёл черёд Мирине съёживаться. Хоть и у себя дома да в безопасности, а в присутствии княгини будто в одном коробе со змеей оказалась. К счастью, Световида не стала пытаться её долго молчанием да перегидами тягостными, распростёрла руки, принимая девушку в объятия лёгкие, почти неощутимые, только не почувствовала Мирина ни тепла, ни заботы, ни родства. Как ни старалась показать обратное, чужими они были всё то время, а теперь, после долго расставания, и подавно. И хотелось как можно быстрее отстраниться да в тишине побыть, здесь, у себя, куда так жаждала вернуться.

Княгиня отстранилась, наконец, заглядывая в глаза. Вроде ласковый, внимательный был её взгляд, но в то же время затуманенный, не понять, что чувствует, что думает Световида.

— Как я рада, что вернулась ты, — прошептала она вроде искренне, но голос всё одно оскоминой осел на языке.

— Как братья Нечай и Взрад? Не видела я их во дворе. Где они?

Бледные губы княгини тронула улыбка, но какая-то отстранённая, сухая.

— Тут они, живы и здоровы, слава Богам и матушке-Макоши. Нечай уж посвящение прошёл, возмужал за весну, не узнать его уже, верно отца перемахнул в росте да в плечах разошёлся.

Улыбка сама собой расплзлась на лице Мирины, и так сердце возжелало увидаться поскорее.

— Увидишься ещё, — прочла её мысли княгиня. — Расскажи лучше, где ты была всё это время? Заставила меня волноваться, я половину здоровья своего оставила, бросая силы на поиски. Мирина, как же так? Что произошло, ответь?

Мирина поёжилась от давящих льдистых глаз княгини, от потока вопросов и негодования, чего она и опасалась так. Пошатнулась уверенность — та опора, которую она выстраивала всю дорогу до детинца, и кинуться бы рассказать обо всём, пожаловаться на недолгу свою, но что-то останавливало — Световиде не признается ни в чём.

Потянула заклёпку на кожухе, растягивая ворот, ставший тесным, не продохнуть.

— Устала я, — выдохнула Мирина, — позволь сначала отдохнуть с дороги, матушка, — и снова царापнуло обращение это, и тут же неудобно сделалось внутри.

— Конечно. Прости, — дрогнули растерянно ресницы княгини, она сдержанно улыбнулась, окидывая девушку понимающим взглядом.

— Отдыхай. Просто я столько ночей не спала, всё гадала, где ты, жива ли, здорова ли.

И Мирину вдруг вина ошпарила, рассеянно посмотрела она перед собой, опуская руки.

— Отдыхай, — повторила княгиня, — теперь ты дома, живая и похорошевшая — это главное.

Отдыхай, а я пойду в храм, жрецам скажу тебе принести в благодарность за радость нечаянную, да старейшин известить нужно о приезде твоём, хотя верно они уже знают обо всём.

Мирина кивнула, соглашаясь со всем, и Световида, наконец, обошла её, направилась прочь.

Вновь пахнуло сладкой ягодой, и вскоре дверь затворилась за ней. А Мирина будто в яму канула, сгустилась вокруг пустота, сотканная из жемчужного света, что обильно лился из окошка на стоявшую посередине светёлки девушку. Она выдохнула, расславляя плечи, обвела взором брусчатые стены и тут же согрелась их живительным теплом. Но всё же осталось чувство недосказанности, что комом упало на самое дно и не давало полного освобождения и покоя. И тиски, что сковывали её, сжали сильнее только. И как подумала о пире, что будет вечером, и о том, что ждёт встреча с Вортиславом, так померкло всё внутри.

Сделав ещё пару глубоких вдохов и выдохов, Мирина скинула кожух, в котором уже и жарко становилось в тепле да сухости. Омыть бы теперь лицо и ноги с пути. И тут, как по велению, вернулась Евгастья, да не одна, а с Белолобой. Девка была стройная и длинная, как осока, с русой косой, в простом домотканом платье, с глазами серовато-золотистого цвета, в которых

прочла Мирина, как рада была видеть Белолоуба хозяйку. Она поклонилась в пояс княжне, и Мирина отозвалась улыбкой. Чернавка поспешила забрать кожух из рук, положила на сундук, открыла другой, принялась выуживать рушники да подушки со скатертями, а Евгастья стала помогать ей во всём, уже не робея.

Вернулась и Вида, вторая верная помощница с малолетства. Коса её была черная и короче Белолоубиной, да и ростом эта девка ниже была, с круглым лицом да яркими, живыми, цвета ежевики спелой, глазами. Она принесла крынку кваса хлебного да яблок лукошко, водрузила на стол, где уже Белолоуба расстелила вышитую самой Мириной скатерть. Не успела княжна оглянуться, как стало ещё светлее и уютнее, ожила светлица, задышала. Мирина зажгла травок сушёных, и полился дурманный запах, очищающий, ароматный, при вздохе так и закружилась голова, и усталость ушла с плеч. Но покой глубокий так и не пришёл, потому что внезапно завладели ей мысли о княжиче Арьяне. Она и в дороге о нём вспоминала чаще, чем ей хотелось бы, в этом Мирина призналась себе, не в силах таить от себя самой. Знать бы, что принесло валганов в Явлич. И тревожно становилось от неведения, не хватало ещё беды какой. И в какой раз Мирина напомнила себе, что в храм нужно бы сходить, заступничества Богов попросить. Обмывшись в лохани, смыв с лица, шеи, рук пыль дорожную, принялась расплести косу. Евгастья по привычке хотела было подсобить расчесать волосы, но её опередила старшая Белолоуба. Та и не стала настаивать на своём против слова главной. Но даже это не отвлекло Мирину от мыслей о княжиче. Образ Арьяна так и стоял перед взором и не уходил. Глаза его, орехового цвета, обведённые, будто углём, чёрной каёмкой и такими же тёмными ресницами, имели взгляд хищный и вместе с тем сытый, окутывали теплом. Княжна вспомнила, как спокойно возле него делалось и беспокойно одновременно. Невеста у него ревнивицей оказалась. Оно и понятно, почему, завидного жениха себе подобрала княжна Орлеца, и всё же Мирина как-то не верила ни ей, ни в её чувства. Вздохнула тягостно, ощущая на голове гребень, мерно скользящий по волосам. Отбросила эти мысли, а вместо них пришла тревога более насущная. Что же говорить матушке? Ведь то, что была она в лагере валганов, вскоре откроется. И как бы ни думала, ни вертела в уме, а признаться в том придётся. Опасалась, как бы хуже от вранья не стало.

Управившись, Белолоуба вплела в косу ленту — знак того, что девушка обещана уже жениху, и Мирина не стала противиться тому, понимая, что желание княгини таковым и осталось — выдать за Вортислава, будто невеста и не пропадала никуда. Значит, увидит его за столом общим. Что ж, тем лучше.

Чернавка под тихий напев привязала в завершение наконсник тяжёлый, положила гребень в ларь и отступила.

— Спасибо, — очнувшись от раздумий, ответила Мирина. — Теперь ступайте. И Евгастью с собой возьми, устрой девочку, покажи место, где жить будет, да расскажи всё.

— Как велишь, княжна, — склонила девка голову и, поманив притихшую чернавку за собой, вскоре вышла за дверь, оставляя княжну в одиночестве.

Поднявшись, Мирина прошла к оконцу, выглянула наружу, да только ничего не увидела, кроме кровли терема да макушек березняка и дубрав, а за ними затуманенной сизой знойной мглой дали, в которой серебрилась жемчужная река. И всколыхнулось всё внутри. Она дома. Даже не верилось. Пройтись бы по двору к саду, босыми ногами на землю ступить, чтобы силой вновь напиться от родных мест, соединиться с ней, сродниться вновь... Но лучше дождаться застолья и встречи с родичами сперва — это главное, а прогулку оставить на завтра. Помалу полуденная жара всё же сморила в сон, отяжеляя веки и всё тело размягчая, делая неповоротливым, разнеженным, да после пути долгого не хватало сна крепкого. Мирина прилегла на постель да так и провалилась в небытие, и спалось ей так крепко, так сладко, безмятежно, как она и не надеялась давно, уж не верилось ей в отдых такой полный. Впервые не вскочив в испуге от того, что проспала, она проснулась сама, спокойно, потянувшись сладко, разминая тело, по которому волной пролилась приятная нега, а не ломило болью от неудобного положения. И удивилась, когда поняла, что уже и день пролетел, и вечерние лучи поползли на щеку, щекалоти кожу, слепили ласково, не обжигая глаз. Такого бодрого духа давно не чувствовала.

И всё же, когда первая волна блаженства спала, а тело немного пробудилось, вернулось беспокойство внутреннее. Порой матушка Световида не скупилась на брань и крепкое слово, а тут даже недовольства не проявила, не укорила, не ругала. Княгиня встретила падчерицу

сдержанно, а сама была сухая, беспокойная, будто так и ждала её возвращения со дня на день. Может, всё-таки прошёлся слух, что объявилась пропажа? Ведь и Всеслава, невеста Арьяна, грозилась грязью облить. Неужели молва злая о пленении вперёд неё успела прийти? Мирина плечами передёрнула, дрожь меж лопаток прошла от таких догадок, и ком тошноты подкатил к горлу.

Мирина откинула покрывало, опуская ноги на пол, просыпаясь окончательно.

За дверью и с улицы шум поднялся вечерний, и тревога объяла вновь, и хотелось отделаться от неё, от всего отречься, а не выходило. Едва только княжна поднялась, как появилась в двери Белолоба, в руках её покоились наряды для вечернего праздника. Хотя в том Мирина не нуждалась, но раз так нужно, то лучше всё исполнить, ведь недаром старается княгиня, видимо, не терпится ей поскорее за Вортиласлава дочь отдать, пока ещё чего не натворила, пока покладистая. Платье княгиня велела достать самое нарядное, расшитое мелким бисером да узорами витиеватыми, с широкими рукавами, да настолько длинное, что по полу подол скользил. Волосы же чернавка туго в косу переплела, повязала таким же расшитым бисером венцом, ещё девичьим.

— Какая красота!

Мирина резко обернулась, дрогнули колечки на висках с висящим на них жемчугом. Годимира так и замерла в дверях, а у Мирины из груди сердце едва не выскочило от неожиданного выкрика, хотя должна была сразу догадаться, кто к ней может заглянуть без предупреждения да приглашения. Сестра младшая княгини-матушки совершенно не похожа была на Световиду. Тёмная коса через плечо, в ней лента красная — родичи той ещё осенью сговорились отдать княжну за Желибора, среднего сына князя Сбыслава Веромиловича из соседнего городища. Годимира росточка маленького, чуть пониже самой Мирины, на белом лице яркие губы, будто выкрашенные вишнёвым соком, маленькие, пухлые, вечно улыбающиеся, и глаза такие же, будто смеющиеся, лукавые, как у лисицы. Порой сомнение брало, что гордая величаяя Световида и пылающая, как купальский костёр, Годимира родные меж собой, но родичи сестёр верные, честные люди, говорят, что Годимира в прабабку батюшки пошла, переняв все черты её, о том и матери их сон вещий был. Возраст младшей был такой же, как и у Мирины только вот сблизиться они настолько сильно, чтобы делиться душевными девичьими переживаниями, не могли, порой Мирина уставала от её плещущей через край силы да живости. Это изматывало, она любила больше покой и тишину, а Годимира, как бурлящий огонь неустанный, и такая же, наверное, непредсказуемая. Огонь-то ведь обжечь может, как и холод Световиды, и в этом и было, пожалуй, сходство их, общая черта.

— Здравствуй, Годимира, — поздоровалась Мирина, уж не зная, радоваться ли её появлению в покоях.

Та, не дожидаясь приглашения, прошла вглубь, спровадив чернавку небрежным взмахом руки, пристроилась рядышком на лавке.

— А я вот не стерпела, пришла с тобой повидаться, — широко улыбнулась она, и сузились карие глаза, заплескали в них отблески догорающего на окоёме заката, лучи которого прямоком ложились сквозь всю светёлку, освещая бурым светом стену, делая тени девиц почти чёрными, глубокими.

«Странно, а чего же сразу не спустилась встречать, ещё утром?» — мелькнула и пропала у княжны мысль.

Годимира за руки взяла Мирину. Пальцы у сестры Световиды были всегда тёплые, но сейчас отчего-то влажные — неужели переживала так из-за их встречи? На Годимиру и не похоже было, чтобы из-за такого пустяка, как дочь Родонегга, переживать сильно да волноваться.

Раньше Мирина не больше её внимание привлекала, чем сундук в углу. А тут сама явилась.

— Световида рассказала, как ты изменилась, а меня же любопытство разбирает. И в самом деле, тебя не узнать. Раньше как воробушек, и не поймать тебя, — зашебетала.

— А что же теперь? — не сдержалась Мирина, раздражаясь. Сама того не ожидала от себя, но с какой-то обидой сорвался вопрос.

— А сейчас... — живые глаза Годимиры забежали по лицу Мирины, по стану её, нигде не задерживаясь, — не знаю. Смелая, спокойная, — пожала она плечами круглыми, — девичья угловатость пропала.

Мирина моргнула, отводя взор, а жар-таки прилил к щекам, будто Годимира в самую душу её заглянула, догадавшись о том, чего теперь и не вернуть, не изменить. Будто узрела, кто её

девичью честь забрал. О чём и сама Мирина предпочла бы забыть накрепко и никогда не вспоминать.

— Где ты была, Мирина, и почему с тобой дружина князя Вяжеслава из городища Явлича прибыла?

Мирина вернула на неё взгляд, пронизав строгостью княжну насквозь. Уж перед ней отчёт не собиралась давать. Поднялась со скамьи, двигаясь чуть резче, чем хотелось бы, да только теперь не сдержаться. Не по нраву пришёлся вопрос свояченицы.

— О том я буду с матушкой говорить, — ответила, не глядя на Годимиру, прошла к двери, подхватывая плат, покрывая голову. Всё же ленту вплели, а значит, теперь уже непокрытой не пристало ходить.

Только к двери подошла, остановилась, ощущая, как вскипело всё внутри. И больше на себя разозлилась, что не смогла найти ответа достойного, что бежит. Повернулась.

— Идешь?

Годимира, что сидела до этого окаменевшая, вдруг оживилась, и липкая улыбка вернулась на багряные губы.

— А как же, — подобралась.

Вместе, плечом к плечу, спустились на нижний ярус. За ними незаметно и Белолоба пристроилась, и Вида — проводить до горницы, всё, как и раньше бывало, кроме того, что сейчас рядом шла Годимира, будто страж какой. Может, и в самом деле бояться, что вновь сбежит, испугается ленты в косе? Тут уже Мирина заулыбалась, с улыбкой на лице так и вошла в душную горницу, наполненную светом и шумом голосов разных, мужских и женских. Но улыбка её помалу сползла, когда разглядела она смолкших разом гостей, собравшихся здесь, и пальцы сами собой в кулаки сжались. За длинным столом, который выставили посередине горницы, были ещё не все, пустовала лавка в женской, левой стороне стола. Княгини Световиды не оказалось, сидели только сыновья — княжичи Нечай и Взрад, оба русоволосые, как отец Радонег, и голубоглазые. Мирина задержала взгляд на Нечае, тот даже сидел, как отец, одним локтем на стол опираясь. И защемило в груди — как напоминал отца, будто он сам был тут. И в самом деле, не узнать Нечая, раздался в плечах, и руки крепкие, жилистые, взгляд умный — всё это прибавляло ему мужественности, и всё же напряжённая поза, пусть и радость от встречи в глазах его вселяла в Мирину беспокойство. Она прошла вперёд, на ходу оглядывая старших мужей княжества. В самом конце сидели Мечеслав и Векула. Завидев княжну, оба выдохнули свободно, оживились, будто до сего мига сомневались, что она появится. Мирина приветливо улыбнулась седобородым осанистым старейшинам в высоких шапках. Она опустилась на лавку, где отведены были места для женщин, рядом примостилась Годимира, далеко не стала отходить. Мирина подняла взгляд, натолкнувшись на рысий прищур боярина Земибора, смутилась. Он о лишь оглядел её внимательно, да и не только он — все взгляды на неё были обращены. Рассматривали, как диковинную вещь какую, и так трудно было выдюжить, остаться спокойной под напором их внимания, что Мирину дрожь проняла от напряжения. И почему до сих пор не пришла княгиня? И Вортислава тоже нет.

Неловкое молчание затянулось. Земибор глянул на дверь, нахмурил густые, подёрнутые уж сединой брови. Вскоре на княжну уже никто не обращал внимания, заговорили меж собой, продолжая трапезу. Сидящая рядом Годимира зачерпнула деревянной ложкой икру, на хлеб намазала, подмигнула лишь Мирине, откусывая маленький кусочек. И смятие лютное взяло от непонимания того, что происходит здесь. Мирина некоторое время смотрела на богато уставленный яствами стол, ничего не видя перед собой. Нет, нужно повидаться с Истиславом, другом отца и побратимом верным, да Яреной, женой его, расспросить обо всём. Мирина встрепенулась от пронявшего осознания, что их за трапезу не позвали, было поднялась, но рука Годимиры легла на руку княжны, призывая не волноваться. Мирина хотела скинуть её руку, но за дверьми шум послышался, а следом появилась и Световида, взволнованная, побледневшая, и снова губ её бледных коснулась нервная улыбка. За ней, словно тень, следовал и Вортислав, возвышаясь едва не на две головы княгини. Лицо его чуть вытянутое, загорелое обрамляли короткие тёмно-русые кудри, только чуб длинный небрежно падал на одну сторону, скрывая лоб и скулу.

Его серые глаза тут же приковались к княжне, снова насмешливые, издевательски-едкие.

Мирина и забыла, как дышать, так сделалось неприятно внутри, будто колючку проглотила. Он быстро, хоть и неохотно, отвёл взгляд, обращая его на мужей, преклонил голову, отдавая дань

уважения старшим. Неродной брат отца совсем не изменился, всё так же шагал расслабленно, так же смотрел на всех чуть исподлобья, будто всё вокруг только досаждало. Сел рядом с Земибором, оглядывая прибывших из Явлича воинов, и казалось, что не рад он их присутствию здесь да вынужден терпеть. Световида опустила по другую сторону от Мирины — теперь уже и не выйти, будто прикованная с двух сторон и задущенная взглядом Вортислава. Недаром его недолюбливали — юркий, никогда не поймёшь, что у него на уме да на сердце, но отец, князь Радонег, всегда снисходительно относился к нему, всё же мать у них одна была, а её князь уважал и свято чтит память.

В хоромине воздух сразу наполнился мужским духом да яствами, настоялся, загустел, пропитывая одежду и каждый уголок горницы. Быстро захмелели мужи, даже молчаливый десятник Векула разговорился. И никто Мирину не пытался расспросить о том, где та была всю долгую зиму, весну да половину лета. Может, оно и лучше, разве не этого хотела? Но всё же странно и неправильно было, уж не знала теперь, что и думать. Никто не пытался её осудить или высказать негодование, всё было так, будто её и не было здесь. Мирина наблюдала, как пальцы Световиды иногда в кулак сжимались, подрагивали княгиня всё пыталась это скрыть, прятала руки. Годимира же, напротив, была весела, как и всегда, отвечала всем любезно, когда к ней кто-либо обращался, хоть и сосватана, да на уста никто платок не накидывал, как и на глаза, что горели живо да ласково, и мужчинам это нравилось.

А меж тем вечер прогорел. В хоромине всё больше сгущались сумерки, чернь разожгла повсюду светцы, и задышали стены теперь уже земным, живым огнём, делая черты лица мягче да плавнее — движения, а голоса отчётливыми, тягучими.

— Я хочу испытать за здоровье княжны, дочери князя Радонег, — поднялся вдруг Вортислав, откидывая со лба чуб, поднимая чару. — За то, что с нами она, что жива, здорова, в бодром духе да при красоте своей, что только расцвела и созрела, и когда успела? — повёл бровью.

Внутри Мирины оборвалось всё от внезапной речи княжича, и как будто потемнело вокруг, стало как в норе. Она рассеянно посмотрела перед собой. Остальные бояре подобрались, также поднимая чары, не замечая в речах княжича долю издевки и гости из Явлича не отставали.

Мирина вздрогнула от грохота чар, брызнули капли медовухи малиновой ей на руки.

Вортислав, поглядев на неё свысока, припал жадно к питью.

Световида тоже подняла чару, не глядя по сторонам, отпила мелкими глотками. Мирина не сразу заметила, как все разом затихли и замерли на своих местах, а головы повернули к выходу.

А заметив, посмотрела туда же. За долю мига до того, как увидела в дверях четверых рослых мужей, сердце в лёд обратилось, покрываясь тонким панцирем, перестав на миг биться, растрескиваясь на мелкие осколки, а потом бешено запрыгало в груди, что аж больно сделалось. Отказываясь верить своим глазам и понимать происходящее, княжна ощутила, как пол исчез под ступнями. Она вцепилась в край стола, отрицая всё, а меж тем хан Вихсар прошёл вглубь в окружении троих мужей, сразу видно — воинов, с саблями на широких поясах да в латниках с железными пластинами по плечам и груди. Векула и Мечеслав поднялись с мест, напряжённые до предела, того и гляди оголят клинки, надулись на шеях и руках вены, взгляды потемнели.

Световида встала, опередив всех, повернулась к вошедшему:

— Прошу к столу, — пригласила она широким жестом, как самых желанных присутствующих здесь гостей, предотвращая возможные недоразумения да стычки.

Мирина, онемевшая, проследила лишь глазами за свободной уверенной походкой Вихсара, за мужчиной, который сломал всю её жизнь и стал заклятым врагом на века.

Хан свободно опустился рядом с Вортиславом, княжич с валганом теперь соперничал могучей слаженностью, оба по-воински статны были. Только сейчас Вихсар обратил на Мирину свой взор. Чёрные воронки потянули вглубь, обжигая и пугая какой-то дикой звериной мощью, неуёмной, бурной. Замерзала рядом Годислава, разом растеряв красноречие. Братья смотрели во все глаза, совершенно не понимая ничего, как и Земибор, и остальные бояре, скованные недоумением, затравленные, будто в клетке. Засуетилась челядь, наливая в чары мёда гостям редкостным. В голове Мирины билось только одно — зря пришла сюда, поспешила, но теперь и нет пути отступления.

— За здоровье и благополучие присутствующих здесь женщин! — раздался грудной голос валгановского вождя, он приподнял чару. — По истине красота ваша ослепляет, — окинул он поочерёдно ласковым взглядом Световиду и Годимиру, упершись в Мирину, едва ли не дыру в ней просверливая. Опустила взор, не в силах вытерпеть нещадного накала. Вихсар припал к

питью, и Мирина, сама не понимая, что делает, резко встала, едва не пошатнувшись от проявленного бессилия, ощущая, как множество взглядов воткнулось в неё, будто крюки, что каждый тянул на себя. Лицо Векулы так и исказило изумление и гнев, да только как в чужом доме оголять оружие? Это святотатство, коли ничто не угрожает, и княгиня посадила за общий стол чужаков. Земибор, не ожидавший, что придётся сидеть с валагновским ханом за одним столом, нахмурил густые брови только сильнее, и взгляд его потускневший был обращён теперь внутрь себя, видно задумался крепко, посматривая на княгиню, переглядываясь с остальными мужами. Да и они что скажут, коли с миром пришли?

Сердце грохотало в груди княжны, ноги и руки онемели. Вихсар мгновение-другое наблюдал за ней, Мирина ощутила, как холодная волна окатывает её с ног до головы, вновь и вновь сокрушая — попала в самые когти зверя. Резко развернулась и пошла прочь. Челядь от вида её поторопилась расступиться, позволяя выйти за двери. И Мирина не видела дороги перед собой: в глазах потемнело от отчаяния, застилала ум злость. На матушку, на себя, на судьбу. Теперь понятно, почему Световида молчала — боялась спугнуть, сболтнуть лишнего, чтобы ни о чём дочь не заподозрила.

Казалось, что сердце после очередного удара разорвётся от потрясения, боли и жестокости Световиды. Как она могла так поступить с ней? Лаяли где-то на задворках цепные псы, голоса стражников раздавались с крепостных стен, но Мирина ничего не слышала, так звенело в ушах, оглушая напрочь. Хотелось просто закричать, зарыдать, ком подступил к самому горлу и душил, от обиды ли, от несправедливости, от всего вместе? И сама не помня, как, подобрав юбки, выбежала в сад, под раскидистые кроны яблонь с ещё зелёными, но тяжеляющими ветви плодами. Прохладный ветерок скользил по лицу, остужая горящие щёки, и платок успел где-то слететь с головы — потеряла. Мирина, наконец, остановилась, чтобы перевести дух. Куда бежит? Снова всё повторяется? Метались в голове бурей мысли и смятение, били в самое сердце.

Не сразу она услышала шаги позади себя, но успела скользнуть за ствол, да только теперь уже не спрячешься. Сначала она увидела приближающуюся могучую тень по земле, очертания которой становились всё явственнее, потом сапоги с серебряными бляшками, что сверкали в свете нарождающегося месяца. Взгляд скользнул выше, цепляясь за плат, что держал хан в руках, видно подобрал по пути. Мирина невольно коснулась волос. Подняла взгляд ещё выше, на грудь, увешанную амулетами, на сильную шею и подбородок, поросший короткой тёмной щетиной, напоролась на такие же тёмные глаза и невольно отвернулась. Задышала часто и глубоко. И как только хватает сил вынести это всё? Не увидела, но почувствовала, что Вихсар усмехнулся и как-то горько, надсадно вздохнул, будто у него самого не было желания терпеть это всё. Мирину затрясло.

— Не нужно так, Сугар.

— Я не Сугар, — резко повернулась она, — я княжна Мирина.

— Хорошо, пусть так, — к её удивлению, согласился он.

— Зачем ты сюда приехал?

— А разве не ясно?

Мирина сглотнула, выдерживая его твёрдый, непоколебимый, волевой взгляд. Такой взгляд ничем не сломишь, даже смерть не спугнёт, и Мирина поняла, что проиграла с самого начала, как только он нашёл её в лесу, теперь ей никогда не стать свободной.

— Ты не у себя в лагере. И увести ты меня не можешь, я воспротивлюсь, люди вступятся, — попыталась защититься, да только под его смеющимися глазами все слова стирались в прах и ничего не значили.

— Я не спрашиваю тебя, поедешь ты или нет, я приехал, чтобы забрать тебя.

— Нет.

Вихсар сделал шаг, оказываясь под кроной вместе с Мириной. От близости её затрясло сильнее, и мороз продрал спину, когда ощутила на щеке его горячее сухое дыхание, и запах терпкий ворвался, заполняя и вынуждая вцепиться в кору дерева.

— Тебе придётся, если желаешь своим родичам мира. Братья твои славные.

Сердце ухнуло куда-то в пропасть от его слов. Мирина сцепила зубы, смотря в чёрные омуты в серебряном свете кончиков ресниц. Такому плевать на всё, получит он своё если не миром, так кровью.

Вихсар улыбнулся ещё шире, видно почувствовав её смирение.

— Что же ты молчишь, ты теперь можешь выплеснуть на меня весь свой гнев, и я не причиню тебе вреда даже тогда, когда мы выйдем отсюда. Обещаю.

Княжна даже зубами скрипнула, так хотелось ей сказать, выплеснуть всё, но промолчала, зажмуриваясь. Это просто безумие какое-то. За что ей это всё!?

Он приблизился ещё, нависая горой, даже тень его, падающая от света месяца, давила.

— Выбирай, — сказал валгановский вождь, расправляя плат.

И Мирина явственно ощутила на своей шее льдистое Марино дыхание, пугающее, насмехающееся, жаждущее жертвы. Вот только почему она? Хотела бы знать. Валган всё понял без слов, взмахнул платом тяжёлым, покрывая голову княжне. Она будто в ледышку обратилась, в оцепенении наблюдая, как что-то металлически-жадное вспыхнуло в глазах его чёрных, как замерцали звёздные соцветия в их глубине так же, как у него над головой.

— Что ты им сказал?

— Пока ещё ничего.

— Я не поеду с тобой.

— Поедешь. Тебе удалось от меня сбежать, — сказал он приглушённо и вкрадчиво, — я бы должен тебя наказать за это, но не стану. И уж поверь, многое не стал делать из того, что ты действительно заслужила, — собрал он концы плата в кулаки, притягивая княжну к себе, склоняясь ещё ниже.

Мирина всё смотрела и проваливалась в глубину завораживающую, губительную, понимала, что опасную, но не в силах была даже пошевелиться, сознавая, что ничего не сможет сделать против его желания и нестигаемой воли.

— Убери от неё руки!

Мирина вздрогнула и отшатнулась от Вихсара, опомнившись разом, что тот стоит слишком близко к ней, а она, будто одурманенная, позволила. Под сенью деревьев мелькал Нечай, быстрым шагом приближался, грозно надвигаясь, того и гляди оголит оружие, которое разрешили Боги дать отроку, ставшему теперь мужчиной. Конечно, на Вихсара его слова никак не повлияли, стоял себе, как и прежде, никуда не двигаясь. По сравнению с опытным могучим воином Нечай волчонком казался, возжелавшим задиристо поиграть с опасным зверем, даже за рукоять меча схватился. Всё же на лице хана дёрнулись желваки. Хотя он никакого вида не подавал, но дерзости не потерпит, тем более от юнца, это Мирина ощутила кожей. Едва княжич приблизился, сестра бросилась к нему и охнула, когда о твердую, как сталь, грудь ударились, понимая насколько он возмужал. Нечай был напряжён весь до предела, в глазах лютый гнев закручивался вихрем, и смотрел он прямо, бесстрашно, ослеплённый гневом.

— Нечай, не нужно, — попыталась Мирина перехватить его внимание, но тот и бровью не повёл, держал взгляд крепко, и у княжны колени затряслись от страха, только представила, что с ним может сделать валгановский вождь.

— Иди в терем, Мирина, — твёрдо велел княжич.

— Нет! Нет, — зашептала она и увидела из-за спины его, как бежит, путаясь в подоле, княгиня, а за ней остальные женщины, среди которых была и Годимира, да лезть вперёд всех побоялась. Впрочем, что Световида тут сделает? Не позорить же сына, бросаясь к нему с мольбой не совершать глупости. Княгиня остановилась, побелевшая, как месяц на небе. Так и остолбенела, замерла в паре сажень с искажённым от ужаса лицом, понимая, что сделать может Вихсар с юнцом, едва ступившим на тропу воина.

Мирина повернулась, глянув на валгановского вождя, лицо которого было вовсе непроницаемым, что лёд на реке, и не предскажешь, каким будет следующий его шаг: накажет ли наглеца или пощадит, рассмеётся в лицо — этого княжна не представляла, она совершенно его не знала, хоть пробыла в плену долгие седмицы. Но от внимания не ускользнуло, как ладонь Вихсара легла на рукоять оружия, и Мирина содрогнулась вся от ужаса, что разнёсся по венам, остужая кровь. Сознавая, что может сейчас произойти, повернулась к брату.

— Я с ним поеду, Нечай, — вырвалось само собой, чтобы поскорее прекратить это безумие. За женщинами вышли уже и витязи Явлича, как бы только хуже они не сделали. И ком волнения дикого и тошноты к горлу подступил, но Мирина быстро проглотила слёзы, не позволяя себе показывать и доли сомнения в собственных словах.

Казалось, слова её подействовали только через время, пробились через толщу ярости, плечи юноши чуть опали. Он опустил взгляд на сестру, непонимающе уставившись на неё, лишь морозной коркой покрылись голубые глаза.

— С ним?

— Да, — кивнула твёрдо.

Черты Нечая, уже чёткие, но ещё не огрубевшие, стали резче вдруг, от чего накатила неуверенность, но Мирина быстро поборол её.

— Отец бы не одобрил, — ответил лишь брат, вперившись теперь в сестру, царапнув каким-то осуждением, что для неё хуже смерти было, но осуждение это тут же погасло в его глазах ясных, голубых, пылких и ещё совсем юных, сменившись растерянностью.

— Сын, оставь! — выкрикнула со своего места Световида, наблюдая за всем со стороны.

И как только хватало на то выдержки? Да всё же, видно, не в силах сдерживать страх за чадо любимое. Через наполнивший голову туман и тяжесть Мирина видела, как Нечай, плотно сжав губы и больше не сказав ни слова, отступил, скрывая в глазах непонимание и смятение, а может быть, и презрение. А ведь он за неё вступился, не побоялся, отец бы гордился. Нечай прошёл мимо матери, та, проводив его взглядом, сжала руки в кулаки, сдерживаясь, чтобы не броситься вслед, а потом резко повернулась к Мирине и посмотрела так люто и ненавистно, будто грудь стрелой пронизала.

— Завтра буду ждать тебя у главных ворот, — дёрнул к себе голос низкий Вихсара.

Княжна лишь поглядела на валгана через плечо, повела им зябко, пообещав себе в мыслях сбежать вновь, попытаться, хоть вернуться теперь и некуда, коли уже обещала себя ему перед родичами, всеми домочадцами. И, наверное, впервые ощутила она горькую, как полынь, ненависть и омерзение к себе же. Она отвела взор от Вихсара и пошла в сторону хоромин, не обращая ни на кого внимания. Только потом заметила, что за ней следовали Векула с Мечеславом. Им нужны были объяснения.

Мирина остановилась уже у построек теремных, обернулась, глянув на сурового, здоровенного, что гора, Векулу и пребывавшего в хмуrom недоумении Мечеслава.

— Возвращайтесь в Явлич, там вы нужнее.

— Дык как же... — вступился было Мечеслав.

— Передайте княжичам мою благодарность за все хлопоты, — Мирина запнулась, сглатывая слёзы, вставшие камнем в горле, и, дёрнув плечом, глянула на небо, на котором уж звёзды пропали и месяц — к дождю. — Холодает уже, доброй ночи, — сказала и пошла прочь, оставляя витязей во дворе под густеющим чернотой ночным небом.

Они ведь ехали сюда, не думая увидеть здесь валгановского вождя, как и Мирина не ждала того. Всего лишь на миг представила, что было бы с Нечаем, если бы позволила вступить, и мёртвой стужей окутало. Нет, не нужно никакой вражды, и войны не желает она ни для кого, крови напрасной. Права Световиды, лучше добровольно уйти, как бы горестно и больно от того ни было.

Мирина не помнила, как поднялась по лестнице, очнулась, когда следом за собой услышала быстрые шаги. Световида уж к ней спешила, взволнованная, бледная до серости. Княжна поспешила войти в горницу, чтобы разговор предстоящий никто более не услышал.

— Выйди, Евгастья, — попросила Мирина восторговшую от неожиданности девочку, сидевшую на лавке за веретеном. Та, как завидела княгиню в дверях, голову пригнула, опустила взор в пол и не поднимала, пока за дверь не выскользнула, что мышка юркая.

В свете лучин черты Световиды и вовсе были резкие, холодные, словно из льда вырубленные, а из глаз ярь обжигающая хлестала безжалостно, будто сухими вспышками молний, предвещающая лютое ненастье. И верно день этот сумасбродный не закончится никогда.

— Ну что, добила, чего хотела? — набросилась княгиня, едва только ушла чернавка.

— Не хотела! — попыталась защититься Мирина, отводя взгляд от разъярённой матери, следя из-под опущенных ресниц, как колыхнется огонь светца.

Но Световида вдруг бросилась к ней сама, схватила за плечи, потряхнула.

— Добром прошу, уходи с ним миром, — зашипела она сквозь зубы сдавленно, умоляюще. — Они братья тебе, пожалей! Он убьёт их, сожжёт детинец.

Мирина и дышать забыла, как, заморгала часто, не узнавая мачеху, а каждое сказанное ей слово будто клеймом отпечатывалось на душе, так невыносимо было слушать её мольбу и слова страшные. И след усталости и дикого напряжения отразился вдруг на лице женщины, в глазах, делая её намного старше. Груз неведенья видно мучил её не один день, и теперь это сказалось, едва она слабину дала. Видно давно валганы ожидают тут её, держа всех в надрыве, и княгиня вся как на иголках, теперь понятно её поведение отчуждённое, а после — безумство.

— Я пропаду с ним, если уйду, — вырвались само собой.

— Не пропала же до сих пор, расцвела только. Да и по нраву ты ему пришлась, сильно не обидит.

Слова словно ковшом горячей воды окатили с головы до ног, ударили в грудь, и рубцы на спине зачесались, напоминая о том, насколько ласково он её привечал у себя. Хоть понимала, за что получала наказание, да не могла этого терпеть, просто невозможно было. Никто никогда не обращался с ней так.

— Что ты такое выдумываешь?! — взъерилась Мирина от несправедливости, не веря своим ушам. Неужели совсем мачеха обезумела от отчаяния?

Но княгиня мимо ушей пропустила её крик, вырвавшийся из самой глубины души, усмехнулась, кривя блеклые губы.

— А то и говорю, он же за тобой приехал, просил отдать в жёны. А как смотрел на тебя! Слепая только не увидит, как жаждет он тебя, такое невозможно нарочно показать, женщину не проведёшь, бабье чутьё не обманешь. Ты верно глупая, что не замечаешь, какими глазами смотрит он на тебя. Да он влюблён просто в тебя без остатка. Любая девка мечтает, чтобы на неё смотрели так голодно, вожделенно.

— Замолчи! — шикнула Мирина, не в силах это слышать, накрывая уши, отказываясь воспринимать всё. — Не говори ничего. Не надо!

— Что, не хочешь?! — всхлипнула надрывно Световида, видя, что по самому живому бьёт, фыркнула зло, будто в отместку, будто только и ждала этого, терпя и копя в себе столько времени. — Да ты сама во всём виновата! И из-за тебя теперь страдают все! — резко выкрикнула она, и голубые глаза княгини потемнели до черноты, колыхнулись отблески огней от святцев, и мороз пробрал от вида её неузнаваемого. И ясное же дело, что мать за детей кровных заступаается, за свою плоть и кровь. Мирина, слыша, как бешено колотится сердце, ощутила, как душные слёзы обжигают щёки. В том, что Вихсар убьёт братьев, не сомневалась, и если это и есть любовь, то безумная, страшная, уродливая, ей такой не нужно, уж лучше ничего. Но то, что она виновата и наслала беду не только на своё семейство, но и на племя своё, ощутила явственно и остро.

— Если бы ты не спала с братом моего отца, ничего бы такого не случилось! — вырвались сами собой боль и обида, что копились, бродили в душе уж много дней, да только легче от того не стало.

Световида даже в лице изменилась, так и окаменела на месте, дрогнули её губы, а взгляд и вовсе опрокинулся в бездну ледяную.

— Много ли ты знаешь о жизни, чтобы судить, — только лишь сказала она.

И Мирина невольно отвела взгляд, укоряя себя за подобные слова.

— Да ты просто сама не любила никогда и хочешь, чтобы всё тебе на блюде преподносили. Не дождёшься! Да я даже не знаю, что валгановский вождь нашёл в тебе кроме того, что между ног у тебя.

Мирина вспыхнула, как сухой пух, что даже искры посыпались перед глазами, и вместе с тем стыд обжёг.

— А что ты так краснеешь? Будто девица невинная. Думаешь, я не догадываюсь ни о чём? Да с первого взгляда по тебе можно было прочесть, когда вернулась ты, что задрала подол ему. И надо же, вернулся, да не просто забрать, а невестой назвать своей?! — зло и с какой-то долей завистливости улыбнулась Световида. — А Вортислав... — княгиня замолкла, ища в себе силы успокоиться немного, вздохнула устало и задумчиво. — Вот и мне хотелось такого, чтобы не отрывал глаз, чтобы нужно было не то, что под юбками, чтобы не только телом, но и душой прикипел. А с каждым годом, когда красота увядает, жаждешь этого всё сильнее, как воды в засуху. Да что я тебе это всё говорю, — махнула она рукой и к двери шагнула, намереваясь прекратить этот бесполезный спор.

А Мирина так и осталась стоять посередине горницы, выпитая до суха, что даже и слёзы перестали жечь глаза, такое равнодушие, а вместе с тем отвращение от всего, что услышала, накатило.

— Это ты не понимаешь, что значит жить в неволе, — бросила она уже в спину мачехе. Световида остановилась, расправляя плечи, вытягивая шею, обернулась, и Мирина даже отшатнулась, испугавшись её вида.

— Ты всегда была гордячкой, и сейчас строишь из себя важную особу. Каждая баба знает, что мужикам нужна покладистость да ласка, и своё раздутое величие ты для другого дела побереги. Мужчины не любят проигрывать. И он не проиграет, не из таких. Любым путём добьётся своего, сломает рано или поздно. Да и забыла ты видно, что участь наша такая в роду правящем — не только о себе должна думать. Меня тоже выдавали, не спрашивая о том, хочу ли за него, — сказала Световида на одном выдохе и замолкла. Звонящая тишина тут же залила пустоту светлицы, заполняя всё, проникая внутрь. Ещё миг смотрели в глаза друг другу, и Мирина наблюдала, как перетекают тени по осунувшемуся лицу женщины, а потом Световида отвернулась, толкнула створку и вышла. Хотелось бить стены, сносить всё, кричать, бежать прочь ото всего этого безумия, но боль всё сильнее поглощала, утягивая на самое дно, выжимая все силы до капли. И не оставалось воли противостоять всему совершенно. Её всё ещё потряхивало от разговора. Взгляд затуманенный невольно упал вниз, зацепившись за ленту в косе, она, сжав зубы, зло дёрнула её, выплетая из волос, на пол бросила, растоптав яростно, и уже лежала та, запачканная вся грязью.

Глава 9

Огонь, за которым устроился на выстеленных по земле мехах валгановский вождь, гудел в ночной тишине, заливая всю глубину души своим живительным мягким биением, лился в самую сердцевину естества, исцеляя и наполняя до краёв. Хоть и холодной выдалась ночь, но валганы всё равно оставались под небом, не прятались в шатры, расселись возле костров, что развели вдоль покатога берега реки, едва ли не под стенами городища. Здесь с южной стороны, место тихое. На всём протяжении берега виднелись всего лишь пять изб, две из которых и вовсе были заброшены. Ушли ли хозяева ближе к посаду, ища надёжность и защиту, или же умерли все, то неизвестно. Глубокая полноводная река Иржа широким поясом извивалась меж покатых берегов, тонула в густеющим ночном мареве у самого окоёма, будто земля там обрывалась в пропасть. Вихсар долго думал над тем, почему местные так прозвали реку, она ничего ему не напоминала, таких рек было много, оплетали землю, как вены под кожей. А потом как-то, ещё зимой, когда он совершал второй свой поход по землям воличей, его отряд шёл через лес, спускаясь к берегу этой речушки. Не ожидая того, из заснеженной стыллой чащобы на дорогу вышел старец древний с длинной седой, будто инеем покрытой, густой бородой до самого пояса. Взгляд его глубокий говорил о высокой духовности, мудрости и жизненном опыте немалом. Лицо было изрезано морщинами, но плечи ещё казались крепкими. Одет был в шубу из волчьей шкуры, что скрывала до самых колен долговязый стан, стянутый туго широким поясом, на котором висели узелки да нож, на голове шапка, надвинутая на пронзительно-голубые глаза, такие молодые и твёрдые, как лёд. Старик направлялся как раз в ту же сторону, что и Вихсар с людьми, а потому оказался попутчиком. Он и рассказал, почему река имеет такое наречение.

Каждая черта в названии имеет определённое значение, — вещал мудрец. — Вот взять первую букву иже[1] [и], — старец начертал на снегу символ — две палочки подряд, — объединяет два берега, которые соединяются едва ли не у истока мостом, — прочертил он нить от вершины одной полосы до низа другой. Рьци [р] — сила, а что есть сила? Силой может быть и вода в русле, которая даёт, — он начертал следующий знак, — даёт Животь [ж] — жизнь нам детям, славящим светило, детям богов — азъ [а], — вырезал он в снегу последнюю букву.

Вихсар понял тогда, что не простой путник попался ему.

Сложная твоя наука, старик. Сложная и глубокая, — ответил тогда вождь.

Мудрец лишь глаза прищурил, добро и снисходительно усмехаясь в усы, будто учитель — своему ученику, который усвоил урок, а принять не желает. Так они просидели возле костра зимнего долго, беседа мирно, пока Вихсар не задремал, а как проснулся, не обнаружил старца в лагере своём. Этот лес и берега рек валган изъездил вдоль и поперёк, забредая туда, куда человеческая нога ещё и не ступала, зная каждую лошину да все озёра с их прозрачными водами, с чёрными глубинами, в которых, по поверьям воличан, живут духи. Возможно, он бы не верил в них, но порой стоило оказаться возле этих окрестностей гиблых, и накатывало помалу беспричинное беспокойство, сковывая неизвестностью, страхом перед тем невидимым,

не явным глазу и несомненно опасным, вынуждая сердце биться чаще, разгоняя толчками кровь по венам. Вихсар старался объезжать те места стороной.

Ещё долго вождь вспоминал слова того старца и вспоминает, когда оказывается на берегах этой ничем не примечательной реки, но несущей, наверное, самую глубокую тайну. И каждая ложбина, каждый поворот, каждая прогалина в лесу и пустеющая гать несут в себе тайну, готовую вот-вот раскрыться, и каждый раз едва истина покажется, ответ ускользает. И вот так и Сугар стала для него, как эта река Иржа, сложная и глубокая, дающая силы ровно настолько, насколько способная и погубить. И он действительно тонул. Будто на груди висел камень, нещадно тянувший его на самое дно. Она вынудила его приехать сюда, и он жертвовал всем: свои времена, силой, жизнью, в конце концов. Он усмехнулся самому себе, глядя на ровную тихую гладь воды, будто зеркало отражавшую ночное звёздное небо. Так и Сугар отражала его, показывая ему же, какой он жестокий, безжалостный и беспощадный. И Вихсар зверел от этого. Ему не наревелось то, что видел, не нравилось своё отражение в её глазах. Правда, которую он в них видел, клинком врезалась в грудь, распарывая, оставляя жгучий след боли. Мудр урок лесного старика, что и за десять жизней не разгадаешь. И кто она, княжна из Ровицы, рождённая на берегу Иржи, спасение или погибель?

Вихсар, оторвав взор от глади, лёг на спину, глядяваясь сквозь занавес дыма в звёздное небо. Громко стрекотали сверчки, вливаясь в тихую речь воинов, а со стороны леса, что раскидывался чуть позади их временного становища, тянулось с мочажин лягушачье гудение.

Огонь, тлеющий рядом, был очень мягким, густым, как воск, перетекал от лица к плечу и бедру, вновь возвращаясь тягучей волной к шее, даже не жёг, ласкал теплом лицо, сушил губы и обволакивал приглушённым светом рядом воздвигнутый шатёр. Но взор Вихсара был устремлён ввысь, в глубокие холодные недра неба, и видел он только одно перед собой — голубые икрящиеся животельной силой глаза княжны, что была сейчас за двумя рядами стен, теперь так близко и далеко одновременно. Он не сомневался, что она выйдет к нему, едва светилло покажет край из-за окоёма. Она слишком любит свою семью, слишком честная, доверчивая, сегодня он видел её именно такой, она открыла ту свою сторону души которую он так вожделел и так грубо раскрывал, словно завязавшийся бутон в нетерпеливых руках юнца, жаждущий увидеть сердце цветка, вдохнуть полной грудью его запах. Но под лепестками оказались шипы, и он каждый раз напарывался на них, пытаясь сдёрнуть очередной лепесток, и страшно злился, что не может никак добиться своего, получить то, что у него в руках, и насладиться сполна красотой, терпя вновь и вновь поражение. Он пытался наказывать цветок, давая ему мало солнца, мало воздуха, мало тепла, и цветок вял в его руках, становясь не таким колючим, и это давало ему временную победу — подержать его в руках, толику того, чего он желал, хоть и самого после воротило с души от этого. Но не мог ничего с собой поделаться, он привык быть первым, привык получать то, чего хочет, без всяких колебаний. А она столько разных противоречивых чувств в нём порождала за один короткий взгляд, сколько он не испытывал за годы. Ему хотелось и сломать её за непокорность, упрямство, неприступность, и сей же миг приласкать, до дрожи, до ломоты в костях, до боли в груди. Она была в его руках горлинкой трепетной, хрупкой, так и хотелось её раздавить и отпустить одновременно. И это бешенное колебание доводило его до безумия. Довела. Уже.

Он пришёл сюда за ней, за своей пленницей, пришёл просить у её родичей отдать её в жёны. Он и в самом деле свихнулся — какую досаду испытал, когда увидел в её глазах страх и омерзение, обращённое к нему. Оно ударило в грудь, как молотом, перебивая дыхание.

Вихсар знал, что сделает с ней, когда привезёт её в лагерь, он думал об этом всю долгую дорогу сюда. Знал, как. Днями и ночами, пока он был в пути, изъедала ревность и бешенство от того, что она в чужих руках, а он вынужден ждать её тут. Он вообще никогда ничего не ждал долго, а тут день за днём как одна вечность, сменяющаяся другой, и это выматывало, изнуряло ещё больше, выжимало все соки, оставляя сухое колючее раздражение, нетерпение и гнев, воспаляя сознание, обращая его в жар, и горел валгал, как костёр. И эти долгие разговоры с княгиней, этой высокомерной стервой, которая смотрела на него удивлённо и в то же время насмешливо, когда объявил он о своём намерении сделать княжну Мирину своей женой. И видит великий Бог Неба, если бы не сковывающее обещание поддерживать мирные отношения, он бы преподнёс урок этой чванливой потаскухе, после которого раз и навсегда исчезла бы эта едкая ухмылка с её бледного, как крылья моли, хоть и красивого, лица.

Проклятые условности делающие из людей тряпками!

Он лежал, раскинувшись на шкурах, неподвижно, устремив взор ввысь, раз за разом вспоминая её взгляд. Стоило ему приблизиться, как синева её глаз сгустилась в узор теней, падающих от крон яблонь, и ему показалось, будто несётся он сломя голову к самой бездне, надеясь перемахнуть через неё, но замирает у самого края. Внутри всё взорвалось от слепой ярости — она, Сугар, стала непосильной пропастью для него, для Вихсара хана Бивсар! Это маленькая птишка сумела сбить его с ног, вынуждая делать то, что осудили бы его братья и праотцы. Впервые в жизни он испытывает внутри себя такое противоречие, такой накал и смятение, только она смогла так высоко поднять его над землёй и опрокинуть в самую сердцевину огненного жерла.

Рука Вихсара скользнула на грудь, привычно пальцы нащупали железный оберег, сжали холодный, но мгновенно согревшийся в ладони. Он выдохнул. Если она не выйдет, он сядет в седло и ворвётся в детинец, заберёт то, что принадлежит ему. Только ему! И увезёт далеко, в ту глушь, где не было ещё человека, стащит на землю и возьмёт. Вихсар надсадно вздохнул, ощущая всем естеством, как погружается в неё, в её тёплое лоно, принимающее его целиком, прорываясь и вздымаясь ввысь, к самой вершине. И явственно слышал за множеством звуков у самого уха голос Мирины, срывающийся в стон, проникающий вглубь, заполняющий собой всего его. Вихсар вздрогнул, ощущая, как невольно закипает кровь, ударяет в пах. Ей придётся остаться с ним, иначе... Другого исхода просто не может быть! Ему нет никого прока убивать её братьев. Подумав об отпрысках князя Родонегга, хан вспомнил, с какой жадностью и ревностью он наблюдал, как она касается юнца, своего брата, как успокаивает. А его, Вихсара, косит ярость от того, что её прикосновения и ласковые взгляды обращены не к нему, едва он сдержал себя, чтобы не вырвать её у него. Только его, Вихсара, должна княжна касаться и никого больше! Сожжёт тут всё к сучьей матери, если она не поедет с ним, вытащит её из детинца, а потом сожжёт его. Если она попытается сбежать, здесь не останется ничего, только груды пепла.

Легко и одновременно непросто было заставить её делать то, что он хотел, легко и одновременно непросто подчинял себе и вынуждал исполнять его желания. Теперь ему придётся кое-что изменить, теперь гораздо сложнее будет сдерживать себя и поступать иначе, как никогда раньше не поступал, не так, как он привык. Он уже идёт на уступки, притаившись сюда! Думал ли когда-либо, что все его условия сгорят синим пламенем? Плевать! Он позволит ей почувствовать себя рядом с ним богиней, позволит расправить крылья, как говорил княжич Явлича, и она получит это всё при одном условии — что станет его женой. Вихсар сжал кулаки, едва ли не простонав в голос.

Проклятье!

Запустил пальцы в волосы. От одной мысли, что она будет сопротивляться, что ничего у него не выйдет, вскипала кровь, ведь она уже ненавидит его, и он явственно это ощутил на своей шкуре ещё совсем недавно, там, в стенах этой темницы, в которую она так упрямо стремилась попасть. Она вправе принимать его за дикаря, за зверя, да он и был именно таким, всегда! Его знали таким все люди племени, умные уважали, глупые боялись. Женщины ползали перед ним на коленях в страхе, хоть и лъстиво улыбались, пряча свои жалкие алчные душонки, раздвигали ноги перед ним без всяких колебаний, чтобы получить от него подарки, блудливые суки. И однако же всё прошло славно. Вихсар усмехнулся, отрывая взор от неба, поворачивая лицо к костру, закрыл глаза. Огненные пятна запрыгали перед глазами, и вскоре все мышцы расслабились, уснул быстро. На свежем воздухе, под открытым небом сон всегда приходит быстро. И видел он широкие степи, усыпанные алыми маками на изумрудной траве, над бескрайними, уходящими в туманное марево просторами нависало грозное небо, готовое вот-вот исторгнуть ливень. Алые соцветия разливались по холмам, будто кровь, перетекали волнами, будоражили, притягивали взгляд. Он не сразу понял, что оказался на кургане среди каменных истуканов. Будто зубья в пасти огромного волка, они, осклаившись, торчали из земли, вырастая перед ханом грозными глыбами. Он почуял давящий на грудь запах дыма и чего-то палёного, и в животе завязался тошнотворный узел, когда учуял, что это гарь плоти. Оказалось, чуть дальше от него, в нескольких саженьях, вздымаются оранжевыми всполохами погребальный костёр, столб чёрного дыма уходит в расплывшееся свиным брюхом небо. Охватило смятение. Вихсар врос в землю, ощущая, как ветерок холодит кожу, треплет пряди волос, которые щекочут за воротом шеи. Ещё мгновение он колебался — походить или нет? Кого он там увидит? Но что-то с невообразимой силой тянуло его сделать шаг, и он сделал,

приближаясь к кострищу. Опаляющий жар сухо пахнул в лицо, застревая в горле. На костре лежал он, в этом Вихсар уверился — узнал себя не по облику, который мутился в глазах от накатывающего дыма, а каким-то внутренним чутьём. Огонь голодно оглаживал кожу, которая уже расплзалась ошмётками на руках, шее, лице.

— Хан, — выдернул чей-то голос из небытия. — Вихсар.

Он открыл глаза, намереваясь проучить того, кто посмел нарушить хоть и скверный, но всё же сон, из которого выходил он явно тяжело. Рядом сидел на корточках Угдэй, залитый предутренним светом. Батыр хмурил тёмные брови, с беспокойством смотрел на вождя.

— Солнце скоро взойдёт, — предупредил воин, поднимаясь во весь свой могучий рост.

Вихсар, проследив за ним сонным ещё взглядом, откинулся обратно на шкуру, дыша ровно и глубоко, вбирая свежий, пропитанный росой и травами воздух. Остатки сна сходили всё же медленно, липли, подкидывая хоть и растворяющиеся в утре, но ещё яркие обрывки видения. Скверный сон. Не радовал вовсе. Но стоило подумать о княжне, как кровь побежала по венам быстрее, поднимая дух и бодрость. Сегодня она окажется в его руках. И он уже представлял, что будет делать с ней. Нет, не сегодня. Понял вдруг, что не будет слишком изматывать княжну. Сегодня он позволит ей отдохнуть, возможно, и завтра, слишком много потрясений, как бы не сотворила чего лишнего. Но потом... Вихсар вспыхнул вот так легко, мгновенно, от одной мысли, что будет потом. Он исследует каждый уголок её стройного, сочного тела, побывает там, где ещё не был до сих пор, теперь он жаждет обладать ею всей, оставить свой след везде, удовлетвориться тем, что она вся его. Вихсар резко выдохнул, сел, протянув руку к углям, почувствовал на ладони ещё не ослабший жар — остатки сна окончательно догорели.

Угдэй уже собирал припасы в стороне, в последнее время он не совсем доволен был решениями вождя, но молчал, стиснув зубы, ждал, что из всего этого выйдет. И верно мало хорошего, но Вихсар никогда не заходил в будущее так далеко. Жизнь воина, а согбенно жизнь вождя, и не такая уж длинная, чтобы тратить время на размышления о будущем. Главное — исполнить долг перед родом, успеть сделать что-то полезное для семьи, чтобы передать свою власть, жить достойно в глазах родичей и в своих, умереть с честью. И родить потомство, чтобы передать своё наследство. Вихсара вдруг заняла эта мысль. Он бы хотел, чтобы Сугар родила ему детей. Это желание стрелой пронизало его. Вихсар подхватил плащ, накиннул на плечи. Завязал ворот — утро сегодня холодное, до кости пробирало. А внутри желание новое воспламенило костром, дразня и притягивая ещё больше. Отец будет против такого, да не только он, а все: братья, деды. Вихсар пришёл в оцепенение — впервые осмелился идти против устоев рода. Он ещё мог поспорить с отцом и сделать всё по-своему, но идти против канонов племени не решился бы ни один вождь, брать на свою голову проклятия. Рано или поздно, а точнее уже скоро, отец озаботится тем. И Вихсару придётся взять ещё одну жену, уже из своего клана. Собрались и взнуздали жеребцов споро, ещё стояла сумрачная мгла, а по берегам реки стелился туман, как бороды старцев. Надвигаясь на становище, будто почуяв их уход, он полз стремительно, и едва поднялись в сёдла, мутные его кудели с жадностью поглотили уже остывшие костры. Вихсар, легко прыгнув в седло, ударив пятками жеребца, пустил по высокой траве, направляя к крепостным стенам, буряющим в рассветных лучах восходящего, но ещё не появившегося на окоёме солнца.

Угдэй то и дело бросал на хана тревожные взгляды — опасался безрассудства, если не выйдет княжна. Тот и сам не знал, что ожидать от себя, если... Никаких «если»! Отринул прочь, задушив, как змею, любые сомнения. Если даже не выйдет, то он найдёт способ заставить Сугар! Да у княжны воличей и нет выбора, он забрал его у неё уже давно. Она принадлежит ему.

Окружение растворилось, как и дикое напряжение в теле, всадники почти достигли места, где с княгиней условились встретиться, поднялись на взгорок, недобирая ещё дюжину сажень до тонувшего в сонном мареве посада, и открылся перед ним высокий холм, поросший полынью и белыми соцветиями тысячелистника. На нём уже ждали пятеро кметей, а среди них женская фигурка, от вида которой всё внутри Вихсара онемело. Бурый плат, перехваченный вокруг головы широкой повязкой, выхватили первые рассветные лучи, потянувшиеся из-за горизонта, ударили по глазам, невольно всколыхнув в нём воспоминания об увиденном во сне маковом поле. Вихсар сбросил с плеч поднявшее по спине оцепенение, ударил бока ещё яростней, пуская коня вперёд, обгоняя воинов, подавая им знак ждать его здесь, в отдалении и быть готовыми к атаке,

если их подстерегает засада. Угдэй было вырвался вперёд, но Вихсар жёстким взглядом остановил его. Батыр тут же исполнил немой приказ, сжав терпеливо челюсти. Княжна тоже не стала тянуть мучительные мгновения расставания, робко тронула кобылу пятками, пуская её по склону, то и дело, оборачиваясь на кметей, которые хмурыми потемневшими взорами провожали её, всматриваясь в оставшихся стоять поодаль чужаков. И что-то вдруг тяжёлое надавило на грудь, когда наблюдал за этой хрупкой девушкой, за её потерянными и испуганными взглядом, что напомнил ту первую их встречу. И всё же стараясь держать себя, княжна смотрела прямо на неспешно приближающегося всадника. Её глаза, когда он поравнялся с ней, накрывая тенью, распахнулись шире, утянули его в голубой холодный омут целиком, увлакивая, будь он проклят Великим Тэнгри, в недра глубин. Нет, Вихсар ещё ни разу в жизни не видел столь красивых и выразительных глаз. Немало усилий пришлось приложить, чтобы не охватить её лицо, не прижать её к себе и не погрузиться в эти губительно-ледяные просторы.

— Доброго утра, княжна, — разорвал он ветреную тишину.

— Я не буду желать тебе того же, — сказала она глухо, и розовые губы упруго сжались, не собираясь отвечать лаской на его пожелание.

Вихсар напряжённо дёрнул кадыком, сглатывая. Сейчас он бы мог заставить ответить ему — пронизать её волосы пальцами, запрокинуть голову и жадно впиться в эти губы, желая вкусить их сладость. Эти губы — самое порочное искушение, которое он когда-либо испытывал, он помнил их тепло у себя между бёдер, он истосковался по их робкой ласке. Желание кольнуло настолько остро, что дыхание сбилось, а по телу хлынул жар возбуждения — слишком близко она была сейчас, чтобы устоять. Сугар прочла в его скользком по ней взоре это желание, тонкие черты её лица заострились, она почуяла вместо влечения опасность и продолжала упрямо молчать, смотря с вызовом и как-то свысока. Ему это не понравилось, но вдруг в синих глазах всплеснула какая-то отчаянная и безысходная злость и обида, а ещё непонимание. Неожиданно он испытал к самому себе такое же омерзение, с каким она вчера за столом смотрела на него за то, что против воли он вырывает её из отчего дома и увозит неизвестно куда. Горько усмехнулся про себя — не думал, что настолько переменчивыми окажутся его желания, хотелось и проучить её, и пожалеть одновременно, хотя и обещал себе оставлять голову в холоде.

И всё же гордая птичка не плачет — скверно, уж лучше бы плакала, женские слёзы вызывают в нём гнев, тогда в нём бы погасли все чувства кроме одного — хладнокровия. Сугар вдруг резко выдохнула, осознавая, что он не изменит своего решения, дёрнула подбородком, уводя взор, блеснули на миг застывшие слезинки в уголках глаз, и она потянула повод, вынуждая лошадь шагать вперёд.

Вихсар с плавностью рыси двинулся следом за ней, обгоняя — женщина не должна следовать вперёд своего хозяина. Он хан, а она — будущая жена, ко всему, непокорная.

Примкнув к остальной части лагеря, уже с обозами, в которые погружены были шатры и остальные припасы, отряд двигался теперь не так быстро. Потому ехали от Ровицы полдня, не останавливаясь. С каждой саженью луга, где не паслись уже ни стада коров, ни табуны лошадей, густела трава, поднималась в высоту и вскоре уже хлестала брюхо жеребцам. И каждый ждал погони или ловушки за тем или очередным холмом, ждал, что появятся княжеские кмети, которые попытаются разбить отряд, не такой уж и большой, всего с две дюжины лучников. Угдэй всё водил глазами по просторам напряжённо. Вихсар же был уверен, что никто не осмелится препятствовать ему, знал из разговора с княгиней. Надо сказать, весть о том, что её падчерица жива и здорова, не совсем её осчастливила, хотя вздох облегчения всё же был. Появление валганов у ворот детинца ошеломило княгиню Световиду, но вида, что сильно напугана, она не показала. Оставшись без мужа и опоры да с малолетними наследниками, она, конечно, боялась, и этот страх повлиял на её решение отдать княжну за хана. А Вихсар, не скрывая, воспользовался этим.

Если валганов не схватили ещё в стенах, то теперь ждать подвоха — пустая трата сил. А они ещё понадобятся, предстояла долгая дорога до реки Вель, а там ещё ждать возвращения посланцев, которых он отправил лишь для того, чтобы пустить пыль в глаза и затем, чтобы княжичи знали, какое нанесли оскорбление, и думали теперь над тем.

Дорога была свободной и лёгкой. После обеда вовсе разморило от поднявшейся духоты, даже угрюмый Угдэй, разомлевший от душного аромата трав, расслабился, покачиваясь в седле, и

взгляд его сбросил излишнюю хмарь. А вот небо, напротив, вдруг затянуло облаками ещё плотнее, поглощая солнце, и в какой-то миг тучи грозно вздулись, выросшие прямо на глазах, разбухли, будто тесто. Потемнело кругом — того и гляди ливень хлынет. А вскоре и заворочались в утробе неба пока ещё глухие раскаты грома. Отряд успел дойти по опушке леса, и стоило погрузиться в чащобу, как первые капли ударили по скуле Вихсара, потекли холодной струйкой за ворот. Он поёжился от прокатившегося по спине холодка. Чуть обернулся, глянув на княжну. Тихая, спокойная, она не привлекала излишнего внимания ни разу за целый путь, сносая смиренно тяжёлый переход через луга, но глаза всё равно искали её, и стоило встретиться с ней взглядом, как загоралось всё внутри, и кровь бешено бежала по жилам от осознания того, что она теперь принадлежит ему. Целиком. Вся его.

Ливень пока не спешил обрушиваться, будто ждал, когда воины поставят навесы и разожгут под ними костры. Раскинули только пару шатров, больше и не уместилось среди толстых старых елей и древних, покрывшихся плешинами мха, высотой в рост человека скал. Мирина сразу скрылась в одном из них и не показывалась наружу. Конечно, он не мог оставить её совсем без присмотра и потому заранее позаботился, дав приказ своим людям приглядывать за ней: мало ли, может попытаться и сбежать вновь. Теперь он будет смотреть за ней с особым тщанием и не позволит больше ускользнуть.

Стало совсем хмуро и серо кругом. Где-то над головой, над самыми макушками сосен, гулял ветер, вороша тяжёлые хвойные лапы, а потом, как бы в отместку за ожидание, поднялся ураган, принося с собой влажный грозовой воздух. Густые кроны не пропускали его, буря свирепствовала в вышине, качая деревья, и те под гнётом её постанывали, скрипели, где-то обламывались и падали старые ветки.

Вихсар отдал распоряжения воинам, распределив каждому их обязанности: кому в дозор, кому следить за кострами, и отправился к огню, горевшему во всю мощь под одним из смастерённых Угдзем укрытий. Невольно всё бросал взгляды в сторону шатра, где схоронилась Мирина. Наверное, ей там страшно одной. Хотя, зная её нрав, вряд девушку может испугать шторм. А не выходит, потому что не желает его видеть. Вихсар опустился на подстилку рядом с костром, утомлённо, хоть он и не чувствовал усталости в мышцах, откинулся на поваленный и облупленный лосями ствол дерева, уставился на уже закипевшие во всю котлы. Тимин — юноша двенадцати зим, которого взял он с собой помощником, поторопился засыпать в бурлящую воду пряностей разных да трав, и вскоре по становищу и всему лесу разлился ароматный запах варёного вяленого мяса, такого наваристого, что могло приманить и опасного зверя. Хотя в такую непогоду верно уже по норам спрятались и самые лютые хищники, должны были почуять близкий ливень. Подняв голову, Вихсар разглядел через прорехи густого елового полога тянущиеся медленно тучи, изредка ронявшие редкие крупные капли. Но ливень будет — Вихсар чуял.

Мирина так и не выходила, даже когда еда была уже приготовлена. Вихсар насторожился, послав Тимина за ней. Отрок веление исполнил быстро и вскоре вернулся с ответом.

— Говорит, что не голодна.

Хан так гневно сузил глаза, что Тимин потупил взгляд и отошёл быстро. Ну что ж, если хочет, пусть, он даст ей время. Хотя, это была не самая лучшая затея. Мысли о том, что она там одна, в тепле и сухости, завернутая в шкуры, вновь вызвали острое, куда более сильное желание, которое скрутило его до такой степени, что заныло в паху. Может, катись оно всё, вторгнуться внутрь, сгрести её в охапку, стиснуть в объятиях, сдёрнуть одежду да прижать к себе, почувствовать её тело своим, вдавить в постель, неистово взять под нарастающий шум ветра и грохот дождя. Его аж в дрожь бросило и жаром окатило от одного лишь представления. Резко оттолкнувшись от дерева, Вихсар встал. Быстро стянул сапоги, принялся растягивать налатник. Угдэй, который управлялся с приготовлениями к ночлегу и возвращался к своему хозяину, аж вытянулся в недоумении, что же вождь задумал. Вихсар снова глянул в сторону палатки, смял кулаки до хруста, шагнул в сторону леса, на ходу выдергивая из ствола топор.

— Куда ты? — окликнул Угдэй, поворачиваясь.

— Останься тут, — велел вождь, развернулся и пошёл вглубь чащобы.

Топор так и мелькал лезвием, Вихсар мог бы повалить целое дерево за один раз, взмахивая вновь и вновь, рубя с деревьев сучья. Накопившее напряжение нужно было куда-то выпустить, да и с пользой заодно. Он остановился не скоро. А когда нарубил ветвей больше, чем достаточно на всю ночь, сунул топор за пояс, переведя дух, ощущая, как ноют и горят мышцы

на спине, плечах, руках. Страшно хотелось пить. И дождя, как назло, всё не было — теперь он его жаждал. Он успел собрать всё, что нарубил, и донести до становища, сложить под навес, когда хлынул ливень с такой мощью, что оглушил даже. Непроницаемая серая стена поглотила всё вокруг. Хан откинул топор и шагнул из-под навеса под тугие холодные струи. Огромные капли горошинами забарабанили по плечам и спине, шёлковая рубаша вмиг стала мокрой, прилипла к телу, с взмокших волос заструились за ворот дождевые ручейки, и стало намного легче, даже внутри всё замерло от пробравшей до костей бодрости. Он запрокинул голову, подставляя лицо ледяным струям, ливень окатывал, смывая усталость и злость, оглаживал кожу, расслаблял. Теперь Вихсар был весь до нитки мокрым. Тряхнул головой сбрасывая капли, откинул назад мокрые волосы, сквозь мутную пелену разглядел тревожно наблюдавшего за ним батыра.

Угдэй сидящий, как медведь в берлоге, под укрытием, завернувшись в плащ — никак замёрз? — только головой качал, ёжась. Вихсару же было жарко, он горел изнутри, тлел, и ни рубка сучьев, ни холодный дождь не угомонили этот пожар внутри него. Нет, точно обезумел. Так нельзя. Он не может свихнуться из-за неё. Нельзя допустить, чтобы она проникла в него слишком глубоко. Хотя верно поздно о том думать, она заполнила голову, сердце, и он её хотел, остро.

Постояв немного, пока дождь не убавил в силе, хан зашагал к кострищу под навес. Шаг его сбился, когда взгляд зацепился за приоткрытую кошму, из-за которой осторожно выглядывала Мирина. Но стоило ей заметить его, она резко задёрнула полог. Он, оставив свою изначальную цель присоединиться к батыру да разделить хлеб, направился к шатру, позабыв обо всём. Он был хозяином и он имел право утвердить своё положение, но он помнил о том, что не коснётся её сейчас. Только заглянет в омуты её глаз и услышит её голос, запах, особенно запах, вдохнёт его. Ко всему он хотел выяснить, касался ли её другой мужчина, пока она была вдали от него. Хотя Вихсар не был уверен, что это нужно ему знать именно сейчас, ведь его просто разорвёт от ревности. И тогда уж точно не сдержится, обязательно возжелает непременно утвердить себя в ней. Конечно, ничего она ему не расскажет, но Вихсар почует это по запаху, по взгляду. Тогда, в саду, он не ощутил ничего подобного, но в тот миг Сугар была слишком взволнована, и это сбивало.

Вождь резко отдернул полог и, пригнув голову, бесшумно и уверенно вошёл внутрь. В шатре было сухо и тепло, пахло еловой смолой, тлел очаг, который выложили из камней прямо посередине, пусть небольшой, но грел ощутимо, обливая стены бурым светом. Мирина Вихсар нашёл стоящей у занавеса, что отделял часть укрытия, где и поставили лежанку для сна. Невольно задержал дыхание, окидывая всю её взглядом. Голова девушки теперь была не покрыта, волосы строго собраны в косу, одета всё в то же платье цвета дыма, которое только подчёркивало глубину и яркость глаз. Как осколок льдин, они вонзились в вошедшего мужчину и не выражали ничего, совершенно. Вихсар столкнулся с твёрдым безразличием, а сама она была будто высечена из льда, непреклонная, прямая, но уже не напуганная. Что-то в ней изменилось. Он ещё несколько мгновений рассматривал её тонкие черты лица, скользая взглядом по стройному стану, ощущая, как желание нарастает в нём, опускаясь к бёдрам, заставляя тяжело дышать. Вихсар качнулся вперёд, Мирина шагнула назад, этот жест вынудил его замереть на месте.

— Тебе придётся смириться. Теперь ты моя полностью.

— Дай мне время, — бросила она холодно в ответ.

Вихсар ухмыльнулся, обращая взгляд на костёр, слыша, как всё ещё стучит по кровле и листве дождь, кажется, снова припускаясь быстрее. Оказалось мало просто слов и взглядов, а липшую к коже рубашу дико хотелось сдёрнуть с себя. Он вернул взгляд на Мирина, и та вздрогнула, видно увидела что-то в его взгляде, поняв его по-своему, и это только толкнуло его вперёд. Не так уж в шатре было просторно, два шага — и вот он уже навис над ней. Мирина не дёрнулась, не отпрянула, стояла спокойная и неподвижная, как вода в пруду. С его волос всё ещё стекали капли, падали ей на плечи, на грудь. На самом доньшке её глаз трепетали отсветы от очага, затаилось ожидание. Хотелось бы ему залезть в эту головку и узнать, о чём она думает, что чувствует к нему. Неужели только ненависть? Не верилось.

— Как только мы вернёмся в лагерь, ты станешь моей женой, — прошептал он под шуршание дождя.

Губы Сугар, налитые, мягкие, раскрылись, но княжна только выдохнула, видно не зная, что и ответить. Только ему не нужны были слова, ему нужно было напиться поцелуем немедленно. Он знал, что язык тела — переплетение пальцев, движение бёдер, прикосновение ладоней и соитие — понятней и искренней всяких слов. Если она хочет выплеснуть на него весь свой гнев и ненависть, пусть сделает это в постели. И насколько Мирина искренна, он прекрасно знал и жаждал этого всем естеством. Он до одури хотел припасть к этим влажным губам немедленно, но тогда уже точно не остановится, и с каждым утекающим мигом это желание обострялось, оголялось. Он чувствовал в такой близости жар её тела, видел, как вздымается и опускается в неровном дыхании её грудь, слышал тонкий запах, который вызывал в нём лишь необоримое дикое возбуждение. Тканевые стены шатра тронулись с места, поплыли куда-то вместе с огнём. Лучше бы он сюда не заглядывал. Он протянул руку, осторожно касаясь кончиками пальцев её шеи, чуть погладил, склоняясь к её губам, плотно сжатым, но это ненадолго. Он чувствовал её напряжение, скованность — знакомые, он к тому привык. Она даже не воспротивилась, когда он сжал её полную грудь, чуть сдавил. Грубости совсем не требовалось, Сугар позволяла свободно касаться себя. Что-то заставило его, он посмотрел ей глаза, и внутри всё упало — слишком потерянной и несчастной она выглядела сейчас, все тяготы минувших событий отразились в этот миг в её голубых глазах.

Вихсара затрясло изнутри, он зло сжал зубы, отвернул лицо, вновь бросая взор на очаг. Сдавлив пальцы в кулаки до хруста, он развернулся и вышел так же стремительно, как и зашёл, нырнул снова под прохладную морось, совсем теперь неприятную. Снаружи уже значительно потемнело. Нет, он не мог овладеть ей сейчас. Совершенно сбитый с толку, он ещё никогда не видел её такой надломленной. Борьба и гнев искрились в её глазах, а ещё ненависть и омерзение, но чтобы вот такая ранимость... Это расшатало его окончательно, и на короткий миг даже дыхание оборвалось, настолько её боль проникла в сердце, он ощущал её, как свою собственную. Вихсар поднял руки, быстро сдёргивая с себя мокрую рубаху, перекинул через плечо и зашагал к костру, решая окончательно оставить на сегодня свою бывшую пленницу в покое.

[1] Иже, Ръци, Животь, Азь — древнеславянские буквы.

Глава 10

Арьян неподвижно смотрел вперёд, через весь длинный стол, тянувшийся посередине гридницы, уходящий вглубь теней. Его взгляд задерживался на той границе, где тусклый свет от факелов, закреплённых в держателях, и начинался сумрак. Огонь не отпускал. Он поглощал, забирая его всего в неподвижную глубину. Арьян невнятно слышал голоса бояр, гудящие, как в трубу, выделял из них изредка раздающийся низкий голос отца, который как бы отпечатывался в нём, как след на снегу. Холодный и неживой. Князь после разговоров с валганами выглядел бодро: пропала пресыщенность и пустота во взоре, он как крепкий дуб, напившийся корнями влаги — теперь не сломить. Арьян отвёл взор от глубины теней, глянул на стол и наткнулся на руки отца, крепкие, сильные, с извилистыми вздутыми венами, оплетавшими кулаки, их перекрывали старые раны, полученные в битвах, что зарубцевались давно и зияли буроватыми полосами. Арьян привык их видеть, но почему-то всё время задерживал на них взгляд, как и сейчас. Княжич поднял глаза. По левую сторону от его отца сидел Радьяр, сосредоточенный и хмурый, по правую восседал едва ли не на два места широкогрудый старейшина Вяз в лисьей шубе, накинутой на плечи. Широкие щедрые ладони мужа покоились на столе. Вяз был добросовестным и справедливым, отец его держал всегда рядом. Остальные старейшины расселись вдоль стола, важные, мрачные и озадаченные. Настороженно и пытливо наблюдали за теми, кто сидел по другую сторону стола, с кем разделяли ныне трапезу по случаю отбытия валгановской ватаги.

Посланцы хана приняли приглашение разделить братину, выказывая почтение, не взирая на имевшиеся к князю претензии. Найир был за главного среди их братии, что въехала в детинец ещё седмицу назад. Лицо батыра, словно из бронзы высеченное, было загорелым до лоска, карие, как у всех валганов, глаза, ястребиные и удушливые, под чёрными бровями, смотрели

остро, недоброжелательно, но сдержанно, терпеливо. На голове его красовалась войлочная шапка, отороченная мехом, из-под которой падали на плечи чёрные, как дёготь, волосы, сплетённые в косицы. Плечи покрывали широкие листы кожи, с подшитыми к ним тонкими металлическими пластинками, что, как рыба чешуя, блестели в отсветах огней, делая воина ещё могучее. Не стали даже за столом разоружаться, остерегались. Рядом его советник Тимиркай. Этот отличался тем, что был жилистей своего соплеменника, тонкие усы спадали по обе стороны весьма твёрдого подбородка, очерчивая жёсткие тонкие губы, вытянувшиеся ниткой в прямую линию, показывающие нестигаемый нрав. Впрочем, эта черта была присуща всем мужчинам этих кровей. Они сидели в окружении свои батыров, которые не отходили никуда, охраняя зорко. Видно, это были самые доверенные и сноровистые, остальная, большая, часть сопровождения осталась в дружинной избе.

В гриднице стояла духота, разбавленная светом огней и запахами свежего сена, расстеленного по доскам пола, и от неё гости совсем разомлели. Вскоре отроки, поглядывая с опаской на чужаков, внесли корыта с щуками, кондюшки с квасом, енды для распития да вкатили бочонки с брагой и пивом.

— Значит, не верите до сих пор, что княжны тут нет? — спросил Вяз, поднимая чару, едва чернь вскрыла с хлопком бочонки да разлила питьё.

Найир бросил в него меткий взгляд, протянув руки к чаре — наливали из одного бочонка, значит, не травлено ядом, можно пить.

— Когда ушли твои сыновья, следом пропала и женщина Вихсара, — скользнул острый, будто лезвие меча, взгляд батыра на Арьяна и рядом сидящего Данимира. — Потом дозорные наши видели, что она у княжичей. Они украли её, увели с собой, не спросив разрешения хана Вихсара, — с давлением и каменной твёрдостью закончил Найир.

— Мы её не уводили, — вдруг отозвался Данимир, прищуривая гневно глаза, — мы её подобрали и всего лишь, и отправили деву к родичам.

Арьян протяжно выдохнул сквозь крепко сжатые зубы, повернулся к брату, бросая короткий взгляд — болтает лишнее. Старался дышать ровно, но гневно дрожали крылья носа.

— Вы поступили нечестно, — отозвался скрежещущим голосом на своей речи Найир. — Хан принял вас с миром и почтением, а твои сыновья, — оторвав жёсткий взор от братьев, батыр обратил его на князя, — твои сыновья своровали её.

Данимир аж зубами скрипнул, отворачивая лицо.

— Он в гневе и не оставит всё просто так, если вы не вернёте ему то, что забрали.

Горло перехватило от всплеснувшегося смутения, но князь опередил Арьяна с ответом, укоризненно глянув на сына, призывая не кипятиться. Да только трудно и почти непосильно было то исполнить. Утешало одно, что Мирина сейчас далеко да за стенами надёжными, и этим гадам не добраться теперь до неё.

— Передай хану Вихсару, — сказал Вяжеслав, глаза его заполонила муть от смутения, — что сыновья поступили так, как поступил бы любой из нас. Но я по-прежнему хочу поддерживать мир да согласие, — заключил князь так точно и выверено, что у тех не осталось возражений. — И я буду решать это с самим Вихсаром. Верно случилось какое-то недоразумение.

Вяз, что сидел всё это время спокойно, закивал бородой длинной, соглашаясь, остальные мужи тоже поддержали.

— Не будем сейчас ссору разводить, — добавил Вяжеслав. — Нам и так хватило в своё время потерь, умыли землю кровью на долгое время, так зачем рубить с горяча? Нужно разобраться во всём. Передай Вихсару, что я жду его в своих чертогах и желаю поговорить мирно, выслушаю его, чтобы найти общий уговор. Как гостя дорогого, зову его в детинец наш. А пока, — князь поднял братину тяжёлую, дубовую, резную, — вы мои гости. Пейте, ешьте с нами.

Батыр смотрел протяжно, раздумывая, закручивалось в его непроницаемо-тёмных глазах беспокойство и недовольство, вызванное недоверием, но соглашаться пришлось, хоть и явно не желалось.

— Хорошо, князь. Я всё передам, что ты сказал, — согласился, наконец, валган, поднимая чару, — за твоё здоровье, — припал надолго.

— За здоровье и во славу князя, — поспели догнать Вяз, Радьяр да и все остальные мужи.

Как распили первую бочку браги, каждый погрузился в свои размышления, переглядываясь между собой хмуро, но добрый мёд, который последовал после браги, всё же в скором времени ослабил стужившееся настороженное молчание, развязались и языки, и теперь старейшины

начли переговариваться вновь о нынешнем годе, который выдался на славу урожайным. Арьян чувствовал, как князь давит его взглядом. Вяжеслав как узнал, что нашлась княжна из Ровицы и что нашёл её Арьян да с собой взял, поддержал его, а когда по приезду чужаков выяснилось, что увезли молчком, не совсем был тем доволен. Арьяна это разозлило сперва, но потом, остыв и подумав, он понял, что поступок их и в самом деле казался со стороны и не совсем правильным, как бы ни скверно то было принять. Нужно было вернуться и потребовать её у него. Да теперь что сделано, то сделано, и ничего не изменить. Вяжеслав изначально не желал на рожон лезть к племени этому и потом так и остался при своём воззрении. Конечно, ему больше ведомо, как отцы его и деды сражались долго, отстаивая свои земли, и он знает, насколько сильно то племя и грозно. Он очнулся от раздумий, когда рука Данимира сжала его плечо. Арьян чуть повернул голову, вырываясь из плена сумрака в конце гридницы, в который он вновь уставился. Данимир, смотря на валгановского посланника Найира исподлобья, сказал тихо, к уху:

— У меня уже голова как котёл, разве что не дымится, кипит. Пойдём отсюда.

Арьян, окончательно выныривая из задумчивости, единым взглядом окинул присутствующих. С братом согласился. Они вошли сюда, ещё только солнце начинало скатываться с небосклона, а теперь уже приближается ночь глубокая.

По приезду чужаков всё княжество с ног на голову перевернулось — никак не ждали таких гостей. Арьян устал. Устал так, будто из ночи в ночь ворочал мешки. И усталость была от дикого напряжения, что охватило его за то время, пока валаганы пребывали в городище, и вроде оставались на посадке, а тревожили всё едино. Заварилась каша, уж ничего не скажешь. Как он и думал, Вихсар не оставил это всё, не пустил по ветру. И злость одолевала от того, что тому Мирина нужна, а значит, ценна она ему. Не отдаст просто так. Эта мысль не давала ему спать уж которую ночь. Да ещё и отец идёт на уступки. Арьян сцепил зубы.

— Пошли, — ответил Данимиру, бросая взгляд на отца.

Поднялся с лавки, кивнул Вяжеславу, тот моргнул, позволяя идти. Княжич невольно глянул на Найира, придавливая его взглядом, да тот посмотрел только невозмутимо и так же непреклонно. Плечом к плечу братья покинули душную гридницу, вышли под открытое умытое прошедшем ливнем небо. Тянуло от земли сыростью, продирая до нутра, прокатываясь по спине зябким колючим холодком к самой шее. Арьян втянул в грудь жадно воздух, выдохнул и снова наполнил свежестью, ощущая, как тело наливается живительной силой — побежала застоявшаяся от сидения кровь по венам. Данимир прошёл чуть вперёд, раскинув по-мальчишески руки, радуясь неведомо чему, резко повернул голову, взбились вихры, сверкнули в темноте белые зубы — улыбнулся широко.

— Темница, ей-богу, надо было раньше уходить, — сказал он.

Арьян только усмехнулся, но всё равно нехорошо, ушли, оставив отца, пусть и с воеводой и старостами. Но чревато — мёд уже туманил голову, не хватало ещё ссору затеять, которая может закончиться неведомо чем. Арьян и так седмицу весь как на углях, за себя уже не отвечал. Под конец не натворить бы дел скверных. Завтра вся эта шайка-лейка уезжает, и пускай с миром едут.

— И что теперь делать? — спросил Данимир озадаченно, но в глазах его уже блестела догадка.

Что делать, Арьян знал, как только покинул Мирину там, в лесу. Возник перед глазами образ княжны, и желание сделать её своей отозвалось ударом сердца под рёбрами в предвкушении. Княжич словно омылся ключевой водой, и силы прибыли к нему, забили родником. Поскорей бы они уехали уж! И тогда он поедет к ней и будет просить у княгини Световиды отдать её за себя. Вот и всё решение, которое только крепко всю седмицу и доводило его до изнеможения от нетерпения, разрывая душу на части от того, что не может броситься за ней вслед. Внутри всё скручивало от ожидания, но теперь уже недолго осталось.

— Со мной поедешь? — спросила Арьян, возвращая из глубины взор на ожидавшего ответа брата.

Данимир приподнял бровь, прищурившись лукаво, и довольная гримаса застроилась на его лице.

— Понравилась, значит, глаза-то чего так сверкают, как у кота?

— Понравилась, — не стал таить старший.

— Когда отбываем?

— Завтра. Как только уедут они.

— Хорошо, а то как бы хан впереди тебя не оказался.

Арьян застыл, будто ледяной водой его окатили, а грудь камнем обратилась, и мысли одна за другой в голову полезли. И такое нетерпение нашло, хоть в пору прямо сейчас бросаться за княжной. Данимир опустил плечи, шагнул к Арьяну, посмотрел в глаза, в тёмные и влажные, как колодцы.

— Ты что надумал с Всеславой делать? — вдруг спросил брат, вытягивая из оцепенения. — Она уже целую седмицу мается тут. Отпустишь? А то как ты привезёшь одну невесту, а тут другая томится?

Арьян сжал челюсти, облачиваясь о столб, подпирающий часть навеса крыльца, скрестил руки на груди. О Всеславе он думать забыл, как только она перестала маячить перед глазами.

— Отпусти Всеславу к родичам, пусть катится, может, найдёт себе счастье как-нибудь, попытается.

Арьян взором его колким пронизал, Данимир напрягся, смолкая.

Конечно, виноват он во всём, и вину эту уже ничем не искупишь, останется на сердце, как та самая рана на руке отца. Арьян неутешно выдохнул, сглатывая горечь от того, что так всё вышло нехорошо.

— А Гостяна сослать бы подальше куда. Ему-то что было делать, если баба подол подняла перед ним? Он и брал. А тем более, такая...

У Арьяна аж ладони зачесались, так злость прошибла, но тут же унялся, снисходительно глянул на брата и головой качнул. С Данимира станется. У того только бабы юбки на уме. Хотя в женском стане теперь не пропадал столь долго, видно насытился своим подарком.

— Наскучила тебе девка валгановская? — вырвалось само. — Может, отпустим с послами, пусть возвращается?

— Нет, — ответил резко Данимир, и взгляд остекленел, дурным сделался, сползла и улыбка с лица.

Теперь пришёл черёд Арьяна улыбаться — без издёвки не получилось.

Арьян оторвался от столба, шагнул из-под навеса.

— Ладно, пойдём. Нужно выспаться как следует перед дорогой.

Данимир, шумно испустив выдох, последовал за Арьяном. В тереме разошлись. Хотелось уж до постели поскорей добраться, тело требовало отдыха. Княжич, выйдя за дверь к лестничной клетке, вдруг впотьмах налетел на что-то мягкое, что пискнуло жалобно в его руках. Ладони нащупали плечи узкие худощавые, скользнули по шёлку волос. Арьян повернул девку на свет, лившейся из оконца высокого, и напоролся на жгучие чёрные глаза валганки.

— Что ты тут делаешь? — сжал Лавью крепко, да не рассчитал силу. Валганка дёрнулась от боли, вдохнув глубоко, прильнула всем телом к нему.

Пусть тело и мягкое, податливое, как тесто, в его руках, будто и костей в ней не имелось, сминать только, но ему не хотелось её даже видеть, не то, что касаться, а оттолкнуть прочь, обидеть девку не хотелось ещё больше, тем более, сейчас мог это сделать слишком грубо. Да сама она верно не уйдёт.

Губы алые приоткрылись, выпуская вздох. Невольно Арьян вспомнил, как ещё в лагере валганов эти самые губы доставили ему удовольствие. Недаром Данимир к ней прикипел, подкупала своей доступностью.

— Ты что здесь делаешь? — повторил Арьян чуть хрипловато, но уже жёстче, требуя ответа.

Валганка растерянно хлопнула тёмными ресницами.

— К тебе пришла, княжич, — не стала она юлить, ответила с придыханием, и губы изогнулись в смущённой улыбке.

И в самом деле, не дверь же попутала. Арьян сжал её плечи крепче и отлепил девку от себя, шагнул к лестнице. Да только путь она вновь преградила, взяла за руку. Ладонь её маленькая, узкая, с тонкими пальцами, была горячая, словно горсть углей с костра.

— Что же, тебе Данимира мало?

Губы Лавьи растянулись в улыбке ещё шире, а глаза туманом замутнённые прищурились, блеснули чёрными угольками хитро, потянули вглубь.

— А ты мне больше по нраву, княжич. С первого взгляда ты мне пришёлся по сердцу. И хочу ночь с тобой разделить, обещаю, не пожалеешь, что пустил меня.

Она замолчала и поцеловала его. Кожу обожгло влагой в ямочке ладони, в запястье, и внутри скрутило всё от притока крови, такого мощного, что дыхание перехватило, а по телу жар

разлился жидким сплавом, против воли туманя голову, отяжеляя пах, и в штанах сразу стало тесно. Толк в ласках валганка знала.

Арьян дёрнул руку, перехватывая девку за тонкую длинную шею, пальцы его сдавили горло несильно, слегка, но валганка испуганно охнула, а взгляд её прояснился. Княжич склонился низко, в глаза её бесстыжие, всматриваясь, скользя по её вытянувшемуся от трепета лицу.

— Я тебя не звал, — проговорил он вкрадчиво и доходчиво, чуть сжимая пальцы, дёргая на себя, встряхивая, вонзая острый взгляд в её угольные глаза. — И больше не приходи сюда. Поняла?

— Прогони, но я не уйду, ты можешь выпороть меня, но я всё равно буду приходить, — глаза валганки сделались чёрными, чернее их Арьян и не видел ничего, они закрутили и утянули вглубь, опрокидывая в ледяную реку с головой, даже кровь в жилах застыла.

Он поверил каждому её слову. Может, и в самом деле выпороть? Да только мало что добьётся, как бы ещё хуже не стало. Арьян выругался про себя. Ему и в самом деле этого хотелось — наказать её за то, что так бесстыдно смотрит, так открыто желает его, за то, что приучила к себе Данимира, и тот потерял голову. Нет, он не чувствовал желания, только гнев холодный и разрушающий. Пальцы будто закаменели, пристыли к её коже, и он ощущал, как едва уловимо бьётся жилка под ними. Грудь Лавьи вздымалась и опадала сдержанно и судорожно, трепетали крылья носа, чуя опасность. Валганка — стоило бы ожидать ему — вдруг поддалась вперёд, охватывая лицо Арьяна, к губам прильнула крепко. Княжич вскинул руки, жёстко сковав её подбородок, пальцами впиваясь в челюсть, другой рукой рванул за волосы. Та только вскрикнула, прижимаясь ещё плотнее бёдрами, и этот запах тягучий дурманный и мягкие губы выпили из него всю злость.

— А ты говоришь, Арьян, отправить её? И самому нужна, как я вижу.

Голос Данимира словно плетью ошпарил по лицу. Лавья отпрянула в сторону. Арьян же вытянулся прямо, поворачивая в сторону двери, наскакивая на острый, как наконечник стрелы, взгляд Данимира.

— Ты же вроде как спать пошёл, — выдохнул старший, вскипая ещё больше.

— И ты тоже, — отозвался Данимир, и слова, как булыжники, обрушились на брата.

Арьян хмыкнул, уперев руки в бока, тряхнув головой — нашёл из-за кого склоку разводить. Но брат будто весь в ледяную глыбу обратился, смотрел твердокаменно, вынуждая его испытывать вину, хотя не за что.

Старший придавил свинцовым взглядом девку. Лавья в тень вжалась вся, замерла.

Отвернувшись, Арьян шагнул к лестнице, намереваясь прекратить эту бессмыслицу. Не хватало ещё разборки учинять из-за чужачки. Поднялся по ступеням, чувствуя, как летит в его спину тяжёлый взор Данимира.

С глаз постепенно спала слепая пелена раздражения, да только внутри неприятным червём точила досада от недоразумения, случившегося там, внизу. Но больше всего выбивало из колеи то, что, если б не Данимир, то он бы придушил на месте эту гадюку. Вот гадство, проклятая блудница. Да ещё братец, нашёл чем упрекнуть. Смотрел так, будто Арьян украл у него что-то. Одна мысль билась за другой, доводила до крайности. Что ни день, то ссора. Оба хороши, развели тут бабий гарем. Завтра же с отцом поговорить нужно, рассказать о Всеславе и Гостяне. Без дозволения князя Арьян самовольничать не смел, пусть Вяжеслав рассудит, что делать с ними. Митко подлетел к княжичу, едва тот переступил порог хоромины, поторопился подсобить снять сапоги, опасливо косился, чуя, что не в духе княжич. Арьян кивнул в сторону двери, что бы отрок оставил его, и тот, быстро управившись, исчез с глаз долой. Арьяна шатало от злости, последняя капля терпения покинула его. Он расстегнул бляшки на поясе с оружием, бросил на стол, ножны с грохотом звякнули как бы в отместку, следом сдёрнул с себя рубаху, швырнул туда же и завалился на постель, закидывая руки под затылок, закрывая глаза, слушая, как бухает кровь в ушах, оглушая, а грудь сотрясается от рваного дыхания. Губы жгли влажные следы от губ валганки, вынуждая сотрясаться от ярости.

Проклятие! И какого лешего она пришла к нему? И как тут уснуть теперь?

Арьян сжал челюсти, смял кулаки так, что костяшки хрустнули, резко сел. Сонливость слетела, как и не было её, оставаться в стенах не было мочи. Хотелось просто дышать глубоко, а лучше вылить на себя ушат холодной воды да сбросить спесивость.

Княжич соскользнул с лавки. Отыскав рубаху, которая лежала сверху ножен, резкими и чёткими движениями натянул на себя, вышел за дверь. Оружие возьмёт в избе ристалищной.

Митко не оказалось поблизости, небось в дружинную избу ушёл, шалопай, верно посмотреть на чужаков. Арьян спустился по теперь уже с пустующей лестнице быстро, туго втянув ещё стоявший в воздухе запах Лавьи. Не задержался. Так же, в сумраке, минул клетки, вышел на крыльцо под ночное небо. Опершись на брусья крыльца ладонями, жадно втянул в себя воздух, да так, что даже в груди заломило и голова кругом пошла. Легчало. Постепенно злость сползла. Медленно, неохотно, но ослабила удавку на шее.

Постояв ещё некоторое время, Арьян спустился во двор, направляясь к ристалищу. Именно это требовалось ему — стиснуть клинок и окончательно вытеснить из себя всю натугу да выплеснуть желчь гнева, которая скопилась за эти дни и уже закисло в нём, начала бродить, отравляя.

Пройдя по мощённой досками дороге, дыша сладким ароматом малинника, что рос за стеной вдоль надстроек, громоздившихся тесно по обе стороны, завернул за частокол, где и высилась изба оружейная. Здесь было куда тише, чем сейчас там, в избах кметей, где все и собрались ныне. И хорошо. Ему нужны были тишина и покой.

Пригнув голову, Арьян нырнул в прорубленную прямо в дубовом частоколе низкую дверь, оказался в сумраке. Пахнуло в лицо прохладой: запахом мха с примесью сырости. Не доходя до ворот оружейной, за миг до того, как княжич уловил изменение в воздухе, из-за ограждения, выскочила тень. Арьян успел, увернулся от твёрдого и резкого скользящего взмаха руки.

Чиркнуло по груди остриё, распоров ворот рубахи, которая тут же напиталась проступившей кровью. Нападающего это не сбило. Следующий выпад Арьян перехватил, поймав крепкую мускулистую руку мужчины, по-видимому, обученного сноровке военной. Тот не поддался так быстро, извернулся, отскакивая в сторону, как рысь лесная, но княжич хотя бы успел его немного разглядеть. Одет, как ни странно, просто: рубаха на выпуск, штаны широкие, а половину лица повязка скрывала, только одни глаза блеснули по-звериному, молодо и ненавистно сузились до щелок. Вид его неброский сбил с толку. Тать с яростью сорвался с места, обрушивая град ударов немых и чётких, будто вела его какая-то сила иная, не человеческая даже. Арьян не видел ножа в руке убийцы, но чувял каждое его движение в воздухе, опасное, холодное, острое, направленное на него. Как не вовремя меч свой не взял. Чужак уклонялся раз за разом — только успевай, да мало-помалу оттеснял княжича к стене, не давая возможности развернуться. Тут незадача.

Дыхание тать звучало размеренно, но тяжело — берёт силы, намеревался ударить метко, довершить наверняка своё грязное дело. Выпад и вновь захват. Тать вывернул руки, пришлось тоже отступить, тоже побережь силы, которые утекали, как руда из раны, потому тянуть тоже не следовало, да и скручивало нутро от медленно разливающейся боли в мышцах. Собрав всю мощь, Арьян ринулся вперёд, тараня и сбивая тать с ног могучим весом — удалось. Покатились к самой стене избы оба, поднимая пыль, которая забила глаза и нос. Арьян охнул, когда в живот ударило холодное железо, глубоко, по самую рукоять, упёршуюся в рёбра. Княжич потерял дыхание и обрёл вновь, когда тать рванул клинок назад и попытался скинуть его с себя. Арьян не разжимая хватки, заломил руки тать, выбивая из пальцев жало, но душегуб ловко извернулся под ним, локтём саданув в челюсть. Княжич опрокинулся в сторону от удара, в голове зазвенело. Тать успел в это время вскочить на ноги, и Арьян, встряхнув головой, очухиваясь с утробным рычанием, поднялся, бросаясь в след, догнал, впечатав в стену беглеца так, что тот распластался по ней, как комар, прихлопнутый ладонью. Княжич яростно обрушивал на него удары один за другим, попадая в голову, в челюсть, куда-то в ухо, и в месте с тем, каждый удар давался всё тяжелее, а хватка слабела, пока не качнуло, чем быстро и воспользовался тать, поняв, что к чему. Оттолкнувшись от стены, отшвырнул от себя противника. Княжич едва устоял, вспоминая вдруг, что ранен, ощущая, как рубаха липнет отрепьем к телу, а кровь горячими ручьями течёт по бедру к лодыжке. Ноги тут же сделались тряпичными и слабыми, как и руки, будто с него разом выпили все токи. Арьян глянул вниз, на залитую бурой рудой рубаху, на то, что так мешало вдохнуть. Нутро скрутило так болью, будто выдернули из него все рёбра разом. Княжич посмотрел вперёд, на медленно надвигающегося душегуба. Вновь сверкнула сталь. Арьян смог через скручивающий спазм боли уклониться всего на немного, но этого хватило, чтобы уберечься от прямого удара, метящего в сердце. Плечо обожгло, когда лезвие вошло в плоть. Тать, дёрнув клинок назад, выругался, вновь занёс. От следующего, уже верного удара спасло то, что раздался где-то недалеко шум голосов, что влился в отяжелевшую

отторгающую явь голову вяло и невнятно. Колени подогнулись, и княжич, пошатнувшись, тяжело рухнул наземь, заваливаясь набок.

Последнее, что мелькнуло в сознании — это ноги, почему-то босые, запylённые, вымазанные в крови — его крови, Арьяна. Он грёб пальцами землю, ещё пытаясь подняться, подтянуться, но тело не слушалось, и движения причиняли неимоверную боль, вытягивая из него воздух и силы. Глаза от дикой рези заполонила влага, он провалился в небытие, когда боль подступила к той грани, у которой боль не могла соперничать с жизнью. Арьян сорвался с её острых краёв, проваливаясь в леденящую яму.

Очнувшись княжич от того, что застонал, и застонал надрывно, в животе саднила дыра, дёргая мышцы болью. Так и есть, его ударили ножом в живот и в плечо, которое вовсе он не чувствовал. Ощущал только, что руки задраны назад — его тянут, потому что спину нещадно дерёт земля, распарывая кожу камнями, что попадались на пути. Его тащили куда-то, но куда, Арьян не видел, кружилось всё, лишь вырывал взгляд всполохи огня да кроны деревьев, через ветки которых просачивались тусклые звёзды. А потом снова пропасть и тысячелетняя пустота. Очухался в следующий раз, когда его вдруг рвануло вверх, и он упал на что-то твёрдое животом. От боли будто сердце разорвалось на куски, и его всего перекосило. Арьян зажмурился, распухшее горло издало только глухой крик. Его толкнули ногой грубо и бесцеремонно. Княжич только ощутил, что сорвался, потеряв всякую опору под собой. Миг полёта и невесомости оборвался резко сильным ударом спиной и затылком о твердь, и снова всё исчезло для него.

Нос забивал резкий запах сырости, плесени и грибов, как будто из какой-то ямы. Арьян пошевелился, чувствуя спиной ровную твердь. Голова тут же разразилась дикой болью, подкатил к горлу ком тошноты, задушив желчью. Заскрежетав зубами, он судорожно задышал, рвано, жадно. Рубаха совсем мокрая облепляло тело, как вторая кожа — уже холодила, согревая только тёплой кровью, что ещё текла из раны струйками.

Сколько он тут уже?

Передохнув немного, загребая ногтями мягкую сырую землю в гости, Арьян поднял руку, дрожащими пальцами хватая пустоту, не нащупывая ничего рядом. Разлепив влажные, ставшие тяжёлыми ресницы, не увидел ничего, только зияла чернота совершенно глухая. Гулко сглотнул сухость, тяжело отрывая затёкший затылок от земли, медленно приподнял голову и тут же уронил обратно.

Чувства возвращались, а вместе с ними и боль, и звуки собственного сердцебиения обрывистого, судорожного. Проступивший холодный пот застилал лоб, путались и липли волосы к лицу, малейшее шевеление вызывало зверскую боль, будто он весь обратился в неё, сужая окружение до её рваных краёв. На грудь будто глыбу каменную навалили, невозможно было дышать, проходила лишь тонкая струйка воздуха, что вот-вот оборвётся. Это разлило страшно. Арьян сцепил зубы, неимоверным усилием заставил себя перевернуться набок, дёрнулся рывком, преодолевая резь, вынуждая тело подчиниться, подтянулся чуть вперёд. Злость придала силы, но горло всё же разодрал собственный стон, который он задушил, едва тот вырвался наружу. Ладонь упёрлась во что-то. Стена? Погладил по влажным, покрывшимся слизью брускам. Дно колодца, похоже на то. От проделанных усилий пробил озноб. Арьян туго втянул в себя воздух, часто и резко задышав, задрал голову кверху, пытаясь сквозь муть что-нибудь разглядеть. Чернота, хоть глаз коли. Он разжал стиснутые до ломоты зубы, но горло будто раскалёнными клещами сжало. Княжич поперхнулся подступившей тошнотой, и в следующий миг его ошпарила дикая ярость от того, что с ним так легко разделались, от того, что не взял с собой оружие, когда рядом враг. Он сжал кулак да со всего маха шарахнул им о стену. И тут же бок и всю левую сторону тела пронзила острая, как спица, резь, и взор застелило багряными вспышками. Арьян бессильно опрокинулся на землю, и последнее, что запомнил — как посыпалась на лицо и руки труха, погребая его во мрак.

Арьян застыл в тишине, будто в толще льда. Он старался вырваться из подходившего со всех сторон холода на поверхность, где слышал собственные удары сердца. Тринадцать ударов. А потом снова бездна черноты и неподвижности. Только спустя вечность слух царапнуло пение петуха, прорывая безмолвие, словно пузырь. Звук вновь раздался где-то сверху, обрушиваясь на него, словно камень. Он задышал хрипло, быстро, а потом дыхание оборвалось. Резко.

Мгновения растянулись на ещё одну вечность, но грудь снова наполнилась сырым воздухом, который застревал где-то в горле комом. Дыхание вновь ожило, когда и не ждал уж, как будто

кто-то невидимый ему раздувал в нём жизнь, возрождал огонёк из влажного костра, который, едва вспыхивая, вновь потухал.

В другой раз, когда Арьян очнулся, он по-прежнему находился на дне стылого колодца. Холод от земли царапал кожу, остужая. Только холодно не было. Было противно от его липких объятий. Его бил озноб. Он пытался осознать, сколько прошло времени, пошевелил пальцами, задеревеневшими и непослушными, липкими от застывшей крови. Руки, да и всё тело, будто не его — чужие. Темнота помалу начала расступаться, а звуки становились всё ярче, отчётливее, выделились лай собак и грохот железа — неужели утро? Показалось, влились мужские голоса будто. Почудились? Нет. Гул нарастал вверх всё громче. Мужчины спорили о чём-то, но до дна доходил лишь дребезжащий и неприятный для слуха грохот, тревожный. Арьян разлепил губы, пытаясь позвать, но ничего у него не вышло, связки, как трущееся друг о друга железо, засадили болью. Внезапно из общего гомона вырвался голос Данимира, и сердце заколотилось быстрее.

Явь ударила, грубо выдергивая из небытия. Что-то скрипнуло сверху, грохнулось гулко, на лицо посыпалась пыль. Темнота глубокого колодца вдруг расступилась, забрызгал тусклый свет. Арьян разлепил ресницы, глаза продрали резь, и они вмиг заслезились. Ничего не видно. Он поморгал и сквозь заволокшую пелену всё же увидел в белёсом утреннем свете, потоком ухнувшим на дно, лица. Видел, как наверху замелькали мужские фигуры.

— Нашли, — сказал кто-то.

Арьян не мог разобрать, кто это был, но всё явственней слышал голос брата, отделяя его ото всех остальных. Он громко переговаривался с другими, они что-то выясняли, тревога была в звучании их голосов. Начали спускаться.

Поднимали долго.

Арьян много раз терял сознание. Явь клочьями открывалась ему и снова исчезала во мраке, утягивая его за собой. Прежде чем оказаться на земле, он несколько раз забывался, и то, как его вытаскивали, обрывалось в памяти пустотой, терялась нить понимания, что с ним происходит. Лишь только голоса. Голоса и люди, которые его окружали. Каждое шевеление приносило ему невероятные муки, и от этого, видимо, он проваливался опять на дно колодца, даже тогда, когда его несли через двор, и когда оказался на мягкой ровной постели. А потом, спустя какое-то время, на него обрушилась горячая лава. Она с головы до ног тяжёлым потоком придавливала к постели, топя в огненном жерле. Леденящая мгла сменилась недрами жидкого огня. Огонь плескался где-то в горле, в плече и под рёбрами. И никто, и ничто не могло облегчить эти страдания.

Сквозь жар он видел женщину. Строгое лицо, не старое и не молодое. Серые глаза смотрели на княжича хмуро и также строго, а когда она прищуривалась, то будто пыталась заглянуть в самое нутро, в уголках глаз появлялись лучинки, и она кивала головой, словно своим каким-то мыслям. Арьяну то осталось неведомо, что видела знахарка. Смерть ли, спасение? Он знал эту женщину. Краймира, матушкина ведунья и травница. Когда Арьян приходил в себя, она тут же появлялась, склонялась над ним, и губы её начинали шевелиться, нащёптывая какие-то слова. Княжич не мог понять, что именно, да и не пытался. Не было сил. И заговоры её не приносят никакого облегчения. Огненный вихрь, что поднимался в нём, сушил тело до самой кости, и дыхание скудное делалось таким же горячим, как жар от углей. А грудь твердела всё сильнее, мешая вбирать в себя воздух. Лицо травницы в неровном свете лучин, становилось суровым, играли на нём чёрные тени, искажая её облик, и всё плыло. Арьян сглотнул, когда женщина приподняла ему затылок.

— Ордана, неси, — велела торопливо.

Арьян удивился, кому это она. Но не смог и головы повернуть, та стала неподъёмной, чугуновой. Видел только через край сознания, как протянули деревянную чашу травнице руки женские молодые с тонкими пальцами, на запястье кручённый ободок блеснул серебром. Или это ему всё видится? Краймира дует в плоску, снова нащёптывает заговор, подносит плоску к устам княжича. Арьян чувствует густой запах травяного взвара.

— Испей, княжич. Много ты руды потерял. Испей, силы земли наберись, обрети вновь её соки, чтобы носила она тебя ещё много лет и много зим, чтобы ходил ты по траве зелёной до самых глубоких лет своих, — говорила знахарка приглушённо и непрерывно. — Пей.

Арьян пил через силу, вязкая горечь обволакивала горло, и он давился, но пил маленькими глотками.

— Вот так. Пусть матушка-земля вернёт кровь. Пусть живая, она пробудится в тебе, забьётся родником, потечёт золотой рекой по венам, наполняя силой и здоровьем. Он испил до капли, глядя в лицо Краймиры, облитое золотым светом, и видел лицо матушки, её добрые серые глаза, смотрящее с беспокойством и такой любовью, что охватывало его всего волнение тревожное. Арьян обессиленно закрыл глаза, опуская голову на постель, тело от выпитого окаменело всё, не было мочи даже смотреть.

— Борись, княжич, — услышал он откуда-то уже издалека голос Краймиры.

И снова перед ним распростёрлось жерло. Арьян то погружался в его недра, то выныривал в льдистую тьму, опрокидываясь в глубину ночного неба. Чувал, что Краймира так и не отходила от него.

— Верни его, — услышал голос брата.

— Слишком опасные раны, но не это страшно, крови много потерял, — ответила скорбно травница.

Грудное рычание Данимира раздалось рядом.

— Верни его, прошу, — и голос брата стих.

— Крепись, княжич.

Наверное, завтра его уже не будет. Арьян чувствовал, как взор травницы изменился, и она смотрит с сожалением, её снадобье не помогает, не даёт ему сил, земля исторгает его из своего чрева, как кости. Серые, наполненные горем, глаза женщины наблюдают за агонией в его теле. А Данимир так же взирает с неверием. Арьян пожалел только о том, что не увидит княжну. Завтра он не поедет к ней, как задумал.

Арьян лихорадочно собрал в кулаки постель, влажную от его взмокшего тела. Стиснул челюсти, скрипнул зубами. Его отчаянный стон показался ему самому криком, эхом, отдающимся во все концы и в голову, сотрясая его всего. Он что-то бормотал, когда Данимир призывал его очнуться. Арьян в который раз пожалел, что не взял своё оружие. Не приедет в Ровицы, и Мирину возьмёт кто-то другой, кто-то, а не он, назовёт своей женой, и это понимание приносило боль, выворачивая всё нутро наизнанку безысходности. Огромным усилием воли Арьян отодвинул огненные волны, изо всех сил вырвался на поверхность. Он не мог допустить такого. Отдать её. Он каменеет, и жар стискивает его в своих недрах уже навечно. Княжич чувствует на лбу, на щеках, на лице холодную влагу, но это не приносит ему никакого облегчения.

— Живи, княжич, выбирайся, — голос чужой, непохожий на голос травницы, обволакивающий, хрипловатый, ворвался в самую глубь, зацепил его, потянул на поверхность, удерживая на самом краю.

Он ощутил тепло пальцев на своей коже.

— Живи...

Он делает вдох, другой, третий, дыхание постепенно крепнет в груди, становится ровным, оно уже не жжёт горло, не причиняет боль. Чужие ладони продолжают гладить его лицо, шею, теперь они уже прохладные и успокаивают, остужают жар.

— Вот так, — слышит вновь тихий, но полной радости и облечения девичий незнакомый голос. Ему вновь подают отвар, и он пьёт смолистую и тягучую жидкость. Оторвавшись от площадки, он вновь откинул голову, закрыл глаза, проваливаясь теперь уже в сон.

Глава 11

Небо, видимое сквозь рваные клочья еловых крон, постепенно окрашивалось ровным розовым цветом. Наливалась предрассветная тишина утренними трелями птиц, которые гомонили где-то наверху, пригретые первыми ещё скудными лучами. Сумрак истончался в лесу, становясь прозрачным. Свежий после вчерашнего вечернего ливня ветер налетал изредка, вороша гривы да хвосты коней и густые изумрудные кущи папоротника. Моросило с ветвей. Мирина поёжилась, плотнее закутавшись в толстую суконную накидку, отороченную куньим мехом по вороту. Всадники ехали через лес бесшумно, только слышно было, как хрустят ветки под копытами коней, как шуршит прошлогодняя хвоя да как в самом конце вереницы поскрипывают колёса гружёного обоза. Промозглый воздух забирался под одежду, скользя по

коже, будто холодными ладонями, вынуждая ёрзать в седле да закутываться плотнее. К обеду распогодится, вон и небо чистое, и скоро парить начнёт, что придётся скидывать лишнюю, потяжелевшую от сырости одежду. Мирина тянула в себя воздух свежий, то пропитанный запахом грибов, что, верно, повывлезли после дождя, то аромат истончался, скуднел, и тянуло прелостью листвы. Это бодрило и отвлекало от разных тяжёлых дум, что обрушились на княжну, когда открыла поутру воспалённые от пролитых слёз глаза.

Мирина невольно подняла взор, выхватывая статную фигуру Вихсара, сокрытую кожаным плащом. Он держался в седле ровно и в то же время спокойно и расслабленно, ветерок ворошил его смоляные пряди волос, откидывал за плечи. Того, чья кровь, как сплав железа, горячая, холод не пронимал. Да, отличался он от своих воинов, крепко сбитых, слаженных, но не таких высоких, как их вожак, будто выбирали его не только по высокому родовому положению в племени, но и по могучей силе. Помимо того, он явно имел притягательность — не только наложницы обхаживали его, вон и княгиня поддавалась его обаянию.

Княжна вспомнила слова Световиды, и к горлу так и подкатил ком, а глаза заслезились разом. В груди заломило, тесно стало. Она вздохнула надсадно, сглатывая. Всё же обида брала, что отдала её мачеха так легко да без зазрения совести, а ведь князю обещала позаботиться о его дочери единственной.

Вихсар будто ощутил пристальное внимание на себе, впрочем, как и всегда, стоит ей чуть задержать на нём взор. От такого не утаишься, будто замыслы чужие читает. Его взгляд, обращённый на княжну через весь отряд, вынудил сердце биться чаще. Мирина ухнула куда-то, когда он так на неё посмотрел: то с суровой и мрачной жёсткостью, то с желанием жарким, необузданным. Непонятно было, что у него на уме.

Он увёз её от родичей, и никто не спросил её, хочет она того, или нет. А уж что дальше с ней будет, какая жизнь её ждёт, Мирина прочь гнала эти мысли, не сулили они ничего хорошего. Наверное, сейчас она бы ударила пятками лошадь и пустилась бы прочь, и будь что будет, хоть шею свернёт себе, хоть стрела в спину или наказание. Всё равно! Всё равно она пропала. Так не лучше ли всё разом решить? Зачем мучиться? Да только внутри не было ни злости, ни гнева, ни рвущего на куски отчаяния, только пустота. Быть может потому, что всю долгую ночь ворочалась с боку на бок, вслушиваясь в звуки, и ждала, когда Вихсар исполнит то, чем грозил наказать за побег, но он не приходил. И не стал брать её этой ночью, хотя мог свободно, без усилий. Мирина от этого чувствовала ещё большее беспокойство. Он ведь дикарь. Верно, готовит что-то иное. Она как наяву ощущала его сильные руки на своём теле, грубо трогающие её везде, где ему хотелось, властно, жёстко, непреклонно. И этот голос, проникающий и опускающийся в самую глубь, от него стыла кровь в венах. Он — жестокий завоеватель, и ничто его не остановит. Даже если войско выйдет из-за стен, он прольёт чужую кровь, не свою. Как же испугалась Мирина, когда Нечай вступился за неё! Она вспомнила глаза валгана — одержимые, дикие — и сердце замерло в груди, сжалось в комок от ужаса и страха за брата. Княжне всего лишь на миг привиделось, как Вихсар выдёргивает саблю из ножен, и будто её, не брата, пронзил этот самый клинок. Нет, такой беды братьям она не желала, потому лучше поскорей смириться. Ради них хотя бы. Уехать, как можно дальше. Навсегда.

Мирина, сузив глаза ненавистно, смотрела в спину валгана, и внутри всё инеем мёрзлым покрывалось, аж пальцы похолодели, поводьев не чувствовали. Вихсар снова обернулся, и она резко отвернула лицо, показывая, как противно ей его внимание. И знала, что тот только насмешливо и безразлично усмехнулся, отворачиваясь.

Она станет его женой — это пугало до одури, до онемения. Она не хочет быть женой своему врагу, но её никто не будет спрашивать, в их племени слово женщины ничего не значит. Может, оно и к лучшему — тогда недолго вытянет. Рано или поздно он либо обрушит на неё свой гнев, либо она ему надоест, и он отдаст её задаром какому-нибудь заезжему гостю. Как Лавью отдал княжичам.

Мирина пыталась перебороть свои тревоги и метания, переводя внимание на окружение, отрешаясь от всего. Да и право, что за мысли скверные? Отец бы, верно, не остался тем доволен, что пала духом, смирилась. Нужно стоять. Гордо и непреклонно, несмотря ни на что. Помалу княжна оживилась вместе с разгорающимся во всю удаль утром. Пусть дом её становился всё дальше, но она сохранит в себе частичку тепла и память о нём и о братьях, о близких людях, которые остались там, за толстыми стенами, в надёжности. И хорошо. Это главное.

Долго в одиночестве хан всё же не позволил ей побыть, вдруг развернул своего жеребца, посылая почти в конец вереницы, пристроился рядом с мерно ступающей по мягкому мху лошади Мирины. Этого она хоть и ждала, а страх всплеснул внутри. Пальцы крепче сжали повод, будто спасительную ветку, да только тянул на дно его свинцовый взор. От него исходила такая мощь, что сжимало до крупы души. Как вчера, когда он ворвался в шатёр, мокрый и огромный. Ощутила вновь, как пальцы его, мокрые от дождя, ледяные, стискивали её подбородок, а дыхание толчками обжигало скулу.

Он ехал рядом молча долгое время. Не выдержав, княжна повернулась, и грудь стиснуло, её будто смолой облили, такими тёмными были его глаза, и хотелось отмыться от него, отгородиться, да только как? Мирина молчала, боясь выдать своё волнение.

— Ещё только раннее утро, а вид у тебя такой хмурый, что кажется, того и гляди дождь пойдёт. Ты моя будущая жена и должна встречать меня ласково.

Мирина туго вобрала воздух, ощущая, как каждое произнесённое им слово врежется осколками.

— Мне нечему радоваться, — ответила жёстче, чем имела право.

Отвернулась безразлично, по крайней мере, постаралась, только бы не показать своего сломленного духа, начала рассматривать высокие патронники среди замшелых корней и валунов, чистые белые ромашки, сбрызнутые росой, что росли у дороги, мокрые стволы сосен цвета сложного, от буро-красного до ржаво-оранжевого, с зелёным налётом, да гроздьями грибов. Рассматривала всё это, да ничего не видела, как и того, что валганы уехали чуть вперёд.

— Ты по-прежнему жаждешь свободы? — вдруг спросил он.

Мирина выдохнула резко, отвечать не хотелось, да и не станет. Раз забрал у родичей в качестве невесты, то и отвечать на всё не обязана. Впрочем, она не отвечала никогда и раньше, пока была пленницей, но тогда молчание стоило ей грубых одёргиваний да дикого бешенства в глазах этого мужчины. Всё одно и теперь ждала в глубине души подобного обращения, однако ничего не происходило. Вновь разлилась тишина. Мирина, теперь уже растерянная, глянула на Вихсара, да так и пристыла к его глазам, спокойным, терпеливым, хоть было всё равно видно, что давалось это ему непросто, даже пролегла складка хмурости между смоляных бровей, таких ровно очерченных, правильных.

— Да. Я родилась свободной, — ответила, отворачиваясь.

— Значит, твоя участь — быть пленницей.

— По твоим словам, хан, тогда и ты пленник.

Вихсар сжал челюсти — ответ не по нраву пришёлся.

— Ты мудрая, Сугар. Но не забывай, что я твой хозяин. И ты принадлежишь теперь мне. Просто перестань сопротивляться, и тогда я не причиню тебе боли, — с последними словами он ожесточил звучание голоса.

Вдруг он дёрнул повод из руки, останавливая кобылу. Сжал грубо плечи Мирины, резко повернул её к себе, наклоняясь так близко, что она отчётливо разглядела его глаза, вовсе не густо карие, как виделось ей. Они имели серый цвет, как кора дуба, сгущающийся в коричневый к самым зрачкам, ярко очерченный чёрной каймой по кругу. В дымке ресниц эти глаза вспыхивали яростью, искрились опасно и остро, как молнии в недрах туч, оттенял их и загар бронзовый на скулах. Дух перехватило от близкой опасности и какой-то свирепой красоты этого чужака. Он продолжал пронизывать Мирину властным давящим взглядом, расшатывая её волю. И он чуял борьбу. Пальцы сковали её подбородок и тёмные ресницы хана тут же опустились, он смотрел прямо на её губы. Склонился ниже. Коснулось губ горячее рваное дыхание, и Мирина поняла, что затаилась, прислушиваясь к нему. Опомнилась — набросится ведь, завладеет её ртом, терзая — невольно дёрнулась из его хватки. Сами собой сжались дрожащие пальцы в ожидании. Но Вихсар лишь поднял взгляд обратно на сдавшуюся девушку. Погладил большим пальцем нижнюю губу, затем подбородок, настойчиво, но мягко, успокаивающе. Прикосновения обожгли кожу, пробуждая волну жара.

Он отстранился, расправляя налитые твёрдостью плечи. Мирина обескураженно сглотнула.

— Нет, ты всё же глупая, княжна, — сказал, убирая руку совсем.

Жёстко удерживая поводья, Вихсар ударил пятками, посылая вороного жеребца вновь вперёд. И Мирина почувствовала, как жар поднялся из груди мощной волной, прихлынул к лицу. Она выдохнула и вдохнула, провожая его напряжённым затуманенным взглядом. И обида разлилась такая жгучая, что княжна почти и не видела дороги перед собой, только колкий взор хана. Не

успела опомниться, как вокруг неё кольцом собрали валганы, заключая вновь в клетку. И пришлось поверить в то, что ей больше не вырваться из этих сетей. Вихсар словно дебри терновника, в который она сумела угодить. Любое движение — боль, опутывают колючие ветви, стягиваясь на шее, груди и запястьях. Оставалось только не шевелиться, стойко принимать всё. Другого пути нет. Мирина горько усмехнулось, будто до этого теплила надежду, что всё ещё вернётся. Но так отчаянно хотелось верить.

И что ему нужно? То требует покорности, то обвиняет в глупости, когда получает то, что требует. Невыносимо. Она ощутила, как слёзы вновь защипали глаза. И почему? Зло смахнула их. Раньше не была такой плаксивой, даже когда была в лагере. А сейчас будто надломилось что-то внутри и надсаживалось сердце, болело от обиды на мачеху и на сестру её Годимиру, болело от непонимания, за что ей это всё.

Как и думала Мирина, утро разгоралось жарким. Поднялась такая духота, что невыносимо было вдохнуть толком. У земли, где сырость смешивалась с потоками жарких лучей, отяжеляя воздух, настоявшись запахами хвои и мхов, летала облаками мошка, от того гомонили птицы и так громко, что слух прорезало, чирикали, просвистывая в полёте почти над головой неугомонно — для них самый прикорм. Стало невыносимо припекать, спина взмокла, а лоб и виски покрылись испариной от платка. Пришлось скинуть с себя накидку и кожух, расправить плат, вытерев концами пот с шеи, хотя снимать его совсем Мирина не стала. Не стоило среди этой ватаги, где девушка была лишь одна. Хоть и привыкла за вчерашний день к тому, что одни мужчины окружают, а всё равно делалось тесно внутри, когда ловила чужие взгляды на себе. Благо отрок находился рядом зим тринадцати, столько же было брату её младшему, Взраду. Волнистые, такие же, как и у всех валганов, тёмные волосы его были перехвачены тесьмой, чтобы вихры непослушные в глаза не лезли. В рубаше простой, да из оружия на поясе нож. Тимин — так его называли другие, хоть и смыслила в их речи мало что, а имя отрока различила. И всё больше напоминал он Взрад, и как-то покойнее делалось внутри, хоть и не брат это был вовсе, но ощущения дома да сохранялось внутри, и от этого становилось легче.

Дорога стала к обеду совсем одинаковой, укачивало в седле, чашебке конца и края не было, хотелось уж вырваться из зеленого плена да на луг, глотнуть поток свежего воздуха, а лучше бы к реке поскорее добраться. Насколько Мирина знала здешние места, должны они скоро до деревеньки Игша добраться, там и русло неширокое, а с ним свежесть. Деревня эта хоть и далека от княжества, да не маленькая, дворов десять имелось. Вот только остановится ли в её окрестностях Вихсар, о том лишь гадать, а так хотелось бы, что сердце защемило, в пору просить его об этом. Но стоило посмотреть на него, как желание своё Мирина запрятала куда подальше. Не станет ни о чём его просить. Никогда.

Жаркое коло, хоть и не видно его было порой за кронами густыми, поднималось всё выше, палило нещадно даже сквозь полог еловый, и пить хотелось часто, язык к нёбу присыхал. Мирина каждый раз припадала к мехам надолго, утоляя жажду родниковой холодной водой, щуя глаза от зеленоватого обилия света, что играл в листве бликами. Воинам приходилось куда труднее. Стало даже жаль бедолаг, что ещё оставались в железках да толстых кожаных дегелях. Но те верно привыкшие, ведь броню не скинешь — кто знает, какая опасность может таиться в местах дремучих, так что лучше изнуряться от жары, да не быть сражённым стрелой меткой. Да и не страшен им, детям степей, солнцепёк.

Лес всё не кончался. Пару раз за день вереница останавливалась на недолгий привал. Мирина спускалась с седла, изнемогая от жары и сонливости, что на неё напала в полдень. Забрела под деревце, ощущая, как за ней внимательно приглядывают, Вихсар далеко уходить ей не позволит. И княжна пряталась неподалёку под кронами, ища тени, приваливалась к дереву спиной, опускалась в траву, закрывала глаза ненадолго, стирая капли пота со лба и висков, дышала часто, наслаждаясь успокоительной прохладой, что обдувала лицо. Жара отступала лишь чуть, но Мирина рада была и тому, прислонялась щекой к дереву и гладила осторожно шершавую кору, и получалось так само собой, ведь здесь она, верно, больше не окажется никогда.

Вихсар больше не тревожил. Подле него всегда оставался его батыр Угдэй. Скуластый, широкогрудый, он утешал своим грозным видом, особенно когда брался за рукоять сабли или топора — дрожь пробирала, казалось, того и гляди кинется в атаку, всё время как на ножах, всё высматривал что-то, наготове всегда, и ничего от него не ускользало. Мирина чувствовала, что он постоянно следит за ней, ощущала на себе твёрдый взор батыра. И даже порой думалось, что

не совсем он одобряет затею хана взять девку княжества соседнего. Это, пусть и скрытое, недоумение проскальзывало в его взоре.

После коротких отдыхов вновь поднимались в сёдла. Вихсар не сказать, что торопился, скорее Угдэй не давал ему покоя, поднимал, намереваясь как можно быстрее покинуть границы Ровицы.

Снова молчаливое медленное передвижение по лесу, и только когда мгlistая жара начала спадать, а огненное коло — скатываться к окоёму, воины оживились, стали переговариваться. Мирина не понимала, о чём, да и не вслушивалась шибко, уставившись то перед собой, то на заgrивок лошади, то на усыпанную жёлтыми иглами дорогу. Вырвал её из безвременья голос Вихсара. Княжна подняла голову, выхватывая воина взглядом. Вихсар снял доспех — вождю то было позволительно, его охраняли верные люди, готовые броситься под стрелы, защищая своего хозяина — и теперь рубашка на нём облепляла спину, высеченную будто из камня, вычерчивая перекатывающиеся под тканью мускулы. Хан разговаривал с Угдэем, и по напряжённому, так и колыхавшему неподвижный воздух звучанию низкого грудного голоса слышно было, что о чём-то важном, потому говорил Вихсар резче, чем обычно. Съехались и другие его ближники, начали рассуждать. Может, решали, где на ночлег остановиться, потому как несмотря на нещадное коло, облака всё же поползли по небу, сгущались, а лапы елей обветшалых старых и молодых низко к земле пригибались — никак буря будет? А может, напротив, спорили о том, чтоб не останавливаться, да определяли, какой дорогой следовать лучше. Княжна насторожилась. Об отдыхе признаться грезила уже, прилечь на ровную постель да остаться в покое хотя бы ненадолго мечтала. Пусть до вечера полного, до темноты сумрачной ещё далеко было, но изнуряющая жара забрала все силы. Мирина отвела взор, когда Вихсар вдруг прервал речь и на девушку обернулся, будто вновь её взгляд почуял. Она сделала вид, что и не было ей дела никакого до их разговоров.

Подъехал к княжне ближе Тимин, видно лишним стал среди разговоров батыров. Но не успела Мирина понять что-то, как вдруг Угдэй с частью воинов тронулись вперёд, пуская лошадей в чащобу густую, оставляя хана. Тут и ясно всё стало — ночевать под крышей будут.

Княжна, вытянувшись, выглядывала из-за спин, выхватывая черноволосую голову Вихсара — он уже на неё не смотрел, а вскоре и вовсе пустил жеребца быстрее, скрываясь от взора.

— О чём они говорили? — спросила Мирина тихо отрока, чтобы не слышали оставшиеся рядом воины.

— Решали, где останавливаться на ночлег, — ответил сразу Тимин.

— Решили?

— Да. Хозяин велел Угдэю в деревню ехать.

Мирина опустила плечи.

— А Угдэй зачем?

Тимин пожал плечами.

— Наверное, разузнать всё, приготовить, — ответил, вдруг растерявшись, видно сомневаясь, рассказывать ли всё княжне.

Мирина вспомнила взгляд Вихсара. Уж не ради неё ли он под кровом хочет остаться? И дрожь по спине прошла. На него это вовсе не похоже, и нечего придумывать лишнего, не в его это нраве — заботиться о своей пленнице одной единственной, рискуя не только собой, но и людьми своими. Или всё же уже не пленнице?

Мирина сглотнула, отрывая немигающий взгляд от Тимина.

Всё подтвердилось, когда день начал склоняться к вечеру. Небо с восточной стороны темнело, разродится дождём наверняка, хоть коло по-прежнему и испускало горячие лучи, опалая кожу. Через сотню сажений дебри начали истлевать и редеть, расступаясь перед всадниками, как створки ворот, выпуская путников на раздольный во все стороны холмистый зелёный луг, усталый разнотравьем, на воздух свежий, наполненный запахом спелой, сладкой, как мёд, земляники. Прорвался застоявшийся воздух, окатил, огладил прохладой, поднимая дух и бодрость в теле, ударил в грудь ветерок, что даже мурашки поползли по спине. Засеребрила в жемчужных лучах речушка неширокая, за несколькими верстами показались и кровли деревни Игши. Как горошины, рассыпались по берегу постройки разные, избы дубовые, добротные сложенные, с воротами широкими да частоколами высокими. Паслись неподалёку козы да волы, а чуть дальше костры горели на огороженном по кругу кургане — святилище, видно. Не

все повернули на большак, а всего лишь третья часть, остальные двинулись дальше, в дозор, стало быть. Другая часть во главе с Угдэем ждала уже в деревне.

Люди, завидев всадников, спешащих ко двору старосты да в броне, черноволосых и черноглазых, шарахались в стороны. Женщины и бабы прятались за плетнями, стаскивая с дороги детей. И только отроки юркие, отважные, да старики с мужиками выходили за ворота, встречая остальных прибывших путников, встречая с хмурыми взорами — принесло лихое — да только сказать резких слов из них никто не решался. Оно и понятно, — Угдэй, видно, уже тут всё определил. Да и путники не со злым умыслом, оружие хоть и показывают страха ради, да не оголяют и стрелы не жгут. Потому встретить надобно как подобает. Угдэй вышел вперёд, встречать хана, а за ним и сам староста. Мужик рослый, жилистый, с крепкими кулаками, с каштановыми волосами, подвязанными налобной повязкой, в рубаше расшитой женой любящей, подпоясанный толстым богатым поясом, показывающим чин да положение его среди селян, в портах простых широких да сапогах справных, надетых, верно, по случаю такому редкому. Он внимательно оглядел дымчато-голубыми глазами пришлых, выехавшего вперёд Вихсара — того и требовалось, вождя и за дюжину сажений заметишь, и не только по одежке богатой. Один только пояс кожаный с бляшками серебряными да подвешенные ножны на нём, опасно поблёскивающие в закатных лучах солнца, да рукоять сабли, украшенная ковкой витиеватой с узором дивным чего стоят. От оружия в два локтя размером староста отлепил взор пристальный, сглотнул сухо и гулко да поклонился в пояс. За ним выбежала женщина, жена, стало быть, накидывая на ходу платок, подвязывая косы тяжёлые, и тоже поспешила земли коснуться. Как и сыновья взрослые, уже с усами, русыми кудрями и бородками. Эти стояли по обе стороны от отца и во все глаза рассматривали пришлых, внешностью мало чем сходных с местными воличами. А потом, разглядев всех до единого, задерживались их изумлённые взгляды на Мирине, что впору хоть сквозь землю ей прямо на месте провалиться. Но откуда им знать княжён, что в детинце сидят безвылазно почти под присмотром нянек, а потому не признал в ней никто княжну из Ровицы, а слух, верно, ещё не разнёсся, отряд Вихсара спешил быстрее ветра ныне.

— Здрав будь, — обронил староста хану.

Вихсар сощурился на солнце, ответил:

— И тебе не хворать.

Староста вытянулся, снова единым взглядом окинул мужей, что-то прикинул про себя, подумал и махнул рукой, давая знак сыновьям ворота шире раскрывать. Угдэй за всем проследил.

Поочередно въехали на ещё не просохший со вчерашнего ливня широкий двор, усыпанный сеном. Первым Вихсар, и только потом Мирина, а следом Тимин и двое воинов, замыкающих отряд их немногочисленный.

Мирина, наконец, после долгого пути поторопилась спешиться, спрыгнув на землю, да ударилась ступнями больно, аж в коленке отдало, да ноги онемели совсем. Вихсар хмуро посмотрел на неё и отвернулся, не обращая на неё больше внимания, будто нарочно.

Вскоре пошла суета, появились и другие женщины, видно, жёны сыновей старосты да дочери последних. Старшие полотенцами и рушниками загоняли их вглубь клетей, но те всё равно вновь появлялись, ясное дело. Глаза напуганные вперемешку с любопытством ошалелым.

Вскоре, когда уже всех распределили, кто и где ночевать станет, собрались в одной избе, где все селяне собирались на посиделки разные. Мирина, пристроившись на лавке у низкого окна, наблюдала молчаливо за всем, пока накрывали стол, выставляя всё, чем богаты. Взгляды хозяев поутихли, и девки да женщины уже не прятались за стенками да дверьми, открыто и праздно наблюдали за всем, что происходило, слушая старосту. Не каждый день валганов увидишь — это верно, свои каждодневно те же, и как тут не полюбопытствовать. Наверное, Мирине точно так же было бы интересно, смотрела бы во все глаза. Княжна молчала, наблюдая, как девицы на самого главного из них заглядывались, локтями друг дружку поддевая и хихикая в ладошки. То были девочки совсем, а у тех, кто взрослее, глаза от вида чужаков какими-то туманными делались, а на щеках румянец отчего-то пылал. Мирина тоже посмотрела на Вихсара, того кто был сейчас во внимании этих красавиц длинноколых. Вспомнила, когда увидела его впервые, он тоже заворожил, тогда он показался ей ураганом, ворвавшимся в её жизнь, разрушившим всё. Валган сидел на лавке за столом, чуть боком от Мирины, ссутулив немного мощные плечи. Тёмные пряди, чуть влажные от пекла, падали на загорелые, а в закатных мягких лучах, идущих из окна, так и вовсе бронзовые скульпы и сильную шею, такую же загорелую, обожжённую

огненным колом. Локти покоились на столе, пальцы прямые, длинные, сцепленные в замок, выказывали сосредоточение, но спокойное, идущее изнутри. Здесь, под кровом, ему будто бы не хватало места, и казалось, что на него давят стены и потолок. Своевольный, не знающий границ, он как ветер, а ветер заключить в короб невозможно. Мирина и в самом деле сказала ему там, в лесу, глупость. Такого человека ничто не неволит: ни собственные желания, ни желания других. Вихсар не замечал девиц, робко краснеющих в сторонке. Мирина прищурилась, вглядываясь пристальней будто в самую глубь этого воздушного водоворота, захотелось вдруг нырнуть и увидеть хоть что-то, понять, какими думами был озадачен он, и не поняла, когда пропало окружение да стихли голоса до глухой тишины. Она будто падала всё куда-то. Вихсар обернулся. Вспыхнули жарко тёмные глаза в прищуре, выдержнув Мирину, устремляющуюся за неведомо какой силой в пучину с бьющейся горячим ключом сердцевиной, которую, едва достигнув, она покинула. Вдыхая глубоко, будто и не дышала до этого, поспешила отвернуться, и все звуки и голоса хлынули в неё разом, возвращая в явь. И всё пошло своим чередом. Староста, попривыкнув к присутствию чужаков, всё разговаривал о чём-то, поддерживали его сыновья да жена, которая всё поглядывала на Мирину. Верно роились в голове у неё разные мысли да вопросы, но хозяйка молчала, не спрашивала ни о чём. Но это всё не касалось Мирины, всю вечернюю трапезу её не покидало ощущение того, что коснулась она чего-то сокровенного, того, чего не должна знать и видеть, и от чего пальцы мелко дрожали, и жарко делалось в груди, трепетало волнением, вызванным неведомо чем. А после хозяин встал, растерянно поклонился да вместе с сыновьями вышел из хоромины, оставляя гостей отдыхать. Девушки только мелькали за дверьми и столбами, как будто прибираясь тут, невзначай поглядывая в горницу. Перед грозой дел ещё много сделать нужно, на ночь накрыть стога сена, да живность пристроить. Гости гостями, какими бы они ни были, а хозяйство не ждёт, побьёт всё градом, и останешься на всю зиму без припасов. Вихсар проводил старосту долгим взглядом. Он по-прежнему молчал, был задумчивым, будто тяготы непосильные одолели. Мирина поспешила отвернуться, выглянула в окно, затаилась вся — что дальше? Пытаясь отринуть все мысли и тревоги, разглядывала тучи, сгустившиеся на окоёме. Они становились сажевыми, наливались чернотой и медленно подползали к златоглавому, играющему и уже не так жгущему глаза колу.

Вскоре, допивая из чары квас хлебный, вышел и Угдэй — Мирина не видела, но слышала. А потом почувствовала на себе безмолвный тягучий взгляд хана.

Княжна поёжилась, продолжая рассматривать в густоте тишины кровли изб, где обтёсанными досками крытые, а где — снопами соломы, да глиной мазанные. Несколько изб новых, ещё недостроенных, торчали за ними, зеленел меж брусьями мох — им забивали дыры для тепла большего. А у неё, у Мирины, никогда не будет дома, скитаться ей теперь по степи.

От дум её отвлёк шорох — Вихсар поднялся с лавки. Мирина ещё больше жалась, слыша приближение тихих шагов. А потом пошатнулась, когда его раскалённая до жара ладонь коснулась шеи под затылком. Пальцы чуть надавили, совершая круговые движения, и Мирина едва не обронила выдох облегчения, успела вовремя зубы сжать, так её всю окатило онемением, что даже стопы закололо иголками, будто босиком по сосновой хвое прошла. Горячие пальцы сминали твёрдо там, где требовалось, умело и точно давя на места, где усталость скопилась больше всего. Мирина выдохнула с волнением, успокаиваясь: ничего плохого не происходит. Да только полностью тяжело было расслабиться, здесь они одни, и сейчас эти руки ласкают, а следом могут сдавить, подмять под себя так, что и вдохнуть толком не успеет.

Душа у него была такая же, как и взор — тёмная, раскалённая, пылающая. Душа пламенного ветра — бурлящего, беспокойного, неистово бьющегося о стены, заключённая в земное тело. От касаний его дрожь всё же разливалась от затылка к спине, к пояснице, погружая в блаженство. Напряжённые мышцы шеи под его поглаживающей и чуть сминающей кожу ладонью смягчались, таяли, разливая по телу тугие горячие волны неги. Хотя и не должна была это ощущать, но она так устала от пути длинного, от переживаний глубоких, что кроме отдыха — свернуться на лавке и провалиться в сон крепкий — ни о чём больше не думала. Не было сил сопротивляться. И зачем он это делает? Веки отяжелели и сами собой закрывались.

Рука хана вдруг замерла, и Мирина тут же очнулась, заморгав часто, пальцы сползли на горло, обхватывая несильно, но заставили запрокинуть голову и посмотреть ему в лицо. На неё как будто ночь обрушилась, так черны были глаза мужчины.

— Иди за мной, — сказал Вихсар, пробуждая её и волнуя, будто и впрямь прикорнула всего на миг.

Он убрал руку, отступая к двери. Мирина нахмурилась.

— Я устала, — сорвалось с языка. Сказала и тут же плотно сжала губы, увидев его острый взгляд. Лучше не усугублять всё да не нарушать спокойствие, которое наступило здесь.

— Не вынуждай заставлять тебя, ты слышала, что я тебе сказал, Сугар. Поднимайся и иди за мной, — голос густой, требовательный, не просил, а приказывал, давил, не давая возможности его послушаться.

Пусть и очень хотелось здесь остаться, но лучше не гневить. Что будет, если на время перестанет бороться, попытаться плыть против течения? Но казалось, стоит ослабить волю, как пойдёт ко дну.

Вышла на крыльцо, и шум во дворе оживил разом, пробудил окончательно. Вихсар, сжав локоть Мирины, призывая следовать за ним, направился к воротам. Среди народа, одетого просто, в рубахи небелёные да порты, повсюду валганы, вооружённые до зубов, как волки среди отары. Воины хана собирались по двое-по трое то тут, то там, разговаривая да наблюдая за чужим трудом. Люди уже не шарахались от них, да всё равно опасливо косились на чужаков, что ворвались в их спокойную, тягучую, размеренную жизнь, хоть и не со злом. Угдэй, завидев хана, вышел было, поправляя оружие, навстречу, вызываясь сопроводить. Вихсар вскинул руку, останавливая батыра на ходу, и тот замер в непонимании, да потом смиренно отступил, давая дорогу вождю. Проходя мимо, Мирина ощутила, как царапнул её взгляд воина недовольный и хмурый, будто она, Мирина, виновата в том, что хан задумал выйти сейчас за ворота. И раньше её не жаловал, а теперь и вовсе озлобился будто ещё сильнее.

Княжна быстро отвела взор, растерявшись совсем. Выйдя за ворота, она шла за Вихсаром быстро, едва поспевая, валган не заболел о том, что она отставала: шаг его был широкий и свободный, словно и земли не было под его ногами. Мирина же едва не на бег перешла, ко всему мешало платье, подол путался под ногами и цеплялся то за ветвистые репы, то за сухие кусты шиповника, разросшегося везде, где ни попадя, где ему и не место расти. Шипы обдирали лодыжки, накалывали стопы.

С каждым шагом всё больше охватывало волнение — куда ведёт? Но Вихсар не разговаривал. И всякие мысли стали бить одна за другой, и ком стягивался в горле, сдавила тошнота от разыгравшегося волнения, тугими спазмами скручивая живот. Понимала Мирина, что не готова ни к чему, что бы вождь ни задумал.

Чернеющее небо со стороны деревни ещё сильнее поднимало в ней всплески сорвавшейся с узды тревоги. Сердце стучало быстро.

Вышли за околицу, Мирина обернулась. Деревня уже скрылась за высокой травой — далеко ушли. Слышала, как шушал под ногами бурьян, как грохотало сердце в груди, и её вело от нахлынувшего беспокойства. Она туманным взором смотрела в спину Вихсара, но он шагал так же размеренно и быстро, не обращая на свою спутницу никакого внимания.

На открытом солнцу луге воздух давил и душно пахло сухими травами, опаляя лицо. Голову припекало, и захотелось пить. Мирина уже начала спотыкаться, шагать становилось тяжелее. Такие дебри были кругом, что пришлось собрать края подола да за пояс заткнуть. Идти сразу стало легче, свободнее. Снова жара охватила, и спина уж взмокла от быстрой ходьбы и духоты, что опускалась на землю пластом перед грозой. Вскоре Мирина поняла, что холм пошёл круто вниз, и она заскользила по траве, успевая только и зная цепляться за высокий бурьян, обрезая ладони травой, в то время как Вихсар ловко спускался без трудностей.

Показалась серебристая гладь неширокой реки, поросшая прибрежными молодыми ивами, листья её длинные проплывали по глади, скапливаясь у высоко рогоза. Мирина остановилась, так и закаменев, когда Вихсар, отстегнув пояс, бросил его на землю у корней поваленного старого и замшелого бревна, потянул рубаху, сдёргивая с себя. Мирина, растерянная, сделала шаг назад, прячась под тень длинных гибких ветвей. Вихсар будто заметил её намерение, направился к девушке. Мирина осела на траву, показывая всем своим видом, что останется на месте и никуда не сдвинется, но от грозного вида приближающегося мужчины, покрывающего её с головой могучую тенью, дрогнуло всё внутри. Он молчал, и она — тоже. Прямо перед ней упала рубашка. Мирина сглотнула сухость. Не смотрела на него, не поднимала глаз. Следом упали и порты, и княжна видела только ноги Вихсара с тугими загорелыми крепкими икрами.

— Ты так и будешь сидеть?

Мирина сдержанно кивнула, отворачивая лицо, устремляя взор вверх по склону травянистому. В следующий миг стальные руки обхватили её, вздёргнув на ноги, да так рьяно, что оторвали её от земли. Мирина охнула, когда Вихсар перекинул девушку через плечо, что куль с зерном, и зашагал вниз по склону. Оставалось только ухватиться за плечи его, ощущая, как вся кровь прилила к лицу, запылало оно жаром то ли от испуга, то ли от стыда да бешенного клокочущего возмущения. Но даже сказать ничего не успела, как Вихсар сошёл с берега, погружаясь в серо-зеленоватые прозрачные недра реки, разбрызгивая воду. Холодные капли окатили лицо и ноги. Вихсар спустил девушку легко. Мирина, сжав зубы от холода, погружившись до пояса, нащупала мягкое илистое дно, задержала дыхание от ледяного потока. Ледяной вода только сперва показалась, быстро стала мягкой. Мирина уже была готова и впрямь окунуться, но валган не собирался её отпускать просто так. Ладони скользнули на спину, опустились под воду на пояс, сжали пальцы в кольцо, притягивая княжну к широкой груди. Мирина только тут опомнилась, вспоминая, что одежда его вся на берегу и осталась, отстранилась, попытавшись высвободиться, да куда там. Сковав её, словно в капкан, Вихсар потащил на глубину. Мирина забилась в его хватке ужом, вспыхнула злостью от такой грубости и бесцеремонности, но тут же поплатилась, миг — и он, сдавив её сильнее, окунул в реку. Вода оглушила и ослепила, а сердце едва не выскочило от студёных струй, что после дождя били сильно, вгрызлись в кожу. Вихсар дёрнул её на поверхность. Мирина захлебнулась воздухом, что обжёт горло. Забила кулаками, попадая не знамо куда, но только чувствовала твердь железа да боль, что отдавалась в локти — её удары для него, что удары горошиной. Намокшая вся, руки соскальзывали, как и ступни, дна не ощущая, Мирина извернулась, упираясь в его грудь обеими руками, вдруг выскользнула, когда его руки разомкнулись, будто нарочно, и она снова плюхнулась неуклюже в воду. Княжна вынырнула, поспешив сразу обойти его, но он преградил путь.

— Отпусти, — задыхаясь прошипела она, но хан только вновь её обхватил и теперь прижал к своему телу так плотно, что княжна ощутила его бёдра и напряжённую до предела плоть. Жар мгновенно пыхнул к щекам, окатил, и теперь вода парным молоком показалась. Вихсар склонился, губы его мокрые скользнули по её губам, лишь касаясь слегка, скользнули по щеке к уху, шепнули жарко:

— Охладись, княжна, — и вместо того, чтобы выпустить, Вихсар вновь стиснул её в кольце рук и вместе с ней нырнул.

Хватка ослабела, Мирина, оттолкнувшись, отплыла, уже потерявшись в тугих водах, вынырнула, судорожно глотая воздух, смахивая торопливо с лица и волосы, и струи, моргая часто от резавших глаза капель. Затуманенный взор прояснился, и княжна поторопилась найти Вихсара, который запропастился куда-то. Нашла. Валган отплывал от неё размашистыми гребками, направляясь к середине. Мирина, сжав кулаки, зло ударила о зеркальную гладь, пошла к берегу, выбираясь на сушу по глиняным уступам берега.

Одежда, отяжелевшая от воды, липла толстым панцирем к телу, тянула к земле, воздух теперь холодил, и по коже мурашки разбегались. Стиснув челюсти и охватив себя руками, княжна вернулась к иве, прячась под зелёным пологом ветвей, села прямо на траву, унимая внутреннюю дрожь. И в самом деле, ничего такого не случилось, чего она так взбеленилась? Мирина оглядела себя: платья больше у неё нет, а в мокром не пойдёшь же обратно. И волосы. Она перекинула косу, наспех распуская, выглядывая из ветвей. Отсюда Вихсара она не видела, но слышала всплески воды, что разносились откуда-то с другого берега. Поднялась, встряхнув мокрыми волосами, да вышла на солнце, платье посушить хоть немного. Принялась подол выжимать, да плохо получалось, пальцы не слушались, но снимать его не намерена была. Устав в конец от напрасных потуг что-то исправить, Мирина присела на поваленный дуб, уже позеленевший и почерневший по низу от времени. Осталось только ждать. Подставила лицо ещё греющим лучам жаркого кола. Бежать бы прочь, но куда? Бессмысленная попытка — нагонят, найдут. Успокоиться всё же не получалось, злость так и клокотала внутри, не унималась. Мирина тряхнула головой от разрывающих на части мыслей, от непонимания того, что делать ей, от такой близкой манящей свободы, что сейчас распростёрлась перед ней — беги на любую сторону, но чем обернётся её побег, если удастся скрыться? Не повернёт ли хан обратно в Ровицы да не совершит ли то, чем грозил, коли она ослушается? Мирина так и сидела неподвижно, тишина кругом, но бурлило всё внутри ураганом, сокрушая.

Взгляд невольно вырвал из общего вида разбросанную по траве одежду Вихсара: рубаху шёлковую да пояс кожаный, на котором висели ножны. Вдруг представилось, как она вытащит

из них нож да в нужный миг ударит. Тело всё ослабело разом, княжна оцепенела, глядя на рукоять. А потом ногой оружие поддела, откидывая прочь. Отвернулась. Не сможет, не хватит на то духа, хоть и заслужил вагановский вождь. Разве? Заслужил ли смерти такой? Мирина всё думала и не могла ответить себе честно, душила обида дикая, и на саму себя — тоже.

Лучи, вдруг выйдя из-за зарослей, ослепили её, будто в отместку. Мирина поднесла ладонь к глазам, нашла среди глади хана, но тот и не собирался вылезать из воды. Княжна шагнула в сторону и пошла по берегу, сбивая босыми ногами траву.

Луг зелёный помалу да забрал тревогу, с каждым шагом и туман смятения глубокого рассеялся, поутих. В траве княжна приглядывать стала ягоды спелые, багровые. Присела, как раньше, в девичестве, когда прогуливалась с подружками да няньками заботливыми, да принялась собирать ягоды. И совсем стало спокойно на душе. Забылась и не заметила, как Вихсар уже к берегу приблизился, выходя из воды.

Опомнилась, когда услышала уж у берега всплеск. В свете стелящихся по земле лучей жаркого кола Вихсар шагнул к ней. Мирина так и пристыла на месте, поздно опомнившись, что открыто рассматривает обнажённое, справно слеппенное из мышц тело мужчины, блестящее от влаги. Взгляд безвольно вниз упал, скользнул невольно по животу плоскому, тёмной дорожке, уходящей в пах. Мирина мгновенно подняла взор, но дыхание сбилось совсем.

Вихсар вдруг закаменел, когда не увидел княжну на месте, на лицо его вдруг тень тревоги легла. Не гнев, не бешенство, а волнение. Мирина обескураженно наблюдала за ним, понимая, что и не видела раньше его таким, возмутилась и растерялась одновременно, отводя взгляд, когда глаза Вихсара всё же выискали её среди разнотравья.

Княжна и не почувяла, как смяла в ладони собранные ягоды. Вихсар, приблизившись, не потрудившись даже прикрыться, оглядел её с ног до головы как-то жадно, иступлённо. Опустился. Капли с его тела и волос мокрых окатили Мирину. Он обхватил её запястье, притянул ладонь к лицу, разжимая пальцы, собирая губами чуть помятые ягоды. Всё в Мирине сжалось, и волна горячая хлынула по телу, обдавая словно кипятком, вынуждая сердце в галоп пуститься, а когда губы холодные коснулись ладони, кольнув щетиной, поплыло всё перед глазами.

Он обрушился на неё, как ливень холодный и бурный. Мирина только охнуть успела, когда его губы припали к её губам. Не пытались ворваться, терзая её, сминали мягко, хоть и настойчиво, но не казалось, что грубо. Меж тем ощущала на бёдрах прижимающуюся отверделую плоть, вынуждающую кровь быстрее бежать по жилам. Мирина слышала его рваное дыхание, запах речной, чувствовала на языке сладость ягод, а под ладонями — сердце горячее, что билось мощными толчками. Вихсар углубил поцелуй, укладывая княжну на траву, рука проникла под мокрую ткань платья, погладила с напором бедро, скользнув меж ног, раздвигая их беспрепятственно. Мирина всхлипнула от неожиданности ощущения на своём лоне холодных пальцев, что поглаживали её твёрдо. Огненная волна омыла её всю. Вихсар отстранился немного, посмотрел на неё, дыша тяжело, о чём-то думая. В глазах у Мирины, потемнело, с новой силой плеснула с головы до ног горячая волна и обратно, когда пальцы проникли в неё. Сама не поняла, как бёдра подались навстречу, отстранились и вновь возвратились. Она, пленённая неведомо какой силой, принимала его ласки.

— Тише... тише... — прошептал донёсся откуда-то сверху голос Вихсара будто сквозь туман. Всё перемешалось, слилось в одну сплошную нагретую солнцем реку, на волнах которой покачивалась. Охваченная волнением, переполненная чувствами разными, Мирина ощущала лишь движение его пальцев в себе, от которых тугими волнами разливалась истома, и не хотела она вовсе этого ощущать, но тело не слушалось, выдавая её всю, трепетало в его руках. Княжна не замечала, как и в самом деле потемнело вокруг, пока не хлынул холодный грозный ветер, и первые тяжёлые капли не упали на лицо. Следом раздался утробный раскатистый грохот, и земля вздрогнула, а Мирина вместе с ней. Вихсар закаменел, и в то же время дыхание его тяжёлое княжна испытывала на себе явственно. Он убрал руку, прижал княжну крепко в себе, так, что она ощутила вместе с дрожью его тела силу необузданную, едва сдерживаемую, готовую ворваться и снести всё, она была изнутри ключом. Вихсар, унявшись, отстранился.

Мирина, смущённая и растерянная, совсем отвела взор.

Ветер поднялся с такой силой, что взметнул пыль и остервенело рвал траву, закручивая в воздухе. Хан выпрямился во весь рост и отступил, Мирина сощурилась от хлеставшего потока и сама вся содрогнулась внутри неведомо от чего — от холода или от того, что ощущала сейчас

тяжесть внизу живота. На плечи её опустился рубаха. Вихсар поднял княжну с земли, словно куклу тряпичную, податливую, да она и впрямь потерялась, не могла сама что-либо сделать и сообразить.

— Пошли, — велел он, потянув за собой.

Обратная дорога была быстрой, Мирина только чувствовала, как клубы и массивные пласты туч ворочаются над ней, давя на макушку и плечи, вынуждая припасть к земле и не шевелиться.

— Не бойся, — сказал Вихсар, сжимая её за плечи, вынуждая идти так же быстро, как и на пути к реке, только теперь он был рядом, близко. И Мирину оглушал больше не гром над головой, что проникал в самое нутро, сотрясая всю, а близость валгана. Хотя и раньше он был близок к ней, но теперь будто сильнее, внутри оказался, шатая всю её стойкость. И это сбивало с толку. Они вбежали под крыльцо, когда мощный порыв ветра хлопнул воротами и сорвал сена клок с ближайшей крыши. А следом хлынул стеной ливень. Грохот вынудил закаменеть на месте. Мирина вглядывалась в серую занавесь, что поглотила всё кругом, но не она её волновала, а близость Вихсара, жар его тела, волнами проникающий и окатывающий её.

— Заходи, переоденься, — вдруг вырвал из оцепенения его голос.

Мирина сжала плотнее ворот рубахи и, развернувшись, пошла в глубь избы.

Внутри уже горела лучина, приготовлены были и постели на лавках вдоль стен. Поняла, что кроме неё и Вихсара тут больше и не останется никто ночевать. Княжна прошла к своей лавке, где лежал её мешок с вещами, скинув одежду мокрую, отыскала сухую рубаху в узле, переоделась, расчесав влажные спутанные волосы, всё поглядывая на дверь, но в неё так никто и не вошёл. Высушив немного волосы, скользнула в холодные недра постели, сжалась, отворачиваясь к стене, только теперь почувствовала, как внутри всё дрожит неведомо от чего. Прислушивалась к звукам снаружи, но слышала только бесконечный грохот дождя о закрытые теперь кем-то ставни и кровлю. Всколыхнулась искрами злость в душе за то, что позволила ему так легко касаться себя, и тут же осыпалась золой, не находя больше никакой силы.

Утомлённую и вымотанную вконец непрерывной борьбой Мирину помалу да одолела сонливость, и веки начали безнадежно смежаться. Она уснула, так и не дождавшись прихода Вихсара. Да ей и не нужен он был, хоть и непонятно какая сила обуяла её там, на берегу. Она не готова принять его. И никогда не будет готова. Он для неё враг, разрушавший её всю изнутри.

Глава 12

Дождь лил хлестко, остервенело, буря поднимала потоки капель, размётывая их по опустевшему, погрузившемуся в туманный сумрак двору. Капли залетали на крыльцо, обрызгивая ноги Вихсара. Он стоял, прислонившись спиной к столбу широкому, скрестив на груди руки. Взгляд его скользил то по избам с высокими подклетьями и погребам, с окнами, через ставни в которых просачивался свет горящих лучин, то по небу, цвет которого теперь был желтовато-серым. По нему, низко нависая над деревней, тяжело плыли тучи, и в их недрах сухо и бесшумно вспыхивали молнии уже где-то вдали. Завтра дороги будут непроходимые, идти придётся ещё медленнее. Внутри до сих пор ещё клокотало всё, и деваться от сжигаемого желания было некуда. Не охладили ни вода холодная, ни ненастье. Сейчас Мирина была так близко и вся его — мог прямо сейчас войти и взять её. Но княжна не была ещё готова к тому, хотя на берегу, когда сжимал её в руках, целуя сладкую и в то же время чуть солоноватую от пота нагретую солнцем кожу, тогда ему показалось на миг, что она тоже желает его, что ей приятны его ласки и мешает только мокрое платье, а следом и надвигающаяся гроза. И Вихсару было плевать, он не остановился бы, но помнил о своём обещании и не намерен был её пугать. Он даёт то, что она просит — свободу в своих чувствах и желаниях. И что-то в нём самом перевернулось, изменилось. Когда видел её полные гнева глаза, он переставал понимать себя. С одной стороны, ему до остроты ножа хотелось разбить весь этот лёд в ней, добраться до самого сердца, заставить биться его, поэтому и в воду потащил. Она испугалась, конечно, но остановить себя в тот миг он просто не смог никак. Её непроницаемость, неприступность, с которой она отвергала его, вызывала в нём ураган бешенства и вместе с тем делала бессильным. Это страшно злило, до дрожи, до скрежета зубов.

Она такая разморённая, мягкая, податливая, как воск, таяла, сидела тут, в этих стенах, смотрела на солнце, которое касалось её кожи, и глупая ревность взяла: почему он не может так же касаться её? Почему она смотрит на солнце, а на него — нет? Будто пустое место. И он хотел до ломоты чувствовать её, видеть плавные, как лоза, изгибы упругого тела, и возбуждение нарастало до горько-кислой оскотины на языке. Как смог остановиться, не слиться с ней в одно целое, непонятно.

Он оставил её на берегу, чтобы проверить, насколько она жаждет свободы, хотел посмотреть, убежит или останется, и оружие оставил для этого. А когда выходил из воды, не увидев её, испытал такую ядовитую смесь чувств, что в груди выело сердце. В один миг он представил, что сделает с ней, когда найдёт. Резанула, будто ножом по животу, ревность. И он ревновал её к свободе. Она не может быть свободной, она должна стать его вся. Целиком. Стать частью его, его кровью, огнём в сердце. Жизнью. Душой.

Угдэй прав, он всё же сходит по ней с ума. И ничего не может с этим сделать: ни вырвать её из себя, из мыслей, ни задушить чувства, что вызывает княжна. Да и не хотел. И её дыхание обрывистое, и голос чуть хриплый, уставший, и вместе с тем такой откровенный, оголённый, проникал в самую глубь, поднимая в нём вихрь. И всё же? И всё же почему не попыталась сбежать, убить? Ведь столько ненависти порой от неё чувствовал и видел. Испугалась за родичей? Это осознание огорчало и страшно гневало. Как удержать её возле себя? Впервые не женщины привязываются к нему, а он пытается это сделать, привязать.

Теряет голову от её запаха, от глубокого омута голубых, как вода, глаз. Хочет её сильно, до острой боли. Не может смотреть даже на других девиц, которых было здесь достаточно, чтобы снять пыл. Если бы он пожелал, любая бы сейчас оказалась в его постели. Он не хотел, замечая, как те бросали взгляды в его сторону. Вихсар их ловил, но они больше раздражали его, чем вызвали желание. Он хотел видеть такое же, как тело сейчас в нём, одержимое желание в глазах Сугар.

И всё же там, на берегу, это была хоть и незначительная, но победа, пусть мимолётно, но она хотела его, он почувствовал это, когда пальцы его проникли в неё, лаская плавно и трепетно. До сих пор ощущал тепло её лона и то, как сжимала она его, подаваясь вперёд, и какими невероятными усилиями он убеждал себя не обрушиться на неё. Вихсар знал, чуял, что ещё не время. Рано или поздно получит своё, а если нет, тогда...

Он выдохнул, выныривая из раздумий, улавливая посторонний шум со двора. Из соседней, пристроенной избы, накрывшись с головой плащом, шагал Угдэй. Поднявшись на крыльцо, он встал рядом, тоже устремляя взор сквозь дождь, во двор. Вихсар знал, что тот хочет ему сказать. Угдэй не желал останавливаться среди воличей, всё опасался чего-то. А Вихсар хотел сделать приятно Мирине, в первую очередь. Это его желание. И плевать, что думает об этом Угдэй.

— Завтра трудно будет идти, если всю ночь будет дождь, придётся задерживаться, чтобы обветрило, — проворчал друг.

Вихсар выдохнул, опуская взор в пол деревянный, нахмурил брови.

— В этой деревне живёт всего-то людей, что на каждые два воина по одному старику, кого ты тут испугался?

Угдэй тоже глянул на него хмуро, пошевелил плечами. Вихсар, резко отлепившись от столба, откинув ещё влажные волосы со лба, отошёл к краю крыльца, и дождь заморосил на ноги гуще. Положив руки на бёдра, вождь глянув вверх, в непроглядную хмарь тёмную. Чрезмерная опека батыра расшатывала, он берёт на себя слишком много.

— Мы недостаточно далеко отошли от городища, задерживаться здесь не безопасно.

— Ты думаешь, погонятся? — Вихсар обернулся, раздражаясь излишней мнительностью батыра.

Княгиня отдала Мирину сразу, и два раза просить не пришлось. А больше и некому идти за ней, но Вихсар, ответил другое:

— Если бы хотели нагнать, они бы уже нагнали.

Угдэй пронизал взглядом, раздумывая и мрачней ещё больше.

— Ты их недооцениваешь, Вихсар. Я всё же думаю...

— Хватит, — оборвал его резко вождь.

Батыр смолк, блеснули только в сумраке тревожно глаза. Кому отбивать княжну? Малолетним братьям, одному из которых, если бы не вступилась Мирина, голову бы уже открутил? Да и за одно княгине, которой, как оказалось, до судьбы Мирины не было дела.

— Я не понимаю, чего ты требуешь, Угдэй, мы всё равно бы остановились на ночлег и так же медленно передвигались. В чём причина твоих тревог?

Батыр сжал крупные челюсти, чуть приподнял твёрдый подбородок с длинной чёрной бородкой, сплетённой в косицу, посмотрел потемневшими, чуть широко расставленными глазами на вождя.

— Причина в непонимании. Я не понимаю, зачем она тебе нужна, хан, — честно признался Угдэй, да только эта честность не по нраву пришлась Вихсару.

Он отошёл от края крыльца, покинув своё место, приблизился к батыру, нависая над ним.

— Запомни, Угдэй, мой выбор не должен быть поставлен под сомнение. Или ты ещё до сих пор не понимаешь, что это не просто девка, это моя будущая жена?

Угдэй выслушал внимательно, поразмыслил, и глаза его потускнели разом.

— Я понял тебя, хан Вихсар, — чуть склонил голову, уясняя сказанное.

— И впредь, Угдэй, я больше не желаю слышать с твоей стороны упрёков, иначе, — он придавил его взором, надвигаясь, — иначе, пусть ты мне и близкий, как брат почти, ты отправишься вслед за Атланом к хан Бивсару.

Взор Угдэя сделался растерянным.

— Прости, я позволил себе быть непочтительным с тобой, твоя воля — моя воля, — склонил он смоляную голову ниже. — Твоя сила воистину велика.

Но Вихсар не мог простить, подступил ближе.

— За такие слова, батыр, я бы мог вбить в твои пятки гвозди, привязать тебя к лошади и заставить идти следом.

Угдэй сглотнул, мрачней ещё больше.

— Если бы не знал тебя так долго, то я бы это исполнил уже давно.

— Я благодарен твоей терпимости, Хан Вихсар, — отозвался батыр, хмурия лоб.

Вихсар, понимая, что распаляется вновь, и что дрожь начала снова его колотить, отступил.

— Иди, — кивнул лишь, поворачиваясь к стене дождя.

Всё же вымещать свою злость и негодование на своего ближника недопустимо, сейчас Вихсар мог крушить всё без разбора и не хотел допускать, чтобы им управляли чувства, чтобы они диктовали ему принимать бездумные решения. Батыр и так всё понял, по крайней мере, вождь видел это в его глазах. Терять верных преданных людей он сейчас не мог. Вихсар сощурился, наблюдая, как удаляется Угдэй, задумался надолго. Всё же как ни скверно, а батыр прав — нужно поторопиться.

Дождь начал стихать, пока не прекратился совсем, с кровли только капало беспрерывно. Целая ночь впереди, а спать совершенно не хотелось. Да и не уснёт, зная, что она рядом. Вихсар сорвал рубаху, которую княжна повесила на перекладину, когда заходила внутрь, надел её быстро и сошёл с невысокого порога в деве ступени на сырую землю, холодную. Нашёл Тимина в стойле, велел ему взнуздать жеребца. Отрок справился быстро, и вскоре хан, поднявшись в седло, пустил скакуна со двора за раскрытые Тимином ворота. Напоследок он всё же приказал мальчишке приглядывать за избой, где спала Мирина, и если что, за Угдэем бежать. Выслушав, Тимин кивнул. Всё же хорошо, что он его взял, мальчишка расторопный и понятливый. Поддев пятками бока поджарые, Вихсар пустил коня по склону, выезжая за частокол, хоть и быстро не получалось по расхлябанной и размытой ливнем земле, от копыт так и отлетали брызги да комья земли.

Дозорных он нашёл сразу по тлеющему у опушки леса костру. С другой стороны от деревни и реки золотил небо тускло другой очаг — местное святилище селян. Вихсар помнил, что воличи перед празднеством плодородия огонь возжигают и днём, и ночью своим богам, и если погаснет он, год будет ненастной. Сейчас огонь горел. Свежий ветер и морось стылая будоражили, хоть рубаха вновь стала мокрой, как и волосы, но это нужно было ему, чтобы вырваться из пожара, охватившего его.

Достигнув становища, хан спрыгнул наземь прямо в мокрую полынь, намочив и штаны.

Стреножил коня, пустил его по холму, ведь сам вернётся только к утру.

Всё было тихо, и это подтвердили дозорные. Зря Угдэй воду баламутит, излишне напускающая хмари. И без его пустых опасений тошно.

Вихсар пробыл на становище возле костра всю ночь, так и не сомкнув глаз, наблюдая за деревней, что раскинулась в низине луговой, покрытая густым сумрачным туманом, наблюдая за тем, как тучи начали расходиться, а трава становилась постепенно седой от обилия росы, стелилась, колосаясь, по взгоркам и склонам. Постепенно светлело на востоке, небо там окрашивалось зеленовато-серым цветом, утыканное редкими тусклыми звёздами. Но внимание Вихсара всё время возвращалось к Игше. Там, в деревне, в одной из изб в сухости и тепле спит княжна. И так тянуло его к ней, с такой невероятной силой, что в какой-то миг Вихсар, не стерпев, поднялся с расстеленного на хворосте кожуха, велел дозорным ждать его на развилке. Как только край светила показался, поймал жеребца, что щипал неспешно траву сочную, распутив ноги, вскочил в седло и пустился обратной дорогой. Земля всё же отвердела за ночь немного, по крайней мере, копыта не скользили по грязи, значит, не таким и трудным будет дальнейший путь. И всё же необоримое желание увидеть Сугар и прижать её к себе возрастало с каждой минувшей саженью, и учащалось биение сердца от жажды почувствовать её всю, и даже слетела вся сонливость, которая всё же одолела его под утро.

Петухи громко голосили, лай собак, что чуяли чужаков, не смолкал, а теперь и вовсе доносился из каждого двора. Кровь вскипела мгновенно, когда он, облившись водой на задворках, смыл грязь с ног, вошёл в тёплую, тонущую в густых сумерках хоромину.

Окутала тишина, на миг взяла тревога, да грянуло сердце о рёбра, когда хан глазами жадно выискивал Мирину в полутьме, пробежав взором по пустым лавкам, и не нашёл. Направился дальше, быстро откидывая полог. Там и лежала на постели Мирина. Тёплая, сухая, манящая до одури, и дыхание сбилось, будто разом захмелел. Горячая волна окатила Вихсара с головы до ног, как и вчера, когда она оказалось в его руках. Он всю её ощупал взглядом: и стройную ногу под задравшейся рубахой, и округлые бёдра, и грудь, что мерно вздымалась и опускалась. Он отчётливо видел набухшие туго, словно бутоны, соски, что проступали через ткань, а из полуоткрытых губ выходило тепло, и хотелось прильнуть к ним, выпить его.

Княжна вздрогнула, почуяв видно чужое присутствие, разлепила ресницы, да тут же села, подобралась вся. Понадобилось мгновение, чтобы суметь сохранить расстояние и совладать с собой, глядя в эти ещё затуманенные со сна глаза, на размягчившиеся губы, порозовевшие от мгновенного притока крови.

— Просыпайся, Мирина, скоро выезжаем, — сказал, остро желая взглянуть на её тело прямо сейчас, вытянуть из тонких пальчиков одеяло, сдёрнуть рубаху. Вновь обожгла ревность. Ему просто необходимо немедленно, сей же миг убедиться в своих догадках.

— Тебя касался кто-то ещё с того времени, как ты сбежала от меня?

Мирина хлопнула ресницами, упершись в хана непонимающим взглядом, верно лишившись голоса.

— Отвечай, Сугар, — голос прозвучал гулко и протяжно.

Она молчала, и молчание это затягивалось, и его разрывало в клочья от ярости и возбуждения одновременно. Вихсар вспыхнул пожаром в миг, будто масло в костре, сжимая кулаки, чтобы не рвануть её на себя и не вытрясти ответ. А потом пронзить пальцами её волосы, впиться в эти розовые губы, опрокинуть её на постель, завладеть её телом, выбивать стоны, ответ, клятвы, его имя — всё.

Дыхание стало свинцовым. Кровь бухнула в виски, жидкий сплав жара опустился вниз живота, Вихсар качнулся под его напором, сделав шаг. Мирина вздрогнула, выставив ладонь вперёд, будто пощёчиной обожгла.

— Нет, — резко сказала она недрогнувшим голосом, смотря пронзительно.

Неужели пташка разозлилась? Это хорошо, лучше злость, чем страх и потерянности.

— Никто не касался, — уверила она.

Вихсар вытянулся, унимаясь невероятным усилием, туго втягивая воздух, пропитанный её запахом. Он поверил. Он знал, когда она ждёт — цвет её глаз темнел, словно грязным делался.

— Хорошо, — сказал он, отступая, но добавил: — Если это случится, Сугар, то за себя я уже не в ответе, — сказал и отступил, задёргивая занавес.

Вдох, выдох, резь в паху. Прошёл к столу, подхватывая крынку, слыша, как зашуршала ткань за пологом. Испив перчёного сбитня, отставил посудину, направился к выходу. В сенях уже ждал Тимин с чистой одеждой и сухими сапогами.

Снарядившись вновь в броню, Вихсар вышел во двор, где уже сновали его воины во главе с Угдзем. Кони уже были взнузданы, выведены к воротам. Вышел и староста со своими рослыми

сыновьями — проводить. Нынче им спалось беспокойно, да и спалось ли вообще? И духом-то приподнятые были от того, что ватага валганов уезжает. Смущённые робкие девицы, что выбежали проводить чужаков — влетит им потом от родичей — глазели из-за створок и столбов крыльца, вжимаясь в них, но волновала вождя другая. Облака плыли по синему, напоённому солнечным утренним теплом небосклону чистыми белыми перинами, воздушно и легко, гонимые ветром, который вдруг поднялся. И было ощутимо холодно и промозгло, как, впрочем, и вчера. Но сегодня ливня не будет — дым от печных труб и костров поднимался ввысь.

В тёмном проёме двери Мирина блеснула, будто холодный луч света. Староста и сыновья его разом головы повернули. Вихсар, расстегнув ворот своего плаща, направился к ней. Возвышаясь, посмотрел в замутившиеся, словно дождём, и такие же недостижимые, как небо, глаза, почему-то покрасневшие. Губы подрагивали. Расстроена тем, что уезжает, покидает деревню, или всё же напугал её опять? Она отвела взор. Расправив плащ, Вихсар накинул его ей на плечи.

— Посмотри на меня, — потребовал вождь.

Мирина вздохнула коротко, поворачиваясь: взгляд резанул жесткостью. Бархатная её кожа, от сна свежая, белая, манила прикоснуться. Вихсар и коснулся, погладив, очерчивая скулу и подбородок.

— Пошли, — развернулся он, сходя с порога.

Пройдя мимо столпившихся воличей, что молча наблюдали за чужаками, Вихсар подвёл княжну к лошади, приготовленной для неё, забрал из её рук вещи, закрепив на седле, повернулся к девушке, посадил её в седло, подал узду.

— Может, в телеге поедешь?

Там и в самом деле было бы удобно, можно даже прилечь, всё не в седле мотаться да по кочкам скакать. Но Мирина только с упрямством вола качнула головой, отказываясь. Он, пропустил мимо её упорство, с которым она отвергала любые его слова.

Угдэй угрюмо окинул вождя взглядом.

Громкий женский крик вынудил остановиться на полушаге, хан обернулся на столпившихся воличан. С порога торопливо сбежала женщина, таща за собой девку, видно дочь. Та упиралась, но тут же женщина дёргала её за косу, и ей приходилось слушаться. За ними сошёл и мужик плечистый, но щуплый, с длинной бородой с пронизью седых волос. Женщина вышла к старосте, ткнув пальцем в собравшихся в дорогу валганов.

— Снасилъничали девку нашу.

Староста аж вытянулся весь, лицо побелело, и опали плечи. Он остро взглянул на Вихсара. Хан смял кулаки, посмотрев на своих воинов, окидывая гневным взглядом.

— Кто? — спросил лишь.

И повторно спрашивать не понадобилось. Вышел молодой батыр Агша. Его хоть и охватил страх, а держался с твёрдостью камня.

Вихсар подошёл к нему почти вплотную, оглядывая. Выяснить, как всё случилось, он не был намерен, часто случалось такое, и девок порченных могло оказаться куда больше, но видно глупая баба хотела наслать на себя беду. Вихсар глянул на девку с русой, растрёпанной ещё со сна косой. Измученной она не выглядела, зарделась вся, глаза прятала от позора.

— Забирай, — велел он коротко молодому батыру.

Толпа охнула, подобрались мужики, груди выпятили, переглянулись возмущённо.

— Никуда не пушу! — взрыдала женщина, бросаясь к подступившим воинам, да только она не помеха им была. Отлетела в сторону вмиг.

Вихсар отвёл взор, не желая смотреть на это всё, да вдруг наскочил на взгляд Мирины, и его словно стрелой пронзило от её боли и страха.

Девку отвоевали, но легко не получилось — кинулись остальные селяне, похватав кому что под руку подвернулось: колья, топоры, вилы. Вскипая бешенством, Вихсар оголил саблю, в два шага оказавшись возле самых отважных, то ли братьев, то ли просто близких по родству мужиков, приставил клинок к горлу старосты. Тот лицо отворотил, да не посмел шелохнуться, пыхтел, как печь, покрасневшись от злости.

— Ты должен меня благодарить за то, что я забираю твою опозоренную девку, которая отдалась воину, не подняв на уши деревню. Она станет ему законной женой. Вели своим поумерить пыл.

Староста сглотнул сухо, судорожно, косясь на сияющую в утренних лучах острую булатную сталь, что вдавилась в его шею так, что кровь потекла по шее капля за каплей. Он моргнул, соглашаясь.

Вихсар не спешил прятать оружие, окидывая взглядом всех. И больше всего не хотел, чтобы сеча началась, в которой могла пострадать и Мирина. Это заставило рвущийся наружу гнев остыть.

— Назад все! — гаркнул староста. — Безумцы.

Позеленели от гнева и кипящей через край ненависти лица воличан, да только пришлось отступить. Воспрепятствуй — сожгут всю деревню, и тогда в полон придётся идти всем: и малым, и старым, которые в пути и не вытянут долго. Отступили, расходясь.

Девку затолкали на телегу, та, осознав случившееся, зарыдала в голос, и пришлось укрыть её с глаз долой тряпками.

Вихсар вскочил в седло, Тимин быстро подал хану повод, побежал к обозу, где стояла его лошадь.

— И впредь воспитывай своих дочерей как следует, а не можешь — следи.

Хан окинул взглядом бревенчатые высокие избы с окошками шириной в одно бревно, столпившихся селян в просторных одеждах с вышивкой обильной вместо брони, всмотрелся в ожесточённые лица мужей и женщин. Отвернулся, пустив жеребца к воротам, зло подгоняя хлыстом. Раздалось гиканье Угдэя позади: валганы тронулись с места, покидая ставший слишком людным и враждебным двор. Как всегда, замыкал вереницу обоз, едва поспевающий за всадниками. Вихсар гнал скакуна, не давая покоя.

— Что ты на меня так смотришь, Угдэй? — не выдержал Вихсар, держа во внимании батыра, ехавшего рядом.

— Хан Бивсар за такую дерзость забрал бы всех женщин, а деревню бы сжёг. Теперь они разнесут сплетни о том, что валганы слабы. Нужно было стереть эту деревню в прах. Вихсар усмехнулся, поворачиваясь к батыру — такой глупости от него он ещё никогда не слышал.

— Разве ты считаешь меня трусом, Угдэй? Думаешь, что стану замечать следы? У меня достаточно женщин. А эта деревня скрыла нас от дождя. Я не считаю себя могущественнее великого Тенгри. Если ты просишь воды, не нужно зарывать колодец, может случиться так, что ты вновь захочешь пить. Всему нужно знать меру, Угдэй.

Батыр смолк, поникнув, оставив всякие попытки оспорить слова вождя.

Как и договаривались, на развилке встретила и присоединилась другая часть войска. Собравшись вместе, валганы повернули коней с большака вправо, устремляясь к лесу, оставляя позади деревню Игшу, которая нынешней ночью стало для чужаков пристанищем. Дорога совсем пропала в высокой, сочной, напитавшейся влагой траве. И путь предстоял долгий, но главное сейчас — лес минуть, а там до реки Иржи недалеко, где пересекут на ладью. Вихсар шумно вдохнул, выдёргивая себя из задумчивости. Собрал в кулак повод, приостанавливая скакуна, осматриваясь. Они уже ушли на огромное расстояние от деревни, но луг простирался бесконечным зелёным полотном, открывая отряд глазам и небу, вынуждая ощущать себя уязвимыми. То ли подействовали слова Угдэя, но не заметно как, а тревога подкралась, охватила, заполняя грудь смутными чувствами. И когда он стал таким беспокойным?

Батыр, что ехал рядом, так и водил по сторонам напряжённым взором, будто ждал за очередным перекатом холма опасности. Тревога передалась хану, видно, от него. Что б его! Вихсар вновь резко ударил пятками скакуна, рванулся вперёд, вынуждая всю вереницу собраться да поторопиться. И вовсе не за себя беспокоился. Страх того, что кто-то попытается забрать у него Сугар, гнал с бешеными токами кровь по жилам, вынуждая неметь от одной только мысли о том. Вырвет горло каждому, кто попытается это сделать.

К вечеру вновь набежала хмарь, но тучи не уплотнялись клочьями, просвечивались, и сквозь них падали, дробя воздух, закатные лучи, выхватывая пятнами света расщелины да лощины, поросшие густо колючим татарником да чертополохом. Мирина он видел теперь где-то почти в конце вереницы, потом и вовсе из вида потерял, пришлось послать Тимина, узнать, что там происходит. Мальчишка вернулся быстро, рассказав, что княжна пересела на обоз к воличанке.

Это не понравилось сперва, но потом понял, что так оно и лучше будет. Не будет чувствовать себя одинокой здесь.

Вскоре, как стало смеркаться, и густые тени тяжёлыми холодными пластами стали ложиться в лядинах да рвах, отряд вышел к лесу. Всполохи закатные освещали макушки сосен, делая стволы ярко-рыжими, а корни полосой погружались в мглу. Следом бледным мазком на синем небе проявлялась радуга — где-то всё же моросило. По приближении к чащобе стали доноситься стук дятлов и пение кукушек, но и они смолкли, как догорел закат, и последние отблески погасли в массивных недрах воздушных облаков.

Валганы разбили сразу с десяток костров у самой стены частокола древесного. Угдэй послал дозор, на этот раз большую часть воинов. Остальные споро разбивали лагерь, таскали сушняк, да в лес уходили на охоту за свежим мясом. Приготовления к ночлегу заняли в этот раз много времени из-за сырости. Взятую воличанку устроили в палатке под присмотром воинов — мало ли, какую глупость может совершить, вред учинить, а сейчас каждое оружие, каждая лошадь и палатка были на счету. Мирина же вновь схоронилась в шатёр.

Вихсар, стащив с себя броню, обмылся в лохани ледяной водой, смыл пот и усталость с дороги, переодевшись, устроился со своими ближниками у костра, разговаривая о всяком, но с каждый выпитой чарой смородинового вина сон так и не шёл, хоть расслабились мышцы, сбрасывая напряжение, и чем более темнела ночь, чем сильнее возрастало желание увидеть княжну, которая снова затаилась под пологом шатра и не выходила. И эта одержимость беспокоила его с каждым шагом по мере приближения к пологу. Хан остановился.

Он вошёл. Запах еловый разнёсся по шатру.

Мирина резко повернулась, когда откинулся, зашуршав, полог, да так и сжала гребень в руках, поднимаясь с лавки. Вихсар скользнул взглядом по волнистым прядям, что скрывали плечи, струились по спине и бёдрам. Он помнил их мягкость. В последнее время волосы она заплетала в косу, прятала.

Мирина вытянулась вся, смотря прямо в глаза, как всегда, нерушимо, и ему это нравилось.

Такая и должна быть его жена и княжна.

Вождь прошёл к пылающему очагу, протянул руку к огню, но не ощутил жара, ведь он сам был как костёр, как раскалённый сплав железа, и стало здесь душно. Мирина, сосредоточенная, прямая, замерла на месте.

Убрав руку от очага, Вихсар повернулся, медленно пошёл на княжну — она притягивала сильнее огня. Хан приблизился, забирая из пальцев гребень, бросил на лавку, пальцами заправил её густые волосы за её плечо. Гладкие, как шёлк, как осязаемый луч солнца, они скользнули прохладой по его руке. Вихсар провёл пальцами по бархатной шее, чувствуя, как бешено бьётся жилка, погладил мягко, унимая её волнение. Приблизился ещё, заключив её в кольцо рук так тесно, что плоть, упиравшаяся в жёсткую ткань штанов, теперь вдавливалась ей в живот, и ладони Мирины легли на его грудь в попытке отстранить. Сугар всегда была скромна. Он наблюдал, как она смущается и краснеет, и это возбуждало его ещё сильнее. Как мужчину она знала только его и должна принадлежать только ему. И откуда сколько упорства? Но только оно было бесполезным, и княжна это знала, даже не понимая до сих пор, что полностью его. Наивная.

Он на миг выпустил её, поймал руки за тонкие запястья, сдёргивая с груди, отвёл за спину, тем самым вдавив её в себя плотнее, лишь бы только унять этот пожар хоть на немного.

— Расслабься ты, наконец, — велел он.

Мирина моргнула растерянно, но послушалась, обмякнув вдруг и затаившись. Дыхание её обожгло его впадину между ключицами. Он склонился к её шее. Мягкие струи волос огладили лицо. Вихсар жадно прильнул к её нежной коже губами, стискивая её всю в руках, втягивая запах её кожи, кажется, цветов липы. Сжав подбородок пальцами, повернул к себе, впиваясь в её раскрывшиеся для поцелуя губы. Он пробовал их, мягкие, влажные, тёплые, он ласкал их, сминая, чуть прикусывая, вбирая в себя, вторгаясь языком в горячий нежный рот, сплетаясь с её языком. И она отвечала, призывая углублять поцелуй, погружаться в него, сплетая дыхания. Стало до саднящей остроты мало одного лишь поцелуя — капли в море его желаний, которая совсем не утолила, а раздражила, растерзала его изнутри в клочья.

Вихсар иступленно толкнулся бёдрами, сплетая свои пальцы с её, свободной рукой огладил спину, мягкие округлости, протиснулся между её бёдер, вынуждая княжну прогнуться — там

было всё жарко. Мирина затрепетала, когда через ткань он с напором погладил её, влажную, упругую, и его как кипятком ошпарило — она его тоже хочет. Удерживая её будто в тисках, он пальцами заскользил сначала медленно, твёрдо, потом всё быстрее. Его свело от возбуждения, крупной дрожью заколотило. Вихсар убрал застывшую руку, прекращая ласки. Хоть и хотелось до зверского безумия, хотел невинную сияющую Сугар и твёрдую, как лёд, Мирину, хотел всю её целиком. Сделался весь каменный, тяжёлый, как его естество, налитое, разбухшее от неуголённого желания, осушавшего разум. Он сжал зубы, продолжая смотреть ей в глаза, замутившиеся и тоже от желания. Хоть она и пыталась скрыть это от самой себя, но она тоже желает его.

Мирина всколыхнулась вся, вдыхая глубоко, часто, рвано, будто только опомнившись, растеряно отвела взор, отстранилась, но он не выпустил.

— Тебя что-то беспокоит?

Княжна молчала, раздумывая над чем-то.

— Я долго буду ждать? — спросил он отвердевшим тоном, поторапливая. — Вижу, что волнует что-то, — опустил руки, обхватывая её ягодицы, притягивая жарко.

Она уперлась вся, но не пыталась вырваться, вернула на него влажный взгляд, разлепила губы, сказала вдруг:

— Пусть она здесь со мной останется, — выговорила с таким усилием, что даже пальцы её сжали его руку.

Вихсар сощурился, рассматривая её, туман, успевший замутировать ум, рассеялся.

— Нет.

Мирина вскинула подбородок, в голубых глазах расширились зрачки, делая взгляд бездонным и потемневшим, и в нём вновь заплескалась холодность. А Вихсара едва не разломило от гнева. Почему он обжигает его? Вождь туго втянул в себя воздух и выдохнул тяжело, размыкая объятия, отступил, стискивая челюсти, развернулся и вышел прочь, оставляя её.

Жар не остужала даже прохлада ночи. Неизвестно было, чего ждать от этой девицы, и что за мысли у неё. Пускать её к Сугар было ещё рано.

Он тряхнул головой, шагая быстро от шатра под сень леса, где стояла прохлада и бил неподалёку родник. Ему хотелось пить. А ещё вернуться и сорвать с неё одежду, уложить на постель и вторгаться безостановочно, взахлёб, а потом ещё и ещё. Широкие шаги по каменистой тверди, бешенное биение сердца и волна мужских голосов обрушилось на него, толкая в спину так неожиданно, что Вихсар резко обернулся, вглядываясь в темноту.

Огонь вспыхнул, ослепляя, полыхнуло в глубине становища, а сердце в ледяной кулак сжало. Вихсар мгновенно сорвался с места, пускаясь обратно к лагерю. Ещё миг назад царил тишина, а теперь войны взметнулись по становищу, как ураган, хватаясь кто за оружие, кто за броню. Достигнув костра, где оставил Угдзя, хан так и не выискал врага — глазам тот не показывался, лишь летели стрелы отовсюду.

Подхватив на ходу щит и хатангу, какие под руку попались, Вихсар ринулся вперёд, прикрываясь, успев запахнуть броню. Пара стрел ударила в деревянный заслон. Среди суматохи ничего не разобрать было, но вскоре где-то в дебрях замелькали подкравшиеся лучники. Вихсар яростно откинул щит, схватил лук, выдернув из колчана стрелу, наложил, натянул тетиву до упора, поймав взором цель, пустил. Со свистом стрела прорвала темноту, достигнув противника, пронзив тому шею. Мужик завалился вперёд покатился по глиняному склону.

— Я же говорил! — разразился батыр, подбежав к вождю. — Это воличане! Княжну пришли отбивать.

Вихсар резко остановился, глянув на друга, блеснули в свете пожара ядом глаза его.

— Где дозорные?

— Перебили всех, поняли уже, когда они подошли близко.

Глаза застелила ярость. Перебили.

— Подкрались сучьи щенки, им эти места лучше знать.

В голове всё вертелись мысли, догадки, ведь нарочно дали уйти, чтобы вдали от стен перебить.

— Сколько их? — спросил хан, отрывая взор от пожара, что перекинулся уже на другие палатки и захватил обоз.

— Две дюжины. Они из засады бьют, не выходят.

— В лес не соваться, — приказал Вихсар, — людей собирай, уходить нужно в поле, в лесу перебью поодиночке.

Да только и не пришлось никуда идти. Послышались голоса, и ватага из дюжины воличан хлынула из леса, словно рой ос. Вихсар сощурился, отталкивая батыра, поднимая лук. Одна стрела, другая, кажется, сбило кого-то с ног, в темноте не разобрать.

— Уходить нужно! — крикнул Угдэй, всматриваясь в гущу, где началось сражение.

Один за другим падали наземь поставленные в дозор валганы, пока не подоспевали другие на подмогу, выдёргивая сабли.

— Коней выводите! — крикнул Угдэй уже остальным, отдавая приказ.

Раздался женский визг. Вихсар дрогнул, но кричала взятая из деревни воличанка. Девка выскочила из палатки, побежала прочь к лесу, но тут же была схвачена Агшей, который, как ворон, налетел на неё. Вихсар огляделся. Теперь уже горел шатёр, где была Мирина. Его подкосило от страха. Мгновенно перекинув колчан за плечо, хан пустился к нему, больше не медля. Ворвался яростно под дымящуюся и освещённую огненными всполохами тканевую кровлю, закаменел, не обнаружив внутри княжну. Удар сердца, другой, пропасть, снова удар. Он выдохнул туго, переводя дыхание, развернул занавес полога, вырывая его с корнем, вышел наружу, оглядываясь, вертя головой. Грудь сдавило, словно на него обрушился огромный молот, приплюснув его совсем. Куда она делась?

Воличи уже наступали, и в гуще месива огня и стрел Вихсар увидел Мирину, выхватывая её взглядом из всполохов огня. И внутри упало всё, когда увидел, как та бежит прямо под стрелы. Он в мгновение ока преодолел десять саженей, настиг её, перехватывая поперек тела, рванув на себя так, что та, откинувшись назад, ударилась о его стан, забилась, вырываясь, скользя по песку босыми ногами. Подхватил, поволок обратно, ища в дымной завесе хоть какое-то укрытие.

— Там мой брат! Отпусти его! Не убива-а-ай! — рыдала она, пробиваясь через броню ярости, что багряной рудой расстелилась перед глазами Вихсара. — Не тронь его! Не тро-о-о-онь, — с крика перешла она на хриплый шёпот. Лицо её опутало волосами, полураздетая, она била его, разбивая только руки в кровь о вшитую под ткань сталь.

Вихсар смотрел на неё, зверея — неужели не понимает, что брат пришёл убить её, а не спасти? Он хотел это в неё втолочь, стискивая так, что лицо Мирины искривилось от боли. Его отвлекло движение. Оторвав взор от её полных слёз глаз, он посмотрел вверх. Новый поток горящих стрел нёсся на становище. Вихсар только и успел сгрести девушку в охапку под себя, повернувшись к огненному ливню спиной. Одна стрела тут же вонзилась в землю рядом, испуская языки пламени, а следом, шипя, как змеи, одна за другой воткнулись и остальные. Удар в спину едва не сбил с ног, вышибая напрочь дыхание. Вихсар едва не завалился на княжну, потянуло что-то в бок, вынуждая скорчиться от вспыхнувшей боли. Хан невольно шагнул в сторону, утягивая за собой Мирину, чтобы уклониться, и тут очередной удар куда-то в лопатку вынудил всё же рухнуть вперёд. Дыхание исчезло, застряв комом в горле.

Мирина упала на колени, не выдержав громадного веса мужчины, хоть он и старался смягчить это падение, закрывая её собой.

Заорал где-то рядом Угдэй, кажется, звал вождя. Вихсар поднял взгляд, который стал вдруг мутиться, попытался что-то рассмотреть через взмокшие, упавшие на лицо пряди волос, да не смог — всё туманилось, дыхание стало частым и рваным. Он тронул бок, ощущая на пальцах липкую горячую влагу, что заливала его штаны. Он посмотрел на Мирину и окаменел. Кровь на её лице и платье, вся в крови. Вихсар весь обратился в холод. Тряхнул её так, что Мирина всхлипнула.

— Где? Где тебя ранили?

Взор княжны прояснился, она смотрела ему на грудь ошарашенно и потеряно. Вихсар уронил взгляд и увидел то, что так мешало дышать. Наконечник стрелы торчал под грудью. Слабость мгновенно нахлынула на него. Весь бок вспыхнул страшной болью. Он стиснул зубы, тронув обхватив железное остриё, и боль отдала в колено. Вихсар услышал приближающееся гиканье с другой стороны леса, откуда и не ждал услышать. Сквозь занавес дыма и огня видел только надвигающихся всадников. Позабыв о ранении, рванулся с земли с рыком, подхватил княжну, откинув, словно куль, в сторону, вырвал клинок из ножен. Скользящим взмахом подсёк коня первого настигшего его всадника, тот, получив рану, споткнулся, перевернулся, рухнул, давя стрельца. Вихсар развернулся, метя ударом в другого, обрушивая клинок. Противника

развернуло в седле, но не выбило окончательно. Хан нанёс новый рубящий удар верховому, полоснув его по лодыжке — больше некуда, в броне весь. Понял, что и тот его достал мечом — плечо запекло, а рубаха вся стала влажной.

— Добивай его! — крикнул издалека кто-то, мчавшийся навстречу, голос его показался вождю молодым совсем.

Вихсар обернулся, встречая ещё двоих всадников со стороны становища. Угдэй.

Не успел хан перевести дух, как перестук подков настиг со спины. Пронзительный свист, и в шею ударила жёсткая тяжёлая плеть, обив, сдавливая, вырывая остатки дыхания. Хана со страшной силой рвануло в сторону, он рухнул наземь, удар выбил саблю из рук. Хватаясь за шею, Вихсар попытался стянуть удавку, что перехватила дыхание.

Голос батыра громыхнул, сотрясая сознание, уже рядом. Лязг оружия, крики, храп лошадей и биение огня — всё перемешалось. Вихсар, сдёрнув петлю, повернулся, намереваясь встать, да тело его вовсе перестало слушаться, онемело. Он судорожно охватил единым взором чащобу, выискивая Мирину. Нашёл. Забилась под дерево. Заплаканная, бледная. Живая.

— Уходи, княжич! — крикнул кто-то.

— Поймать его! За ними! Убить! — гаркнул Угдэй напоследок.

Он рухнул на колени рядом с вождём, помогая подняться. Вихсар, опираясь на руки, рванулся с земли, да помешали стрелы, а следом боль до самой кости прошла, накрыла чёрной волной от пят до головы, будто его копьями пригвоздили к земле. Он рухнул уже без чувств.

Глава 13

Что-то громыхнуло, выдёргивая Арьяна из сна. Он открыл глаза, осторожно поворачивая голову на звук. Митко виновато оглянулся, посмотрел куда-то в сторону, не на него. Арьян не мог увидеть, не попадало в поле его зрения, кто был рядом ещё. Отрок тихо поставил дубовую задвижку, раскрыл ставни шире. Повеяло бодрящей прохладой, хлынул мутный свет, расплескался по хорошине, набирая силу. Опочивальня сразу наполнилась запахами разными и уличным глухим шумом. Арьян вновь закрыл глаза, и вновь всё замерло, почудилось, что он совершенно один.

Когда в следующий раз он проснулся, было уже совсем светло. Повернул чуть голову, сквозь ресницы выхватил взглядом женскую фигуру. То была помощница травницы Орда. Он смутно оглядел бревенчатые стены, низкий балочный потолок, сводчатую, такую же низкую, дверь. Закрыл глаза. Его перенесли в хорошину на верхний ярус, правда, Арьян так и не вспомнил, как и когда. Здесь воздух был свеж и чист, и мало солнца. Проснувшись окончательно и пошевелившись, княжич понял, что гаже и не чувствовал себя никогда.

Разбитый, раздавленный, будто по нему гружёным обозом проехали раз пять, а потом табун лошадей прошёл. Но всё же был жив, дышал так же с трудом, но дышал.

Арьян лежал пластом на постели, укрытый до груди льняным покрывалом, не открывая глаз, вспоминая то, что произошло с ним после стычки с Данимиром. Из разговоров, которые он вырывал в полубреду, княжич понял, что ранения его хоть опасные, да уберегла длань божья.

Смерть княжич впервые чувствовал так близко. У самого сердца дышала ледяным морозом.

Помнил, как заливало его холодным потом, что катился со лба, делая влажной постель, помнил, как полосовала рёбра нестерпимая боль. Травница вытащила его из нави, сумела.

Тебе покровительствуют боги, дала жизнь земля, которую предки почитали, уважали и хранили. Поделилась она с тобой своей кровью, — говорила Краймира. И много чего ещё говорила травница, но речи её Арьян не запомнил, слова целительницы в воспалённом сознании путались в клубок, будто пряжа в руках Недоли. Любые слова срывались в пропасть, опускались на мглистое дно тяжестью и ничего не значили для Арьяна. Но иногда он всё же выныривал из недр забвения, и окружение приобретало чёткость, а слова — образ, становились осязаемыми, а он весь делался тяжёлым, как глыба льдины в холодной реке, неповоротливый, твёрдый. Время растянулось в необъятную бесконечность.

— Доброе утро, княжич, — раздался где-то рядом уже знакомый мягкий голос.

Пришлось задрать подбородок, чтобы посмотреть на Ордану. Она и в самом деле была не старше самого Арьяна, тёмная каштанового цвета коса и тёмные брови, нос чуть островатый и прямой, строгий. Губы сухие не выражали ничего, и весь её вид был такой сосредоточенный и решительный, что голос мягкий для неё и чуждым был. И одета была просто: в рубаху из небелёного льна с просторными рукавами, перехваченными тесьмой на запястьях тонких, чтобы не мешали, да в юбку пышную до пола. Обычная девка, ничего в ней не было особенного, что выказывало бы в ней помощницу целительницы, обереги на шее — и те только родовые, больше ничего. Её присутствие не мешало. Девушка всё же улыбнулась приветливо и снова принялась старательно перебирать травы, умело складывая лепестки в разные плоскости. По запаху Арьян угадал чистотел и бессмертник. Всё это время, пока он был в беспамятстве, Ордана помогала перевязывать раны, смазывать и посыпать их травяным порошком, часто вытирать влажной тряпкой со лба, шеи и груди Арьяна солёный пот.

Княжич услышал шаги Данимира за долю мига до того, как брат вошёл в двери, пригибая русую голову. От его появления даже воздух пошатнулся. Арьян чуть подтянулся в постели, перетерпевая всплески рези. Где-то под рёбрами занудила тупая боль, стягивая грудь узлами. — Лежи, куда ты? — остановил его брат, приблизившись.

Ордана, посмотрев коротко через плечо на молодого княжича, отложила вдруг свою работу, торопливо подобрала суму чересплечную и, на ходу преклонив голову низко, поправляя толстую, ужом падающую до колен косу, поспешила выйти, оставила наедине братьев, только и проскользнул да растворился подол её длинной цвета еловой хвои юбки в дверном проёме. Данимир проводил её долгим взглядом, голодным, сузившимся, едва ли слона не течёт. А как же валганка, из-за которой, он едва горло не перервал Арьяну?

— А она ничего.

Арьян только глаза закатил. Братец всё туда же.

— Просто не видел её раньше, — повернулся Данимир, успевая перехватить взгляд старшего.

— Поддай воды, — попросил княжич, сглатывая сухость, отворачиваясь.

Данимир выдохнул, внимательно и хмуро оглядел распластавшегося на постели, как блин, Арьяна, отошёл. Вернулся быстро с ковшом. Помог подняться ещё на немного. Сшитые раны нещадно жалили от проделанных движений. Арьян скорчился от муки, но всё же сел кое-как. Приняв ковш, да едва не выронил его из рук, настолько тот показался тяжёлым. Пальцы ватные, бессильные, неестественно белые и совсем не держат. Это разозлило. Арьян припал надолго к питью, увлажняя студёной водой ссохшийся язык и горло, которое уже трескалось, как земля в засуху.

Данимир вздохнул участливо, забрал опустевший ковш, вернул его на место, возвратившись со скамьёй в руках. Поставил рядом с лежанкой, сел, впившись в Арьяна озадаченным взглядом. — Не знаю с чего и начать, — сказал, рассеянно пронизывая русые вихры пятаерней, откидывая их со лба.

— Кто меня нашёл? — голос раненого скрипнул, как ржавое колесо, продрал горло.

— Я, — посмотрел из-под нахмуренных бровей Данимир. — Когда разошлись... В общем... — брат помрачнел ещё гуще, — нехорошо вышло, Арьян, вернулся поговорить, а тебя нет. Хотя Митко сказал, что ты пришёл да спать лёг. И после нигде тебя не нашёл. Думал, валганы замыслили что, но тут на следы крови наткнулся... утро уже разгоралось. А отец там с ними всё сидел целую ночь, не знал ни о чём.

Говорил младший сбивчиво и скомкано, но Арьян всё равно понял, что к чему.

— Это не валганы. Если только подкупили кого, — ответил он, когда брат смолк.

— Не они, — подтвердил Данимир, вернув взор. — Это Гостиан.

Пока Данимир рассказывал о том, как кметь каким-то чудом оказался на свободе и скрылся быстро, что его до сих пор не нашли, а следом пропала и княжна Всеслава, Арьян осмысливал сказанное братом. Конечно, ради княжны, да такой умелой до ласк постельных, можно и голову потерять, но не настолько же. Зачем? Чтобы Всеслава легко вышла сухой из воды? Чтобы после случайно исчезнувшего жениха пойти за другого? Внутри закипело всё, да так, что раны, едва только ссохшиеся, заныли, а в глазах потемнело. Арьяна опрокинуло в огненный вихрь гнева, и это забрало остатки сил. Он сполз на постель, кладя голову на подушку.

— Выходит, она его и освободила, — заключил Данимир, вытягивая длинные ноги, разминая.

— А валганы?

— Уехали.

— Сколько прошло времени?

— Два дня.

Арьян закрыл глаза, пытаясь уложить всё в голове. Долго же его навь мотала. Данимир подобрался, поднимаясь со скамьи.

— Отдыхай, пойду к отцу, расскажу, что ты очнулся.

— Он знает о Всеславе? — повернулся к нему Арьян.

— Знает. Обо всём знает, — Данимир смотрел сверху и взгляд его потухал. — Я всё рассказал.

Он ждёт, когда ты окрепнешь, а там и рассудим, что да как.

Веки, ставшие тяжёлыми, вновь смежились, Арьян сглотнул, слыша удаляющиеся шаги Данимира, постепенно погружаясь в холодную тишину.

В хоромине ярче делалось, но не настолько, как в солнечной стороне терема. Арьяна бросило в клочковатую дрожь от одной мысли, что сделала Всеслава, а ведь думал, что любила его. Как смотрела, как отдавалась, а выходит, в каждом взгляде, в каждом поступке предательство и ложь. Потаскуха блудливая.

От усилий думать и держать себя вновь ощутил себя разбитым, только ещё хлеще, будто теперь на него обрушился каменный град, раздробливая по постели.

Арьян всего лишь прикрыл глаза и сразу провалился в черноту. Проснулся глубоким вечером. Тлели густо масляные светцы в глиняных горшках, разбавляя полумрак жёлтым мутным светом, погружая княжича в тягучую неподвижную тишину. Проснулся и не мог никак вынырнуть из вязкого липкого полузабытья, хотелось уже подняться, сбросить с груди тяжесть давящую, развеять свинцовый туман в голове да пойти поскорее к отцу, сказать о своём решении поехать в Ровицы. А лучше, наверняка, послать гонцов к княгине Световиде с вестью о его приезде, пока не оклемается сам настолько, чтобы в седло сесть. Надо было ещё вчера Данимира попросить это сделать, да весть о Всеславе завладела им целиком, обрушилась, как град камней, опускаясь непомерным грузом на душу. Не ждал он подлости такой от невесты, хоть и видел, что княжна сама себе на уме. В душу к нему всё заглянуть пыталась, место поскорей занять, а сама ни слова не говорила о том, что желает она больше всего, всё слабость свою показывала, им управляя, слёзы лживые лила, и как вспоминал, что она постель не только с ним делила, так омерзение брало лютее, к горлу подкатывало горечью. Точила где-то внутри эта горечь, невысказанная, не выплеснувшаяся, словно ветерок, тронувший рваные края раны — вроде не больно, а всё же неприятно.

Брат, как назло, больше не заходил его проведывать, как, впрочем, и отец. От того разрывали его думы разные, сомнения смутные, что там без него происходит, и тревога непонятная овладевала им, с лежанки едва не сдёргивала. Тянуло выйти уж поскорей из заточения да под тепло златоглавого кола и пуститься вдогонку за Мириной. Стоило подумать о ней, как глухое отчаяние брало, что не может того сделать прямо сейчас. Неподвижность собственная страшно злила, доводила до крайности, как и мучительное бессилие, которое не выпускало его, вынуждая прирасти к постели, отяжеляя голову. И стоило прикрыть глаза, как накатывала такая слабость непомерная, что княжич снова срывался с берега яви в бездну холодную, что поглощала его с головой, целиком, без остатка, как своё дитя, убаюкивала.

Воздух колыхнулся по щеке, обозначая присутствие ещё кого-то в хоромине кроме княжича.

— Отдохни, не торопись, сил набирайся, — прозвучал обволакивающий голос Краймиры.

Женщина бережно поправила одеяла, подушки, в осторожных движениях рук целительницы ощущалась забота. Скольких она уже выхаживала на своём веку? Каждое движение вселяло спокойствие, каждое слово проникало в сердце, накрывало рвущееся наружу волнение теплом, согревало.

Но вместо сна Арьяна начало снова лихорадить, а кости рук и ног — ломить, всплеснула и волна жара, бросая его в пот. А ведь думал, что отступил недуг. Краймира будто знала, что такое ещё случится, потому и здесь была, поднесла приготовленное заранее снадобье. Арьян испил вязкого, как масло, и горького на вкус настоя. Жидкость упала в нутро комом тёплым, разнося по телу мягкость, будто он лежал на нагретом солнцем песке, и его омывали прибрежные волны, умиротворяя. Веки начали неудержимо смежаться, а сам княжич стал погружаться в глубокий сон.

«Видно, трав добавила», — понял он уже на краю утихающего сознания. Тьма окутала со всех сторон разом, обрушиваясь на него безмолвием и неподвижностью. Завтра он должен подняться, приказал себе, утихая совсем.

Утро в этот раз наступило быстро. Княжич открыл глаза и почувствовал себя значительно лучше: ушла вязкая сонливость и голова уже не казалась такой чугунной, хоть и затекло всё тело от одного положения, в котором он просыпался и засыпал.

Оглядев пустые лавки и не отыскав никого, Арьян откинул одеяло, подтянулся в постели, уже сам, без посторонней помощи, пусть и двигаться мешали стягивающие грудь и рёбра лоскуты, и по-прежнему накатывала острая боль, но уже не била сокрушающим молотом, не скручивала мышцы судорогой, пусть дышать полно не совсем и получалось. Арьян сел, опуская ставшие белыми ноги на пол, и сразу закололо до колен, будто по ним еловыми ветками стегают, прилила кровь. Разлилась густая темнота перед глазами от притока её, и даже дрожь охватила руки и колени. Он подождал немного, пока умерится всплеснувшая в нём после долгого застоя буря, и, опираясь о края постели, поднялся да покачнулся вдруг в то время, как в дверь вошла Орда. Бросив рушники и лукошко на сундук, что у двери стоял, девка кинулась поддержать, перехватив за спину рукой, да разве удержала бы? Горячая ладонь правый бок обогрела.

— Рано тебе ещё подниматься, — обронила она, посмотрев вниз, на его ноги: на нём одни штаны были — исподнее из льна тонкого, и те хоть и просторные, а облегли то, что девке молодой, пусть и помощнице травницы, не нужно было видеть.

Увидев лишнее, она тут же убирала руки. Арьян, не нуждавшийся вовсе ни в чьей помощи, расправил плечи, глянул на неё хмуро с высоты своего немалого роста, видимо, не совсем ласково. Да он и не может по-другому, то ли дело Данимир, тот бы не отказался от такой помощи. Орда рассудила его взгляд по-своему, но вида не показала, не сгибаема, как осина, как и показалось ему изначально.

Расправив складки передника, Орда отступила и всё же покраснела. Сбросив неловкость, прошла бесшумно к двери, подбирая с сундука чистые полотна да корзинку со свежими травами и порошками всякими, вернулась к столу, торопливо выложила всё, собралась уходить, да остановилась, когда вновь поравнялась с Арьяном, стоявшим у постели. Бросила осторожный взгляд, стараясь не опускать его ниже груди княжича.

— Пойду, скажу Краймире, что на ноги встал ты, — бросила напоследок коротко. — Да и поесть тебе бы нужно, княжич, — пролепетала и хотела ещё что-то добавить, да только сомкнула сухие губы плотно, отвернулась, сжимая пустое лукошко, скользнула плавно к выходу, избегая пристального взгляда мужчины, которым проводил её Арьян до самой двери. Как стихли её шаги, княжич неспешно прошёл к порогу, выглянул в полутёмный, дышащий ещё большей прохладой, чем хоромина, переход, повернув голову в сторону лестничной клетки, да только никого и не нашёл в сумраке, тихо и пусто.

— Митко! — окликнул громко, и голос его гулким эхом отдался о стены.

Куда все запропастились?

Ждать оказалось недолго, из глубины терема послышались шаги торопливые. А мужчину вновь повело в сторону. Арьян вцепился в дверной косяк, сбрасывая тяжесть, что легла на него от напряжения долгого, и в тоже время ноги, чувствующие опору и твердь, помалу да набирали силу, как и всё тело, будто проснувшееся от долго сна.

Митко вбежал по ступеням мгновенно, всполошенный весь — не ждал увидеть княжича на ногах.

Да с Арьяна и довольно лежать, и так уже три дня в пропасть канули, за это время что хочешь может случиться, и от нерадостных мыслей тревога, что держалась в его сердце, с новой силой всплеснула, толкая его торопиться.

Отрок расторопно помог одеться княжичу, рассказывая о том, как проводил князь валганов.

Уехали те без шума, и то славно. Хотя их приезд навёл смуту.

— Данимир где? — спросил Арьян, застёгивая петли налатника.

— Со вчерашнего дня не видел его, — пожал Митко плечами, подавая пояс.

Арьян только желваками дёрнул — ну как с ним бороться?

Княжич подпоясался, хоть и несильно стягивая, чтобы рану на боку не придавливать — она болела сильнее, чем рубец на плече, тот оказался неглубокий, заживёт быстро.

Передвигаться получилось не так легко, как думалось изначально, особенно по ступеням.

Казалось, семь потов сошло, пока он спустился на нижний ярус, и спина вся мокрая сделалась, а рубаха нижняя так и прилипла к плечам. Дыхание силным стало, сбивчивым, когда вышел из горницы пустой в сени. Первым делом нужно было найти брата. Арьян послал Митко отыскать

его да позвать в гридницу прийти. Отрок, выслушав поручение, сбежал по порогу вниз и ринулся прочь, скрывшись за постройками.

Княжич же повернул в намеченное для встречи место. Вышел на крыльцо, погружаясь в поток прохлады утренней. Чистое, не запятнанное ни единым облачком небо уже разгоралось восходом, окрашиваясь в багрянец, но среди построек ещё гуляла стылая мгла, которую днём иссушит жар светила.

Воздух, пропитанный прелостью сена, наполнил до краёв Арьяна, вытесняя всю тяжесть, скопившуюся да забродившую в нём, как хлебный квас, заплескалась сила по телу, наполняя, боль отступила, давая место живительным токам.

Кмети детинца, ясное дело, уже все на ногах, занимаясь, кто чем, Радьяр-воевода никому спуска не даст. А потому слышен был с ристалища звон железа, а гридница пустовала. Только на столе крынки с квасом да брагой, нарезанный свежий хлеб, чем утренняячали ещё недавно воины. О том же говорил и витавший в воздухе мужской дух. Арьян прошёл перёд, шагая неспешно вдоль длинного стола, приблизился к концу, сел на скамью массивную и вспомнил невольно Всеславу, будь она неладна. Именно здесь была их последняя близость. Арьян ей верил, хотя именно тут он понял, насколько княжна изменилась, но тогда подумал, что это повлиял на неё отъезд его в Ровицы. Как он потом услышал от корчмаря Осока, Всеслава выведала всё о дочери Радонеге, вот и заволновалась, боялась потерять не его, а то место, которое, видимо, так хотела занять, да чтоб иметь под боком ещё и любовника.

Арьян сдал кулаки до дрожи. От гнева горячо сделалось в груди, а рубцы глубокие закололи, комкая княжича до размера горошины. И только мысль о Мирине прорезала сгустившуюся тьму, подступающую со всех сторон, лучом света рассеивая мглу, согревая. Стоит подумать о ней, и размягчаются тиски.

Из дум его вырвал топот в сенях. Княжич расправил ставшие жёсткими от дум тяжёлых плечи. Взгляд тусклый Данимира опрокинул Арьяна обратно внутрь, вдавив его в лавку.

— Что случилось? — приподнялся да замер: дыхание перехватилося от острой рези в боку, так и оставил попытки встать, откинулся обратно к стене, шаря взглядом по бледному, будто в омут глубокий опущенному лицу Данимира.

Брат опустил взгляд, покачнулся вперёд, но так и не смог сделать шаг, прислонился плечом к косяку двери, сжимая челюсти, мутно посмотрел на Арьяна.

— Да что случилось, скажешь ты, наконец?! С отцом что? Валганы?

Данимир только головой покачал, упал на лоб русский чуб, заслоняя серо-зелёные глаза, пустые совершенно. Только вчера старший видел его бодрым и весёлым, а сейчас что?

— Задушил я её... — ответил младший сухо.

Арьян невольно сжал пальцами края стола, на который он до того мига опирался, требуя ответа.

— Кого?

Брат вскинул на него озверелый взгляд, его раньше Арьян никогда и не знал.

— Блудницу эту, Лавью.

Арьян посмотрел на брата долго, осмысливая сказанное, отлепил так и пристывшие пальцы от столешницы, откинулся чуть назад. Данимир мотнул головой, стукнулся затылком о дверной косяк, смотря на потолок низкий и одновременно внутрь себя, заговорил:

— Не могу больше видеть, как её все... Как она, даже не сопротивляясь, отдаётся. Она меня выжгла всего изнутри. Я её увёз за стены, хотел доказать ей что-то, взял, а она смотрела на меня какими-то насмешливыми глазами и не видела даже, будто я для неё пустое место, я только очнулся тогда, когда понял, что не дышит уже.

— Где она сейчас? — спросил Арьян, выслушав его.

— У заводи, в лесу.

Арьян опустил взгляд на стол, усваивая услышанное.

— Сядь, — попросил.

Данимир повернулся к нему, посмотрел так, будто Арьян что-то непосильное попросил его сделать, сглотнул, но послушался, отлепившись от стены, побрёл к столу, опустился чуть поодаль от брата, кладя локти на стол, пошатываясь, пригнув голову. Вид его был весь помятый, волосы взъерошены, рубаха небрежно распахнута на груди, один рукав закатан, другой сбился.

— Не могу так, уж лучше пусть никому, выела всё нутро кислотой и желчью. И к тебе приревновал, да так, что готов был горло перегрызть, — посмотрел остро на Арьяна,

убедительно, голос его звучал пусто и глухо, будто каждое рвущееся наружу слово в горле зажимал, чтобы не выкрикнуть. — Ведьма проклятая, — Данимир поднял взор, глаза потемнели, сгустилась в них чернота, опускаясь, казалось на самое дно, очерняя всё там, внутри. Смотрел он надломлено, плескалось из краёв отчаяние, будто младший у самого края обрыва стоял, решая, шагнуть или назад отступить. Его смятение передалось Арьяну. Тот вздохнул тяжело.

— Я изначально знал, что связь твоя с ней до добра не доведёт, — ответил лишь, а больше тут ничего и не скажешь.

— Я не хотел.

— Данимир, я тебя судить не собираюсь, как и утешать, — смолк, сдерживая рвущиеся слова с языка, как бы хуже не сделать, и так младший на краю держится, и чего ждать от него, стало для Арьяна закрыто.

Данимир до этого глядел на Арьяна протяжно туманно, но теперь моргнул, глаза влажные сделались, пальцы рук на столе подрагивали.

— Успокойся. Поживём — увидим, что дальше.

Данимир сжал блеклые губы, стиснул челюсти, покачал головой, соглашаясь, да закаменел следом. Арьян, потянувшись к крынке, придвинул, налил в чару браги до краёв, поставил ближе к Данимиру.

— Пей.

Брат глянул как-то отрешённо, покрасневшими глазами на него, но потянулся за питьём. Шум во дворе, голоса грубые мужские и ржание коней, заставили обоих насторожиться. Арьян сразу различил выдержанный, крепкий, как настойка смородиновая, голос Радьяра, и, княжич даже привстал — Векулы. Вернулся десятник? Из Ровицы вернулся?

Арьян поднялся, так резко, что даже искры посыпались перед глазами, вгляделся в прорубы окон, только макушки деревьев увидел. Направился к двери, шагая не так быстро, как хотелось. Данимир вскочил, в след ему кинулся.

Двор уже наполнился кметями, встречающими прибывших: десятника с малой своей свитой.

Уже запирали обратно ворота. Завидев на крыльце княжича, вцепившегося рукой в перекладину, кмети опешили на миг от того, как быстро встал на ноги старший сын князя.

Разговоры о том, что нашли его, раненного, в колодце старом, не были на слуху только у самого ленивого.

Арьян молчал, ком встал поперёк горла. Почему приехали так рано, ведь велел ждать им в княжестве? Али случилось что худое? Векула тоже молчал, и лицо его всё больше хмурилось, десятник шарил по возвышающемуся на крыльце Арьяну взглядом, замечая, видно, что тот выглядит не совсем здорово. С того дня, кода они разделились с десятником, прошло полторы седмицы. Векула, опомнившись, плечо Мечеслава тронул, призывая в гридницу пройти — ушей посторонних много было.

Вместе вернулись к столу, расселись. Векула всё поглядывал в сторону княжича. Сам он был взъерошенный, уставший, видно передышки не делал, спешил в детинец. Мечеслав рядом с десятником выглядел не лучше: пыльный плащ, волосы светлые взбиты, взгляд голубых глаз рассеянный какой-то. Воин всё поглядывал на десятника, видно ждал, пока тот начнёт говорить первым, не лез, и понятно стало — весть не добрую принесли на плечах своих.

Данимир остался стоять подле них, скрестив руки на груди, и тоже ожидал, пока те отдышатся да поведают, с какими вестями прибыли.

— Доброго здравия, княжич, — поздоровался с опозданием Векула, потянулся к крынке, обхватил обеими руками да припал в краю, глотая быстро и жадно.

— Всё сделал, как ты велел, — заявил он, отрываясь, утирая рукавом усы, смотря пронзительно на Арьяна. — Прибыли мы туда, княгиня Световида нас всех за стол тем же днём усадила, потчевала. А следом валганы один за другим... Вождь хан Вихсар. Всех их она приняла, как дорогих гостей, на равных.

Арьян выслушал десятника да будто и не услышал его слов. Тот шутики шутить и не собирался, смотря остро.

— Хан Вихсар за княжной Мириной Радонеговной как за невестой приехал. Княгиня Световида согласие дала.

Арьян сдвинул кулаки, вонзая, будто гвоздь, взгляд в десятника.

— За какой невестой? Ты не спутал чего, Векула? Как «отдала»?

Данимир переминался с ноги на ногу, внимательно слушая витязей, но похоже, и он не совсем понимал о чём говорит дружинник.

— Ничего не путаем, княжич, — вступил и Мечеслав. Обхватил крынку, да только пить не стал, посмотрел внимательно, твёрдо.

Арьян поднялся, уже не управляя собой, глаза его сузились от гнева.

— Где она? Мирина где?

Десятник окинул взглядом поднявшегося во весь рост княжича, отодвинулся чуть — пришлось, чтобы в лицо тому поглядеть — ответил:

— Забрал её валгановский вождь. Оказывается, везли мы её в самые руки врагу. Наутро и забрал, как солнце встало.

— И вы отпустили?

Мечеслав было начал отвечать, но Векула его опередил, тоже поднимаясь во весь могучий рост. Грудь того тяжело поднималась и опускалась.

— Как не отпустить было? Княжна нас восвояси проводила, не позволила даже и слова сказать. «Испугалась, видимо», — ударила первая мысль. Впрочем, подобного он ожидал. Да и что, в самом деле, сделали бы Векула с Мечеславом в чужом доме, где гостями были непрощёнными? Арьян вдохнул, выдохнул, напоролся на взгляд Данимира. Тот слушал молча, но доля недоумения легла и на его лицо.

— Выходит, пока они нам тут головы морочили, вождь прямиком к княгине отправился, — рассудил он. — Вот же змей.

Только от слов брата легче не стало, напротив, так всё и закипело внутри, скручиваясь в безумный вихрь ярости с примесью ядовитого до кислоты чувства омерзения, дыхание перехватило. Под рёбрами камнем заколотилось сердце.

— Мы сразу и назад, — заключил Мечеслав, тоже поднимаясь с лавки, вытягиваясь жердью твёрдой. — Передала тебе княжна Мирина Радонеговна только благодарность за все твои хлопоты.

Арьян сам не помнил, в какой миг оказался пред Мечеславом, обдавая того плескающейся через края злостью. Мгновение-другое, бешеный грохот, врезающийся в рёбра. Голубые глаза Мечеслава налились будто свинцом, делаясь твёрже стали, и тут же угасли, становясь мутными. Пошевелился рядом Данимир.

— Я пойду за отцом, — отступил он, разрывая молчание.

— Не нужно, Данимир, — раздался в дверях голос Вяжеслава.

Все мужчины разом повернули головы. Князь занимал весь проём двери. Никто не ожидал увидеть его — он в последнее время из своего стана не выходил. Заложив руки за спину, Вяжеслав неспешно прошёл вглубь хоромины. Векула и Мечеслав преклонили головы.

— Здрав будь, княже, — вымолвил первым десятник.

— Здравия, — отозвался Вяжеслав, приблизился к Арьяну, неотрывно на того глядя. Тёплые, как варёный из одуванчиков мёд, глаза князя потемнели, делаясь твёрже льда.

— Я смотрю, лучше тебе стало, — проговорил Вяжеслав, к Арьяну обращаясь.

Княжич помолчал, справляясь с душащим удавкой гневом.

— Благодаря стараниям Краймиры, как видишь, — ответил, наконец, собираясь с волей.

Вяжеслав на его слова головой покачал, своим каким-то мыслям, видимо. Отступил, повернулся к прибывшим витязям.

— Ступайте. Отдыхайте с дороги, как нужно станет, позову.

Мечеслав и Векула бросили виноватые взгляды в сторону братьев-княжичей, подобрали шапки со стола, прошли к двери, оборачиваясь, и вскоре скрылись из виду. Послышались шаги на пороге и стихли.

Арьян опустился обратно на лавку, невидяще взирая на отца, который неторопливо сел напротив. Его спокойствие, медлительность дико раздражали, хотелось вскочить с места, броситься прочь, собрать людей и тут же пуститься в погоню.

«Благодарность за хлопоты. Какие, к лешей матери, хлопоты?! Она же сбежала из лагеря, неслась прочь от неволи бегом, не страшась ничего: ни погони, ни той расплавы, что грозила ей, если бы её поймали».

Сгустившаяся кровь бухала в ушах, Арьян сдвигал вновь подлокотники, щуря глаза.

«Что он делает с ней, это проклятый змей?»

Но тут же подкосило и клином врезалось другое — «невестой». Он забрал её как свою будущую жену. В боку остро закололо, вынуждая согнуться, а в глазах потемнело вновь. Арьян вида не показал, судорожно сглотнул, стараясь дышать ровно, свободно. Он поднял на отца взгляд, затуманенный болью от потревоженной раны. Тот всё это время наблюдал за сыном, считывая, казалось, каждое движение его мысли. Впрочем, тот и не скрывал ничего, не пытался.

Данимир тоже сел на лавку, приготовившись слушать и отвечать, если понадобится. Арьяну пришлось быстро переключиться на другое: обо всём подумает, как только выйдет отсюда. Воздух звенит тишиной, бьёт по слуху и сливается с гулким клёкотом сердца. Арьян вспомнил, что брат всё рассказал князю, рассказал и о Всеславе, и о Мирине. Это хорошо, не нужно пускаться в объяснения долгие, изматывающие, он на это сейчас был просто не способен.

— Я думаю, тебе нужно её отпустить.

Услышал, значит. Вот так, со всего маху, не задумываясь, не заботясь о его состоянии, ударил отец, опрокидывая в пустоту. Кровь упругими толчками загрохотала в голове, сдавливая тисками, а грудь будто всполох огня лизнул, запекло, иссушая его разом. Арьян чуть поддался вперёд, пусть даже это ему и далось с трудом.

— Не отдам.

— Не кипятись и послушай, — отразил мгновенно Вяжеслав. — Если он взял её как жену, и Световида дала на то согласие, ты уже ничего не сможешь сделать.

Арьян дёрнулся, готовясь кинуться в атаку. Каждое слово отца, как вызов, как змеи, которых он подбрасывал в короб с ним одну за другой. Арьян уступил всё же, смолчал, выдерживая княжеский взгляд.

— Нам не нужно сейчас враждовать с валганами. Я уже об этом говорил. Мы можем победить одну схватку, но за побеждёнными придут другие.

— Ты предлагаешь позволять им совершать всё, что заблагорассудится?

— Ты, кажется, не услышал, Арьян, — сдавил железным хватом Вяжеслав его упрёки. — По словам десятника Световида дала согласие на этот брак.

Арьян поднялся, не желая слушать дальше. Это всё безумие какое-то, так не должно быть. Не может так быть. И пусть князь думает, что хочет, но Арьян не отдаст Мирину.

— Позволь уйти, — попросил.

Вяжеслав посмотрел на него со своего места долго, но всё же кивнул.

Арьян шагнул в сторону двери, быстро покинул это место, ставшее для него топью. Данимир нагнал на полпути к терему.

— Он, получается, уже на пути к Велье?

Арьян остановился, ощущая, как раздирает все внутренности, будто копьё сквозь всё тело прошло, даже в жар бросило. Горло сжалось, выцеживая дыхание, ставшее и без того скудным.

— Давай, я тебе помогу, — вызвался брат, увидев, как старший бледнеет.

Вместе они поднялись в вежу, куда Арьяна перенесли на время лечения. Данимир помог стянуть одежду, что стала непомерно тяжёлой, облепляла, царапала кожу, мешала. Арьян опустился на постель. Данимир сел рядом и долго ничего не говорил, потом вдруг поднялся.

— Пойду, Митко за травницей пошло, ты весь горишь.

Он пропал на время, а потом вновь появился, но его Арьян уже воспринимал будто через толщу воды — движения казались замедленными, ускользающими, очертания расплывались. Вновь пробила дрожь, рассекая под ним огненное жерло, в которое Арьян падал. Окружение поплыло, пока не кануло в пропасть, сгорая. Сквозь этот пожар перед внутренним взором проявлялся образ Мирины. Её взгляд спокойный, глубокий, прохладный, как родник, приносил облегчение.

Много девиц смотрели так на него, но только одна крепко держала княжича своими бездонными, утягивающими в самую глубь глазами, вынуждали забыть о дыхании совсем.

Стоило ожидать, что отец его не поддержит. Нужно что-то делать одному. И когда он думал об этом, злость с новой силой выедала изнутри, сжирала. Арьян пытался выгresti из этого тягучего тяжёлого пламени, покрывавшего его с головой непомерно тяжёлыми пластинами.

Иногда ему удавалось вырваться на поверхность. Тогда он вновь чувствовал влагу на лобу, шее и груди, слышал голос Краймиры, утешающий и укоряющий одновременно. Кажется, она ругала его за то, что он слишком рано поднялся на ноги. Чувствовал пальцы Орданы на лице, она всего лишь проводила руками, утешая, а ему чудилось, что кожу дерут крюки, и он пытался увернуться от этих прикосновений. И с одним пришлось согласиться — надо ждать, пока

окрепнет. Тогда он поедет к валгановскому вождю и потребует то, что тот когда-то ему предлагал сам. Потребует Мирину.

Глава 14

Мирина сидела в сухой траве среди замшелых, давно переставших быть колючими старых лап елей, зажимая уши и с силой зажмуривая глаза, отказываясь верить в то, что случилось. Только недавно она расчёсывала волосы, и Вихсар, что приходил к ней, был спокойный, ни требующий ничего, и этот поцелуй тягучий, долгий не оттолкнул. Может, она начала смиряться со своей судьбой? Ведь он ушёл, не потребовав ничего, и всё казалось хорошо. Как вдруг крики, всполохи огня. Выбежав наружу, узнав среди нападающих воличей, сама не своя бросилась к ним. А как Нечая разглядела, так кровь разом вся застыла в жилах, страх за жизнь брата обьял — убьют его.

Заколотилось сбивчиво сердце в груди онемевшей, дыханием судорожным вырываясь. Мирина открыла глаза, размазывая на скулах горячие слёзы.

Угдэй быстро осмотрел Вихсара и кинулся в лагерь за помощью, пока другая часть войска бросилась вдогонку за княжичем. Мирина, всхлипнув, успокаиваясь на миг, приподнялась с тёплой, ещё не остывшей земли, цепляясь за мягкие еловые ветки, содрогаясь всем телом, всё ещё не веря в то, что произошло здесь миг назад, и своим глазам не верила. Несокрушимый, сильный Вихсар теперь беспомощно лежал на земле среди дотлевавших стрел, которыми было истыкано всё вокруг. Руки раскинуты, отвернута от неё голова. Чёрная кровь в ночи, как смола, густо текла из раны его, земля жадно её вбирала. В голове билась одна мысль — не дышит. Мирина дёрнулась было подбежать, увериться, что дышит, да к месту себя пригвоздила: он тот, кто жизнь её изломал, не достоин и толики её сострадания. Но одна мысль сменялась другой, терзая всё хлеще, её бросало из стороны в сторону, изматывая, и ощущала она лютую злость и отчаянную жалость — он же от стрел загородил, себя подставляя. Мирина попыталась отринуть это — себе в угоду лишь поступил так, она же для него как вещь, его прихоть, его желание, игрушка, которую посадил в клетку. Ступни так и пристыли к земле, и что делать, не знала. Сердце сжималось больно при виде утекающей из могучего тела жизни, такой неукротимой, буйной. Только недавно он смотрел на неё горячо протяжно, ласкал губы, и следы его пальцев ещё жгли кожу на шее, запястьях, как отметины, горели и не были противны были вовсе. Мирина, сжав кулаки, шагнула всё же, ступая к нему, покидая укрытие. Так и казалось, что пролетит где-то ещё стрела, но её взгляд был устремлён только на вождя. Его пальцы вдруг пошевелились, будто её приближение почуял, вонзились в песок, загребая судорожно, но очнуться Вихсар так и не смог, лишь тяжело вздохнул и замер — казалась, больше и не выдохнет, но всё же крепкая грудь вновь поднялась обрывисто, выпуская выдох, вбирая скудно воздух в себя.

Мирина, сбросив оцепенение, упала на колени рядом, подползая ближе, заглядывая в лицо, убирая волосы смоляные влажные, открывая заметную бледность, на фоне которой брови тёмные вырисовывались чётко. Княжна осторожно протянула руку, зарывшись дрожащими пальцами в пряди, и те потонули во влажны липких волосах, нащупывая на затылке рану. Внутри оборвалось всё — голову тоже задела стрела, оставив борозду глубокую на коже. Вихсар от прикосновения её пошевелился, издав мучительный стон, по лицу судорога боли прошла, искривляя черты застывшие. Княжна тут же отняла руки, огляделась по сторонам: охваченный заревом, пылал лагерь, истошно ржали и всхрапывали кони, шарахались от пламени, воины бегали по становищу, пытались спасти остатки пожираемых огнём вещей. Горячий страх вплеснул в груди, и нутро, как плита древняя, шевельнулось, дрогнув — не знала, чего хотела больше, чтобы он не шевельнулся более, или чтобы жил. И как брат её там, удалось ему сбежать, или точно так же лежит на земле, кровь теряет? Сердце сжалось в груди больно от чувств разных, смятения дикого, и голова совсем не соображала ничего. Мирина отринула прочь всё, что лишало её и дыхания, и остатков воли и разума. Торопливо расправив подол рубахи ночной, рванула ткань, отделяя лоскут. Она оглядела Вихсара ещё раз, уже внимательней. Стрела так и осталась торчать из рёбер, и оттуда всё ещё текла струйками кровь — её трогать нельзя, пока наконечник не срежут, и только сильные руки смогут вытянуть

древко, да надо так чтобы рука не дрогнула. Осторожно приподняв голову, княжна начала обматывать её тканью, вспоминая нужные слова, чтобы кровь запереть в ране, находила их, выговаривая тихо, не сбиваясь, иначе силу они свою потеряют. Ткань пропиталась быстро, но с последним оборотом да закреплённым узлом тугим кровь замедлила бег. Мирина же ощутила, как тяжесть легла на плечи, пригнула к земле ношей непосильной усталость, вновь обрушились на неё все звуки и запах дыма, и ржавый — крови, вливаясь в самое нутро, въедааясь в кожу и на языке горечью оседаая и солью — губы прокусила.

Громкий окрик заставил её вздрогнуть и отодвинуться. Угдэй вместе с Агрешей и ещё двумя воинами приблизился грозно широким шагом. Мирину с ног до головы онемение окатило — от батыра только гнев волной обрушился на хрупкие плечи девушки, всю до капли ярость направил на неё, окончательно выбил из Мирины дух. Рядом с ней он как вол — огромный, устрашающий — предстал так быстро, отгораживая от хана, нависая, что она и опомниться не успела. Чёрные глаза батыра смотрели сверху-вниз, жгли, и яд их обездвиживал её всю. Сейчас он волен сделать с ней всё, что ему вздумается.

— Ты, должно быть, понимаешь, что хан слишком милосерден к тебе, — процедил он зло.

Черты его заострились, ожесточая и без того грубое, будто из камня высеченное лицо. — Я мог бы прямо здесь расправиться с тобой, избавиться и сказать, что ты в лесу сгинула, — его глаза блестели режущими осколками, вонзаясь в Мирину. — Ты должна перед ним на коленях ползать за то, что обращается с тобой лучше, чем твои родичи.

Мирина невольно шеи коснулась — дыхание оборвалось.

— Если он умрёт, ты ощутишь разницу, это я тебе обещаю. Так что моли своих богов, чтобы он выжил. Если чаша смерти минует его, целуй ноги своему хозяину и благодари за милость, которую он тебе дарует, за то, что из сотни баб он тебя выбрал. Ты думаешь, княжич бросился тебя вызволять? Щенок решил свою удаль показать да первенство, нисколько не позаботился о том, что и ты могла пострадать, ты, — понизил он грудной голос, — ты не сдалась ему вовек.

— Что с ним? — выдавила Мирина из себя, выслушав жестокие слова батыра.

Угдэй сощурил гневно глаза.

— Он ранен, повезло паскуднику, я бы добил его, но следов не нашли, утащили его приспешники. Такая подлость так просто не сойдёт с рук им.

— Он бы не пошёл сам, — бросилась Мирина, не желая слушать Угдэя. Всё, что говорит, всё — ложь. Брат не такой. Или... — Это всё Вортислав! Это он! Он подначил, я знаю, он хочет избавиться от наследников, — вырывались из груди слова отчаяния, остановить которые Мирина не могла.

Угдэй посмотрел на неё протяжно, дыша тяжело, тень задумчивости легла на его лицо, блесневшее от жара. Батыр только хмыкнул и, больше не сказав ни слова, отвернувшись, отступая, присоединяясь к воинам, уже поднявшим Вихсара на смастерённых волокушах. Мирина через пелену тумана и горечи смотрела в широкие, как у медведей, спины мужчин, что удалялись от неё, тонули в дымной занавесе, больше не оглядываясь.

Её всю трясло, а потом вдруг защипало глаза, хлынули слёзы, и сама не знала, от чего, никогда не брало её такое бессилие, что хотелось кричать в голос. Сжав плотно губы, она посмотрела в сторону леса, где таилась холодная тьма ночи. Бежать. Но тело не слушалось. Мирина, посидев так ещё какое-то время, слушая окрики валганов, чувствуя, как со стороны чащобы уже льётся на спину прохлада, зябко поёжилась, находя силы, поднялась кое-как. На подгибающихся ногах, опустошённая и разбитая пошла к шатру своему. Мимо раненых, которые были заняты тем, что стаскивали и клали пластами в ряд у костров убитых — их ныне вознесут на краду. До полуголой, грязной, в крови и пыли, в одной рубаше, девки не было никакого им дела. Ускорила шаг, спеша оказаться в тканевых стенах юрты, укрыться от холода, взглядов, но только от самой себя не убежишь. И что творилась в душе сейчас, Мирина не бралась гадать — мутно становилось. Что прячет от других, скрывает от себя за гудящей болью, разливающейся в голове — не разобрать, и сердце было заперто ею самой хуже, чем клетка Вихсара. Ту она хотя бы пыталась поломать, а свою — не в силах. Боялась правды, поражения, боли — всего вместе. Мирина смотрела себе под ноги, но каждый следующий шаг становился всё тяжелее, и она уже не спешила, а плелась, будто не воздух окутывал её, а кисель. Подняла голову, оперев взгляд в пустеющий шатёр, остановилась совсем, занемев. Слова Угдэя через туман грохотали в голове, как набат.

«Хан слишком милосерден к тебе!»

Мирина нахмурилась. Разве способен Вихсар на милосердие? Он увёз её второй раз из дома, не позволив толком побыть с родичами, не спросив её, хочет ли она того, согласна ли, не оставил никакого права выбора, хотя поступил так, зная, что получит отказ. Он просто, приехал и взял то, что желал. Мирина вдохнула глубоко, разжимая тиски сомнения, которые незаметно для неё сжимались всё плотнее. Сомнение вгрызлось в душу, обгладывая её, что голодный волк — кость, нещадно дробя зубами. Световида поступила подло с ней, выставив её за стены, ни с кем о её замужестве не поговорив — это так. Всё изменилось для неё уже давно, с тех самых пор, как она застала в одной постели мачеху с Вортиславом. Видно, тогда и пришло время делить власть. А Мирина, наивная, глупая девка, поддалась на её хитрые уловки и попала в сети, которые княгиня давно сплела. И как ни больно, а выходит, правильные были слова батыра — не нужна она им, и никто не ждал в Ровицах её возвращения. Она сглотнула. Такую горечь никогда не испытывала. И жизнь её зависела от жизни хана сейчас, но Мирина не боялась ничего: ни смерти, ни угроз Угдэя. Могла бы, пока он там лежит, бежать прочь, никто бы в лесу её не нашёл, но куда ей теперь возвращаться? Да и хочет ли после всего того, что сделала княгиня? И Вихсар... уберёт ведь её от стрел.

Перед взором хан появился, раны его опасные. Представила всего на миг, что он и вправду не встанет поутру, не вздохнёт, не опалит взглядом, от которого дыхание пропадает, и этот взгляд не будет выискивать её лишь одну, и будто холодной водой окатило, отрезвляя, в грудь ударилось осознание того, что это и в самом деле может случиться. Потрясённая Мирина стояла посередине лагеря не в силах сдвинуться с места, туго втягивая в себя воздух. Ноги и руки онемели, делаясь бесчувственными. Она же виновата в том, что его ранили, в том, что любой вздох его может стать последним. Нет, не милосердная она и не благодарная — батыр выплеснул ей в лицо всю правду, а она едва ли ему в след не плюнула. Вихсар там истекает кровью, а она плетётся в шатёр, чтобы укрыться и не видеть всей этой горькой правды, всех этих смертей, запереться в себе и стать глухой к своим чувствам, к чувствам чужим и словам. Мирина сажала до боли кулаки, судорожно глотнула воздух, стиснув пальцы сильнее, порезав ладони ногтями, обернулась. Воины уже скрылись из вида. Больше не медля, Мирина пустилась быстрым шагом, едва ли не бегом, обратно. И в голове всё перемешалось, а в груди такой сокрушающий вихрь поднялся, что боль застучала в затылок. Теперь пустота сменилась страхом, что он умрёт, и затаился этот страх где-то в сердце, отравляя.

Мирина оказалась перед шатром, куда внесли Вихсара, перешла на шаг, пытаясь заглянуть за широкую спину батыра, который заходил внутрь следом за Агрешем.

— Угдэй! — позвала Мирина на ходу.

Батыр повернулся на оклик, лицо его потемнело, когда выхватил взглядом приближающуюся княжну. Он угрожающе вышел навстречу, видно намереваясь оттолкнуть её, как назойливую мошку. Мирина от него в шаге остановилась, унимая разрывающее грудь дыхание, глотая запах гари и запёкшейся на руках и лице крови.

— Что тебе? — раздражённо спросил он, выказывая всем своим видом, что не намерен с ней долго разговаривать.

— У него раны, я могу помочь излечить.

Валган посмотрел на неё чёрными непроницаемыми глазами, твёрдо сжал губы, выражая отказ

— Мирина это поняла прежде, чем он заговорил.

— Тебя сюда никто не звал.

— У него раны сильные, — не отступилась Мирина, хоть и пошатнулась от твёрдой воли валгана. — А я знаю, как жизнь сохранить... Меня учили.

Полог откинулся, и вышел Агреш, смерив княжну мрачным взглядом.

— Подготовив всё к погребению, на рассвете обряд проведём, — велел ему Угдэй. — И как только дозорные вернутся, сразу ко мне.

Мирина покачнулась, услышав короткие распоряжения. Вернутся с вестью, нашли ли Нечая, добились или нет.

— А что делать с телами врагов? — спросил тот.

Угдэй с высоты глянул на Мирину, решая что-то. Она стояла, не шевелясь.

— Ничего, подальше от лагеря унесите да в лог какой-нибудь сбросьте, ветками прикройте.

Мирина всё же не выдержала, отвела взгляд.

— Пусть лес об их душах и позаботится, — заключил он.

Княжна и на это смолчала, собрав всё самообладание. Ясно, что батыр проверяет её, дал указание на её родном языке, чтобы поняла, услышала, нарочно пытаюсь ударить сильнее, и у него это получалось — глаза затуманились всё же. Есть то, что не по силе ей брать на свои плечи.

— Ты и твои родичи его жизнь под удар поставили, и ты хочешь, чтобы я тебя пустил? — глаза батыра сощурились, а фигура мощная, крепкая качнулась угрожающе в её сторону. «Не пустит», — поняла Мирина, и от этого, хоть и ожидала, обида обожгла, лишая её последних сил.

Она отступила, смиряясь, хоть и чувствовала, как внутри всё разливается ядом и вскипает злость, да только поделать ничего не могла. Это была бессильная злость, на грани отчаяния, которое притупилось, полосуя будто ржавым лезвием ножа — только больше муки.

— Уходи. Сюда ты не зайдёшь. Когда хан очнётся, он пошлёт за тобой. Если пожелает, — добавил он со сталью в голосе. — Ты не достойна быть его женой, — повторил он уже сказанное, и в этот раз слова жёсткие ударили что плетью от чувства ненужности и потерянности. Безысходность внутри из берегов вышла. Не выдержать этого всего. Мирина поджала дрожащие губы, отступила прочь.

— Постой, — вдруг окликнул батыр.

Мирина обернулась, сталкиваясь с усмирившимся его взглядом.

— Если знаешь, как помочь — приходи, только в сухое переоденься, грязь с рук смой.

Мирина кивнула быстро, боясь, что он передумает. Батыр сокрушённо покачал головой и внутрь шатра скользнул. Дороги обратной не помнила, идя быстро, не теряя времени, не чувствуя и земли под ногами. Внутри всё оставалось по-прежнему, разве только дымно было, но полога отбросили, и потому выветрилось всё почти. Мирина нашла его рядом, подобрала, оставила на лавке, сама к бадье с водой бросилась, которую принёс ещё до нападения Тимин. Отрока она среди воинов не видела, и волнение взяло — цел ли?

Умывшись в тёплой воде, смыв с лица, рук, шеи и груди кровь Вихсара, Мирина нашла и чистую рубаха, переделась, ныряя в мягкую ткань. Грязную же теперь только выкинуть — испорченная, не годна ни для чего. Расчесала торопливо волосы, заново сплела их в нетугую косу, отринув накатывающую усталость, и не сразу заметила топтавшегося у входа Тимина. Поднялась с лавки, улыбнувшись. Всё же рада была видеть его живым и невредимым. Отрок растерянно посмотрел по сторонам, избегая прямых взглядом.

— Меня батыр послал, — отрок бегло посмотрел на девушку, заводя руки за спину. — Мы тут остаёмся на ночлег, пока хану не станет лучше. Подлатать шатёр нужно... — растерянно произнёс Тимин, верно смущаясь княжны.

Мирина отложила гребень.

— Хорошо, — согласилась она.

И в самом деле, нужна помощь. Сквозняком тянуло, и очаг давно истлел. Разжечь бы его, чтобы в тепло вернуться, да трав бросить, запахом душистым наполнить шатёр. Оставив Тимина управляться с работой, Мирина вышла.

Уже была глубокая ночь, пела птица где-то в глубине леса, её одинокое щебетание раздавалось эхом по округе, волнуя воздух и душу, вынуждая невольно прислушиваться, и всё казалось как прежде, будто и не нападали на них воличи.

У одного костра собралось с дюжину валганов. Они распивали из чар питьё и о чём-то разговаривали, но Мирина не понимала их речи. Наверное, надо начать прислушиваться да понимать. Другая часть, что погналась за княжескими кметями, видно ещё не вернулась. Ещё воины лежали у другого очага неподвижно — они уж больше никогда не встанут. Мирина ускорила шаг, чувствуя, как к горлу ком подкатывает, откинула полог, вошла внутрь полутьмы шатра, душного, пропитанного ароматами травяных взваров и запахом крови. И сердце дёрнулось болезненно в груди, когда в свете очага выхватила взглядом фигуру Вихсара. И её будто на волнах качнуло от вида его измученного.

В полумраке, разбавленном жёлтым светом тлеющего очага, Вихсар был неимоверно бледен. Он полулежал неподвижно, глаза были закрыты, а из приоткрытых губ вырывалось тяжёлое дыхание. Мирина сглотнула, невольно стянула пальцами судорожно платок, что на плечи успела накинуть. Древко стрелы уже вытащили, и на стане мужчины осталось лежать полотно, прикрывая рану. Оно кровью всё пропиталось, хоть выжимай. Мирина бросила надломленный взгляд на стоявшего рядом Угдзя, тот кивнул, позволяя пройти, и она шагнула к лежанке. Когда

жар его тела соприкоснулся с её, сплетаясь, смешиваясь, проникая и окутывая, она шагнула ещё ближе, будто притянута им. Но Вихсар по-прежнему лежал неподвижно, не почувствовал её присутствия, как было всегда, стоило ей появиться в поле его внимания. Только хмурились тёмные брови, вздрагивали крылья носа, а на лбу, скулах, шее и груди капельки пота блестели в тусклом свете огня. Ресницы влажные, веки тяжёлые подрагивали, будто видел он беспокойный сон, а очнуться никак не мог.

Мирина скользнула взглядом по ключице на сильную крепкую грудь, покрытую чёрными волосами, к рукам с твёрдыми, как камень, мышцами. Пальцы были сжаты в кулаки, и руки до плеч оплетали тугие жгуты синих вен. Дрожали жилки на шее и висках, зубы сжаты и изредка желваки ходили — весь он был напряжён. Княжна разжала пальцы на своей груди, протянула руку к голове Вихсара, на которой всё ещё оставалась её повязка — видно не успели сменить — осторожно коснулась пальцами чёрных блестящих прядей, размётанных по подушке, влажных. И сердце зашлось, когда ресницы Вихсара дрогнули и поднялись, он посмотрел мутно перед собой, заметив всё же или почувствовав стоявшую рядом девушку, повернул голову медленно, и Мирина так и ухнула в черноту его глаз. В свете огня радужка угольная такой широкой казалась, что она разглядела своё отражение, выхваченное из тени светом пламени. Но не это заставило дыхание перехватиться, а желание в его глазах, что мгновенно выжгло её изнутри. Даже теперь, когда он был так слаб, истерзанный болью от ран, глаза его скользили по ней жадно. Но в следующий миг веки его отяжелели, он отвернулся, сглатывая сухо, и кадык его за чёрной щетиной дёрнулся.

— Зачем ты сюда пришла, Сугар?

От сердца отлегло — узнал её, значит, жар не такой сильный. И то, как он это спросил, как прозвучало имя, которое он дал ей когда-то, не вызывало ни гнева, ни раздражения, напротив, хотелось, чтобы он произносил его вновь.

Мирина подняла взор на Угдэя, тот весь обратился в камень, наблюдая за ней. Княжна быстро сорвала с плеч платок, бросила его прямо на пол, опустилась рядом с раненым, осторожно берясь за края ткани, намереваясь оглядеть раны, и охнула, когда рука Вихсара пальцы её сжала, отстраняя от себя.

— Оставь нас, — приказал хан Угдэю, глаза снова открывая.

Батыр промолчал, но потом послышался шорох, и Мирина ощутила хлынувший сквозняк на своей спине — ушёл. Пальцы Вихсара, что продолжали сжимать её руку, прожигали кожу, были такие горячие, сильные. Его пальцы, которые могли сминать властно и волею ласкать, теперь держали её хватко, но не грубо. Вихсар к губам своим поднёс её руку.

— Я тебе говорил, что у тебя очень нежные руки?

Губы сухие, мягкие к ямке ладони припали лишь самыми краешками, обожгло дыханием, и тугие волны вновь поднялись, захлестнули Мирину с головой, поплыло всё.

— Зачем ты пришла? — повторил он вопрос.

— Помочь... — тихо ответила, боясь нарушать тишину ночную.

Вихсар отстранился, но руки не выпустил, погладил большим пальцем её костяшки.

— Теперь мне точно спокойно не будет. Сугар.

Мирина словно шагнула в пламя — горячий обессиленный шёпот Вихсара проник в самую глубину, поднимая тугие волны, что задушили её вмиг, лишая всякой воли воспротивиться, да и не хотелось.

— У тебя рана глубокая в теле, крови потерял много, — пролепетала Мирина, пытаясь совладать с накатившей слабостью.

Глаза Вихсара загустели, почернели ещё больше, утягивая глубже, не давая возможности вырваться из омута, завладели без слов, без попытки захватить. Мирина опустила ресницы, вдруг подумав о том, что под одеялом он и не одет, и что жар его тела опалает сейчас её лицо и грудь, окутывает. Оно всегда было таким горячим... Мысль эта отрезвила, вынуждая быстро вспомнить о том, зачем пришла. Высвободить руку не вышло.

— Почему ты не произносишь моего имени? — вдруг спросил он.

— Пленнице не положено произносить имя своего хозяина, — вырвалось само собой, но

Вихсар нисколько не изменился в лице от её грубого ответа.

— Ты не пленница. Произнеси моё имя, я хочу его услышать.

Мирина посмотрела на него прямо, и на язык будто каплю горячего воска капнули, так чуждо и непривычно было это сделать. Она и в самом деле не звала его по имени, наверное, боялась, что

если произнесёт его, то створки её души распахнутся, и она потеряет что-то важное, то, что держит его на расстоянии от неё.

— Ну, говори, — прошептал хрипло и нетерпеливо.

Мирина облизала губы, ставшие будто ссохшимися.

— Вихсар, — произнесла и замерла, прислушиваясь к собственному голосу, которым прозвучало имя заклятого врага, но не почувствовала какого отторжения и небо не упало. Хан долго на неё смотрел, и губ его вдруг лёгкая улыбка коснулась, Мирина и не видела такого ни разу. Никогда. И это обезоружило окончательно, она почувствовала, что падает, и побоялась разбиться. У него чувственная улыбка, а может, всё дело в смертельной усталости, которая всё же постепенно накачивала на неё, давя на плечи.

— Мне нравится, как оно звучит твоим голосом, — проговорил хан, выпуская руку.

Жар прихлынул к щекам. Мирина, поёрзав на месте, взяла себя в руки, продолжила делать то, зачем пришла. Торопливо собрала ткань, открывая рану, и похолодела. Кожа вся багровая, рана по краям рваная, из неё сочилась кровь. Трав бы каких. Сглотнула, не показывая вида, насколько плохо всё выглядит.

— Нужно возить с собой знахарку, — пролепетала княжна будто в укор, собираясь с мыслями, что успели растечься, как вода в ладони.

Смочила в чаше лоскут ткани, которых нашла рядом целую стопку, протёрла вокруг багряные разводы. Вихсар нахмурился вновь, но глаз не закрыл, смотрел на неё неотрывно, и Мирина из спутанного комка мыслей под его взглядом чёрных до невыносимости глаз выдёргивала нитями нужные слова, сплетая их в заговор беззвучно, только губы одни шевелились, но чётко и ровно, выпуская воздух, как тому учил её Радонег. И не думала, что станет это делать для врага. Для врага ли? Взгляд его скользил по её лицу, опускался на губы и ниже. Мирина закончив, нашла в полутьме его руку, накрыла своей ладонью — не знала, зачем это делает, просто порыв, неподвластный всем её убеждениям, которые она выстроила вокруг себя каменной стеной. Но Вихсар сплёл свои пальцы с её, притянул вконец онемевшую и ослабшую княжну ближе, укладывая её рядом собой на плечо, и Мирина не стала тому сопротивляться, поддаваясь, легла, чувствуя, как крепость её начинает сыпаться, ощущая спиной дрожь его могучего тела, слыша дыхание всё ещё тяжёлое, грохот горячего сердца. Окутал чуть горько-терпкий запах трав и его запах. А потом она ощутила его губы у виска, что собрали капельки проступившего пота от усилий, которые она проделала, сплетая заговор. Вихсар ничего не говорил. Рядом с ним, таким большим, сильным, нерушимым и неуёмным вихрем было так тепло и уютно, он внутри весь бушевал, одновременно оберегая её сон, и это ощущение новое, едва зарождающееся в сердце, пустившее свои ростки, ещё хрупкое, расшатывало её окончательно, но не было сил думать, узнать его лучше. Мирина закрыла глаза, опрокидываясь в безмятежный сон, доверяясь ему. Из глубин сна Мирину выдернул грубый окрик. Она открыла глаза, посмотрела сквозь сонную пелену, пытаясь понять, кто это был и откуда исходят тревожные звуки, вынуждая проснуться окончательно. Тут же затаилась, лёжа на боку, глядя в потолок, вслушиваясь в незнакомую речь, разглядывая рейки шатра да чуть колышущуюся от ветерка тканевую кровлю. И снова окрики разнеслись снаружи, казалось, уже ближе. Видно вернулись воины с места погребения. Вчерашний день обрушился на Мирину, как ушат ледяной воды, поселяя в ней разлад и беспокойство. Хотелось закрыть глаза и вновь провалиться в небытие, лишь бы скрыться от раздражающих на части чувств, закрыться и не помнить ничего, не думать о брате, который решился напасть на племя валганов. Княжна зажмурилась, отринув прочь воспоминания, но вчерашний день, как смола, просачивался в тело, отяжеляя. Едва только свежесть утра взбодрила тело, прошла тёплой волной, а Мирина уже почувствовала себя разбитой. Осознав вдруг, что она тут, в шатре Вихсара, всю ночь рядом с ним провела, княжна пробудилась, невольно сжалась вся, перестала дышать, чувствуя всей кожей, всем нутром лежащего рядом с ней мужчину, возвращавшего её назад, в прошлое, когда она точно так же встречало утро в его постели, но горечи от того уже не было, а было странное чувство спокойствия.

Мирина огляделась. В шатре было сумрачно, свежо, хоть и тепла очага хватило до раннего утра. Белёдые лучи стрелами пронизывали полумрак, лились из прорезей, проделанных в стенках для воздуха свежего и света, чертили туманные серебряные полосы полупрозрачными клинками. Затаив дыхание и скомкав мягкое приятное к коже покрывало, княжна в полной мере ощутила тепло, исходившее от Вихсара. Запах тонкий трав, еловой смолы и чуть горьковатого дыма

были тому подтверждением, что это не сон. Она пришла сама и осталась здесь сама, не ушла. Немного голову приподняла, оглядывая себя, укрытую беличьим одеялом. Из одежды рубашка одна. Совсем забеспокоившись, она пошевелилась — уйти бы поскорее, пока спит. Распрямила колени, чувствуя под головой мужскую руку. Вихсар даже не пошевелился. Напрягшись, Мирина осторожно развернулась, стараясь не сбить одеяло, но валган по-прежнему лежал недвижимо, не дрогнули мышцы в ответ, не услышала вздоха — ничего. Мирина закаменела сама, вся обращаясь вслух, а в груди сердце неровно, беспокойно заколотилось — неужели... Сжав кулаки, приподнялась, уже не осторожничая. Дыхание пропало из груди. Взглядом пробежала по совершенному, слаженному, вытянутому, литому стану, прикрытому покрывалом и лоскутами, пропитанными багровыми тёмными пятнами крови, подсохшими уже. Лицо Вихсара было отвёрнуто, бронзово-смуглый загар, покрывавший руки и грудь, поблек, да так явственно заметно, что защемило под рёбрами от разломавшегося под сердцем неопрятного холодка.

Нахмурившись, Мирина, туго втянула в себя воздух, сглотнула подступивший ком. Как бы там ни было, как бы ни ненавидела и ни презирала, а смерти она ему не желала. Мирина протянула дрожащую руку, тронула колючую щёку, погладила золотисто-медовую скулу, каменную шею, подтянулась ближе, в лихорадке пытаюсь уловить хоть какое-то движение воздуха в его груди, судорожно нащупывая под ещё горячей кожей тёплую тугую жилу. Вихсар вдруг накрыл её руку своей ладонью, чуть сжав пальцы, и сердце оборвалось и тут же скакнуло в бешеном галопе. К груди так и прихлынул жар вместе с облегчением. Мирина выдохнула, и голова закружилась. Он как ни в чём не бывало погладил её узкое запястье, скользнул к плечу сухой ладонью с грубой кожей, тронул локоть, сжал стальную и в то же время мягкой хваткой, притянув Мирину к себе плотнее, одновременно поворачивая голову. Княжна ощутила на лбу его дыхание, что ожогами ложилось на кожу, перетекая к скуле, шевеля волосы на висках, оставляя жгучий след. В одно мгновение, даже не успела опомниться, оказалась зажата в крепких тугих объятиях, чувствуя через ткань формы его тела, сплетённого из упругих мышц. Мирина подобралась вся, скользя босыми пятками по постели, опасаясь потревожить раны. — Ждала, что я не очнусь? — спросил хан таким мягким, обволакивающим, чуть с сонной хрипотцой, голосом, от которого внутри прокатился трепет, и кожа мурашками покрылась. Мирина растерянно покачала головой, противясь собственным ощущениям, напрочь отказываясь верить им, подняла на Вихсара взгляд и замерла, утонув надолго в его глазах, таких жальщих, как жестокое степное солнце, и в тоже время прохладных, как недра лесных чёрных озёр, что лежат в дремучих гущах Ряжеского леса.

— Я знаю, что нет, иначе ты бы ушла ещё ночью.

— А ты бы позволил? — вырвалось.

— Нет, не позволяю и не позволю, никогда, теперь ты моя, Сугар, — густо клокотал его голос. — И я знаю, что теперь ты не так жаждешь уйти.

— Ты бы меня наказал, если бы я вновь попыталась?

Чёрные глаза замерли, обращаясь в твёрдые угли.

— Да, — ответил, и голос его упал в самую душу камнем, отяжеляя. — Но не так, как раньше, по-другому, — сорвался голос до горячего шёпота, который мазнул самую шею, поднимая волну жара. — Теперь я знаю, как удержать мою Сугар, — он прижал княжну к себе ещё плотнее.

Взятая врасплох Мирина рассеянно моргнула, сбрасывая туман, чувствуя над собой его оголённое отяжелевшее тело. Надсадное дыхание и то, что он был ранен, несколько не убавляло в нём железного упорства. И так хотелось прикоснуться к этой рвущейся наружу силе, утонуть в ней, и в то же время боялось дико, и бежать бы прочь от него. Подальше. Всё равно куда. Только на побег, если не убежала вчера, то теперь и не решится больше — это Мирина поняла отчётливо, и Вихсар это чувствовал. Она вновь посмотрела на него, срываясь в пропасть, прямо в бездну его тёмных, обжигающе-холодных глаз, погружаясь в неведомые глубины. До конца кануть не позволяли стальные объятия, что держали крепко, надёжно и в то же время бережно, как самую большую драгоценность. И это всё сбило с толку, казалось, что вернётся та грубость и жёсткость, сомнёт, сдавит, ворвётся, чтобы взять своё. Мирина опустила ресницы, посмотрев на бесцветные губы Вихсара, покрытые трещинками, заметила и родинку с крупинку у самого края верхней губы. Несомненно, он был привлекателен и красив.

— А если я не хочу? — тихо спросила.

— Не правда, — прошептал ещё глуше хан, и глаза его туманом подёрнулись.

Мирина поджала губы, невольно вспомнив купание в реке деревни Игши. Резко втянула в себя воздух, выдерживая его неотрывный глубокий взгляд.

Всё для неё определилось вчера, когда пришла помочь исцелить его раны, хоть это до сих пор никак не укладывалось в голове. Ведь с каким отчаянием и борьбой она жаждала свободы всё это долгое время, а сейчас эта жажда свободы стала такой зыбкой, сыпучей, камни её стены начали рушиться, как стан без своего хозяина. Да, сейчас, в его руках, она себе уже не хозяйка. Мирина скомкала ещё больше одеяло, взгляд невольно на лицо его скользнул. По буграм мышц струйками текла кровь — открылась рана. Княжна тут же отстранилась, Вихсар не стал её задерживать.

— Нужно раны перевязать, — рассеянно промолвила она, сдёргивая с себя одеяло, выскальзывая из тёплой постели, такой тесной на вид, что даже и не верилось, что уместились на ней двое.

Мирина собрала разбившуюся за ночь косу, ощущая скользкий, исследующий взгляд Вихсара на себе. Рубаха её хоть и скрывала стан, но была слишком тонкой, и казалось, что под взором валгана она осыпается пеплом. От этого княжна чувствовала себя уязвимой. Вчера её не заботило сильно то, что она бегала по лагерю в исподнем, но тогда была ночь, а теперь утро, и обильный свет кола, проникающий в шатёр, всю её выделял из сумрака. Смущаясь всё же, она откинула косу за спину и прошла к сундуку, держа боковым зрением наблюдающего за ней Вихсара. Коснулась деревянной крышки, обитой пластинами железными с узором чеканным. На сундуке стоял ушат воды, чистой — вчерашнюю уже кто-то вынес. Мирина смутилась ещё больше. Видно, заходил кто-то, когда она спала. Княжна замерла, думая о том, вернулись ли дозорные. Впрочем, если бы вернулись, то батыр стоял бы уже тут и обо всём докладывал хану. Мысль о брате с новой силой ворвалась с сердце, но княжна постаралась отбросить её. Подхватила корец, зачерпнула воды в лохань, взяла чистую ткань и подсела к хану, не глядя на него, смачивая полотно.

— О чём ты думаешь? — спросил Вихсар, откидываясь на подушки.

Мирина сжала плотно губы, не решаясь говорить о том, что так тревожит её. О Нечае лучше вообще ничего не говорить, в сердце держа надежду, что брату удалось уйти.

— Ты знаешь, о чём, — ответила, усердно выжимая рушник. Потом стянула старые, огрубевшие от крови повязки.

Вихсар не заговаривал с ней о нападении и, кажется, не злился на неё за то, что родич её так поступил, а мог бы выместить весь свой гнев. Только его и доли не было во взгляде вождя, а ведь из-за неё под стрелы попал, едва жизни не лишившись. Это обескураживала, пугало Мирину нещадно.

Рана размером с ягоду тёрна потемнела по краям и покрылась вокруг иссиня-багровым цветом. Кровь уже не текла, и остатки её подсохшие княжна принялась вытирать осторожно, вновь выговаривая нужные слова. Так бы всю седмицу нужно, хорошо ещё, луна убывающая, и опасность не грозила, но всё же. Всё же Мирина решила набрать мха да приложить к ране. Чем Угдэй её смазывал, княжна не ведала, а потому надёжней самой всё сделать, хотя и не должна вовсе.

— Нужно посмотреть спину, — сказала, коротко глянув.

Вихсар не стал спорить, повернулся набок, немного грузно, всё же рана мешала двигаться. Он, верно, в помощи её не нуждался, может, и смеялся над ней, только зачем? Мог бы прогнать давно. На спине мощной прямо под лопаткой рана выглядела хуже и безобразней, чем на груди, невольно Мирина укорила себя — не нужно было оставаться, стоило в шатёр свой уйти.

Помимо следа от древка были ещё ссадины, синяки да ещё одна пробоина. Княжну аж передёрнуло от этих увечий. Спина выглядела так, словно только и служила для того, чтобы мишенью быть. Как он ещё в сознании да под длань Мораны не попал? Его боги, верно, покровительствуют ему, знать заслужил, коль сама смерть обошла стороной.

Ополоснув тряпицу, Мирина стёрла разводы багровые, к коже приставшие, вкладывая в каждое движение особую силу, заключая её в наговор, что плёлся из слов, как тот самый поясок в руках Евгастьи. Получалось это так легко, наверное, потому что знание это хранило в ней частичку отца, которую Мирина несла через время и расстояние. Мысли о чернавке потянули за собой другие. Наверное, давно вернулся в Явлич десятник Векула, рассказал всё княжичу Арьяну Вяжеславовичу. Взяв другой лоскут, Мирина торопливо, убегая от неожиданной мысли, свернула

его в несколько раз, приложила к повреждённому месту, а другим, более длинным, опоясала валгана. Управившись, на плечо Вихсара взглянула — тоже бы нужно подлечить, но порез не так страшен, рана сквозная. Мирина стёрла только кровь, что проступила от напряжения излишнего.

Читай на Книгоед.нет

— Ты заботлива, — произнёс хан, смотря на княжну как-то странно.

Сам он в прибавляющемся свете выглядел, как оказалось, хуже, чем заметно было в сумраке. Брови нахмуренные, и между ними тонкие складки пролегли, а под глазами — тёмные круги, оттенявшие и без того блестяще-чёрные глаза, как камни агата, хищные, с прикованным к ней волчьим взглядом. Так и огладила плечи дрожь — не знала, чего и ждать теперь. Вихсар верно сказал, что никогда она раньше не проявляла ни крупицы беспокойства. Признаться себе в том, что испытывала, Мирина никогда бы не смогла: гнев, злость, досаду — да, желание заботиться — нет, и в мыслях не было, и сейчас не знает, зачем делает всё это, сердце не слушает голос ума. А может, просто усталость виновата.

— Иди, Сугар, — вывел из мыслей Вихсар. — Тебе нужно позаботиться и о себе, — добавил, словно прочитав её мысли. — И поешь, как следует, ты слишком бледная. Прикажу принести тебе побольше снеди и сока ягодного, чтобы всё съела и выпила, — сказал он, и хоть голос с каждым словом твердел, по лицу мука скользнула.

Опешив от услышанного, Мирина поднялась, отставляя ушат.

— Оставь, у меня есть люди, которые этим займутся. Иди, я позову тебя, когда придёт время. Не дожидаясь, пока её дважды попросят, княжна пошла к выходу, не веря, что так быстро и легко Вихсар её отпустит, да зубами скрипнула от собственного малодушия. Верно говорила Световида, мало в ней добра, всё о себе думает. Взялась за полог, замерла, сдерживая рвущиеся с языка пожелания скорого выздоровления. Нахмурилась, одёргивая себя, дёрнула полог, шагнув быстро в зябкую прохладу, отрезая себя от взгляда Вихсара тяжёлым пологом из воловьей шкуры. Холод тут же сжал её плечи, скользнул по земле, ныряя под подол до самых колен.

Лагерь был окутан густым туманом, в нём горели у шатров другие костры, сновали воины, занимаясь своими и порученными батыром делами, и сразу видно стало, что мужчин теперь значительно меньше. Мирина, не теряя времени да стараясь на глаза никому не попадаться, пошла быстрым шагом путём окольным. Хоть никто за ней не следил совсем, припустилась в бег по холодной росистой траве, от которой ноги и подол мокрыми стали. Сердце грохотало буйно, взволновалось, и что было тому причиной — не знала, или не хотела знать. Шум в голове и путаница, неразбериха такой тяжёлой её сделали и лёгкой одновременно. Княжна пронеслась мимо сосен рыжебоких, мокрых от влаги, заботливо укутанных в молочный туман, сбежала на песок.

«Откуда он тут?» — только теперь озадачилась.

Видно, речка тут когда-то текла да и высохла, вон и белые осколки ракушек речных кругом. Мирина остановилась у шатра своего. В ушах хоть и кровь грохотала, но было здесь так тихо и глухо, будто под воду нырнула. Если Вихсар отдыхать отправил, значит, в путь они тронутся не сегодня, но и долго не останутся тут, едва ли не под стенами Ровицы. И в том, что Вихсар оправится скоро да через два дня в седло сядет, она и не усомнилась.

Усталость в прохладе утренней да в росе густой вышла вся, и дышать стало легче, свободнее. Расправляя плечи и спину выравнивая, Мирина всё жадно наполняла грудь воздухом свежим еловым. Голова закружилась, и даже скорый отъезд теперь не омрачал, не тяготил. Правильно то или нет, Мирина опять не могла понять.

Отдышавшись, оторвав взор от ельника густо-зелёного, шагнула к порогу шатра, решив и в самом деле отдохнуть полно.

Глава 15

Едва Мирина вышла за порог, Вихсар откинулся на подушки, закрыв глаза, вдыхая сладкий и тёплый запах её, что наполнял всего его до краёв, туманя голову, отяжеляя тело. Безмолвие разлилось по шатру густым киселём, и прикосновения княжны осторожные, нежные исцелили

быстрее всех трав, погасили боль. Взгляд свинцово-сизых глаз мягкий, туманный поднимал и закручивал в душе смерчем разные чувства: и ревность, и восхищение, толкая его в пропасть. Пташка смогла завладеть им, сама того не зная, не зная, какая сила оказалась в её власти. Голос хрустально-чистый ещё раздаётся в голове с его именем, вышептанном из мягких губ. С дикой жадностью хотелось вобрать их, почувствовать вкус, влагу, глотнуть её дыхание, сплести со своим, огладить горящие щеки, покрывшиеся румянцем. Голос льётся в самое сердце живительный водой.

Гордая, неприступная, Сугар осталась с ним сама. Эта мысль раз за разом ударяет мощным потоком ветра в грудь, будоража дух. Гордая пташка всполошила всю его жизнь, которую он готов был отдать, страшась за неё. От этого осознания, что она могла погибнуть, страх вгрызся между лопаток, вынуждая дыхание в ком сжаться, содрогнуться так же, как от удара стрелы. Когда увидел кровь на ней, чуть не обезумел.

Положив ладонь на грудь привычно, Вихсар не нашёл то, чего желали касаться его пальцы. Хан повернул голову набок, протянул руку, не обращая внимания на то, как загорелись раны жжением. Откинул крышку дубового ларя, окованного чеканным серебром, извлёк с неглубокого дна обереги, выбирал один единственный, поднёс к глазам, рассматривая руны, высеченные на железе. Сугар, её имя было так же высечено на железной душе воина. И этот безмолвный взгляд. Безмолвный, но говорящий о многом другим языком, Вихсар чувствовал. Прохлада железа в его руках напоминала пальцы Мирины, такие же холодные, гладкие, порхающие, раньше он это замечал, но не так явственно, как теперь, когда они блуждали по его телу, успокаивали, умирляли дрожь. Сам будто лежал на лезвиях клинков, но резь и усталость не касались его, пламенели где-то за гранью его, и Мирина была его спасительным островком. Вихсар думал об этом, и с каждым воспоминанием вчерашнего дня приходила и тревога. Угдэй сказал, что они потеряли много людей. Батыр перечислял имена, а внутри его всё темнело. Этих воинов он отбирал сам, лучших, искусных, выдержанных. Всё же этого молокососа Вихсар недооценил. Щенок решил показать оскал, но ему самому бы не пришла эта затея в голову, и хан догадывался теперь, кто за этим всем стоял, хотя сразу не подумал. У младшего княжича и ума не хватило бы устроить засаду. Тут явно замешан Вортислав, к вещунье не ходи. Падаль, решил чужими руками расправиться со всеми и убить двух зайцев сразу.

Вихсар вдруг вспомнил заволощённые слезами глаза Мирины и то, как она бросилась к брату. Он видел её слёзы отчаяния и дикий страх за жизнь родича, ведь бросилась под стрелы. Смелая, отчаянная и храбрая Сугар.

Хан задумчиво покрутил колёсико в пальцах, поднёс холодное железо к губам, согревая его своим теплом. Как же он желал, чтобы она точно так же боялась за его жизнь.

Пришла ли вчера по своей воле?

Но когда княжна зашла в шатёр, первое, что хотел сделать, это отослать её прочь. Вот только слова обратились сталью в горле при виде в чертах её красивого лица, в испуганных и в то же время спокойных глазах горесть и сожаление.

Ещё ночью, когда она уснула с ним рядом, он позвал одного из бойцов, приказав охранять княжну с большим усердием, тайно, чтобы она ничего не заподозрила. Угдэю после того, как тот выразил свой укор и сомнение в его выборе, он доверять не мог себе позволить. Каким бы преданным батыр ни был, здесь их взгляды расходятся. Потому вождь выбрал Агреша. Боец он отменный, хладнокровный и честный. Как бы Вихсар ни давал Мирине свободу, а оставить её без пригляда теперь, после того, как она едва не погибла, не мог.

Вождь натужно сжал в кулаке оберег, устремив взгляд сквозь весь шатёр к пологу, из щелей которого струилась прохлада. Она опадала к земле, тянулась к постели, оглаживая бока.

Белёсый, чуть зеленоватый свет раннего утра наполнял кровлю, навевая покой.

Но долго побыть в одиночестве Вихсару не дали, шум послышался за стенками тонкими, а следом замелькали тени, разнёсся голос Угдэя, отдававшего приказы стражникам, что окружали шатёр хана. Батыр вошёл, пуская за собой поток света, разогнал полумрак, но он тут же сгустился вновь, погружая в себя лежащего на смятой постели хана. Угдэй, посмотрев пристально на хозяина, прошёл вглубь, к остывшим углям. Вихсар разжал кулак с нагретым в нём до жара железом, положил подвеску обратно в ларь.

— Дозорные вернулись, — доложил батыр.

Закрыв крышку, хан протяжно выдохнул, возвращаясь в изначальное положение, да куда там, боль сразу стрельнула в грудь, опаливая все внутренности. Нахмурившись, хан глянул на приросшего к месту Угдэя, что наблюдал за ним с беспокойством.

— Ушёл княжич, — сказал батыр сперва коротко, а потом принялся разяснять.

Вихсар опустил взор. Наверное, эта весть его бы взбушевала и привела в ярость, но сейчас ничего не было внутри. Несомненно, малец заслужил смерть, он лишил его лучших воинов, и хан должен отомстить за них, за их смерти, придушить княжича собственными руками, вместе с ним растоптать копытами жеребца и самого предателя Вортислава, а княгиню Световиду отдать ублажать своих воинов — он должен был сделать это всё ещё тогда, на пиру. Его честность обернулась бедой, и взгляд Угдэя сейчас говорил именно об этом. Глаза его блестили льдинами, безжизненно даже, он тоже жаждал возмездия. И чем дольше Вихсар глотал горечь произошедшего, тем сильнее раскалялся в нём гнев, даже сердце стало перехватывать болью, оставляя глубокие пережабины.

— Всю ночь выслеживали, след было взяли, а потом пропали те, как и не было вовсе. Волички знают, как прятаться в своём лесу, он их укрыл. Оставаться здесь опасно. Нужно уходить.

Пятнадцать бойцов осталось у нас, — заключил батыр.

Вихсар, выслушав, бросил на него тяжёлый взгляд.

— Они не вернутся, — ответил мрачно хан. — Здесь останемся ещё на две ночи, подготавливай остальных к отбытию.

Угдэй кивнул, повернулся к двери, собираясь уходить — дел ещё было много.

— Позови мне Тимина, — велел напоследок хан, отпуская его.

Воин вышел, оставляя Вихсара в тишине. Всё же нехорошо, что мальчишка околачивается возле княжны. Может, и правда той пленнице, взятой из деревни Игши, позволить остаться с ней?

Отрок явился быстро, оповестил о том, что Мирина осталась в своём шатре и оттуда не выходила. Ей нужно время, чтобы оправиться, Вихсар это понимал отчётливо и решил пока оставить её в покое. Сам весь день промаялся с ранами, поворачиваясь с боку на бок. После обеда, когда батыр справился с задачами, он пришёл в шатёр, видно, опасался, что жар всё же может обрушиться на вожда к ночи. Но огненный вихрь не трогал его, что удивляло даже такого заскорузлого мужа, как Угдэй. Может, всё же защитили заговоры княжны, а может, не они вовсе, а что-то другое, то, что так много давало ему сил — её присутствие рядом.

К вечеру усталость всё же начала донимать, и иногда Вихсар проваливался в сон, но стоило едва прикрыть веки, стали приходить в шатёр один за другим дозорные с донесением лично к хану, потом Тимин — с рассказами о том, чем была занята княжна. И оказалось, ходила она в чащу, а вот для чего, отрок не знал. И пусть была надёжная защита под приглядом Агреша, но всё же это не совсем нравилось Вихсару. Всякая опасность может поджидать там, где её вовсе не ждёшь, как это было вчера. Предчувствия Угдэя, да и его тоже, погребённые под собственной самоуверенностью, оправдались. А потому к ночи всё же удвоил охрану возле шатра княжны.

В эту ночь ни один воин не спал, и Вихсар — тоже. Если бы не проклятые увечья, то... Хан сжал зубы. Нет, он должен быть другим с ней, она требует иного отношения. Не похожая ни на одну женщин, Сугар как хрусталь в его руках, он не должен слишком давить, иначе раздавит её и поранится сам. Он дал себе обещание, и он его исполнит, пусть и полосует нещадно возбуждение, сворачивается комом, отдаваясь резкой болью в паху. Как бы нутро всё ни горело, охваченное диким пламенем желания соединиться с ней, как бы ни хотелось призвать её к себе, заглянуть в омуты глаз, собрать горстями золотые шёлковые пряди, вдохнуть их запах, ласкать её тело, такое манящее вожака, гибкое, сказать, что хочет её до безумия и готов остаться только с ней одной, единственной.

Прошлой ночью рядом с ним она была такая трепетная, настоящая, его Сугар была в его объятиях, она не пыталась вырваться, хладнокровная княжна повиновалась ему, несмело, мягко. Нет, сегодня он ничего этого не сделает, он подождёт. Хотя находясь рядом с ней, сдерживаться было почти невозможно, и он как волк, посаженный на цепь, которого постоянно одёргивали его собственные обязательства. Но их он выполнит, пусть с каждым вздохом это становилось всё труднее.

Вихсар, погружённый в беспокойные мысли, всё же уснул, но только под утро, когда сумрак начал редеть, истончаться едва заметно, поддёргивая стены шатра сединой, но всё же в предвестии утра.

И казалось, сон его был безмятежный, глубокий. Вихсару снилась земля отцов, его родина — степь. Чистая, девственная, поросшая сочно-зелёной травой с лентами соцветий бурых маков. Маки пестрели, будто брызги крови, будоража душу. Нагретая солнцем земля щедро окутывала теплом, до удушья, лишь обрывистый ветер мягко скользил, оглаживая низкие округлые холмы, завивался на узких стёжках, что тянулись от одного становища к другому. Воздушные вихри поднимали ввысь перья и сухую траву. Вихсар узнал эти места. Там, за грядой курганов, озеро, куда он на закате дня ездил освежиться после жаркого дня.

Щуря глаза на обжигающее солнце, хан поднял голову, отрывая взор от окоёма. В шафраново-золотом вечернем небе замерли распростёршие широкие крылья ястребы, реющие в воздушных потоках невесомо. Вдали из высокой травы поднялась с озера стайка уток, с запозданием донёсся шум лёгкого и быстрого хлопанья крыльев.

Вихсар наблюдал за этим буйством цвета, за игрой солнечных переливов, за сменяющимися друг друга запахами соцветий, за скользящим движением воздуха по траве, ощущая, как только что стоячий воздух вдруг оживился. Налетевший ветер пихнул мужчину в спину, скользнул по лодыжкам, прошелестел в волосах. Хан всё же скосил взгляд в сторону, хоть и знал, что в этих местах ничего угрожать ему не может, да только поздно — удар пришёлся куда-то в шею. Мгновенно померк свет, подкосились ноги. Глухое падение в траву, и вся та жизнь, что до этого мига он вбирал в себя с таким упоением и жадностью, угасла.

Очнувшись от того, что ему не чем стало дышать. Разлепив веки, Вихсар увидел дым, поднимающийся столбом ввысь. Едкий дым вливался щедрыми горстями в грудь, до страшной муки раздвигая нутро, раздирая на части. Вихсар дёрнулся, но не смог и с места двинуться. Хватая жадно ртом воздух, задышал короткими глотками — густеющий смог комом падал в нутро, отяжеляя всё тело, делая его свинцовым. Горло стало раздирать сухое жжение, стягивая гортань верёвкой до тошноты. Чувствуя приближение неминуемой кончины, Вихсар, придавливаемый к ровному алтарю, на котором лежал, пригвождённый чей-то злой волей, вновь попытался встать — не вышло. В следующий миг на него будто вылили целую кадку кипящей смолы. Вихсар закричал от невыносимой боли, продравшей всё тело железными крюками, но его крик забил прогоркший дым и запах палёной кожи. Он весь тлел: осыпалась пеплом одежда, волосы, плавилась кожа. Огонь, взбешённый вкусом плоти, занимался буйно, нещадно, остервенело глодал его тело, впитывая его боль и от того становясь ещё сильнее. Алые языки вгрызались в кожу, и та, раздуваясь пузырями, расплзалась и ошмётками падала с его рук, груди, ног, развеиваясь прахом по земле. Ему оставалось только наблюдать, как чёрный смог погребает его под своей непомерной тяжестью. Отчаяние накрыло его с головой. Отчаяние от того, что не знает, за что так мучительно умирает, неведение разрывало Вихсара всего изнутри, убивая быстрее, чем это делал огонь.

— Хан! — чей-то голос резко вытянул из ступившегося сажевого смога, жара и горечи. — Вихсар! Очнись, хан.

Он дёрнулся с места и тут же скривился: трескающая боль ударила в рёбра тупым обухом, выбивая остатки дыхания. Вихсара выбросило, как окуня из проруби на лёд, в освещённый очагом шатёр. Боль сжала грудь, выталкивая обрывистое дыхание, вытесняя из горла стоны, но страшное видение постепенно стало теряться в туманной дали.

«Опять этот сон».

Если в первый раз привиделся погребальный алтарь со стороны, то теперь хан лежал на нём, словно жертвенный бык, живо ощущая, как глодает тело огонь, и его разрывает от боли. Стиснув челюсти, Вихсар шумно отдышался через нос, разжав кулаки, что до этого сжимали постель с силой. Он выдохнул, понимая, что находится в натоленном шатре, открыл глаза, видя над собой в багряном свете встревоженного батыра. Крупные очертания лица и плеч мужчины, склонявшегося над ним, постепенно приобретали чёткость в его глазах и памяти. Батыр облегчённо выдохнул, выждал ещё немного, убеждаясь окончательно, что хан пришёл в себя, выпрямился.

Вихсар потёр взмокшую шею, всё ещё чувствуя, как кожа вся горит на спине, плечах, груди, оставляя вкус гари на языке.

— Сколько я спал?

— Весь день. Сейчас вечерняя смена дозора. Может, всё же знахарку отыскать? — предложил Угдэй — не сдержался, видно думая, что к ночи только хуже станет.

— Нет, — не поворачивая головы, ответил хан сухо, устремляя взор в купол кровли. Батыр не знает истинной причины его горячки.

Угдей сжал терпеливо челюсти, настаивать не стал. Вихсар всё же обратил на него взор. Воин был одет в просторный кафтан ниже колен из стёганого сукна, запахнутый наискось, завязанный ремешками на боку. Из оружия только широкий кинжал с резным костяным навершием, в кожаных, украшенных мелкой узорной вышивкой ножнах, подвешенных на тонком поясе.

— Всё тихо. Ушли воличи раны зализывать. Они теперь уже не вернутся и не придут забирать павших в бою своих братьев, — пустился доносить батыр.

Вихсар помрачнел — тяжесть легла на сердце от утраты. Он ведь так и не смог выйти к погребальному костру, проводить своих соратников в последний путь. Вихсар пронизал пальцами липкие, ссохшиеся волосы, сдёргивая повязку с головы. Некоторое время лежал недвижимо, оправляясь, слушая kloчующие удары сердца, шум в голове, треск поленьев в очаге. Грудь вздымалась и опускалась рвано и туго. Тревога ещё давила, цепляясь за обрывки сновидения, но с каждым вздохом сон улетучивался, как тот самый пепел погребального костра и его собственного праха.

Вихсар, кривясь от острой рези, приподнялся. Угдэй вышел из шатра, следом послышались короткие распоряжения. И уже вскоре воины внесли тяжёлый поднос с жареной лосятиной и кувшинами вина.

— Сегодня была славная охота, — пояснил Угдэй, пройдя к низкому круглому столику, где и оставили еду.

Батыр опустился на ковёр, скрестив ноги. Запах съестного вёлся в нос, дразня, пробуждая зверский голод — Вихсар не ел уже третий день к ряду. Угдэй, выдернув из-за пояса тесак, принялся сосредоточенно и с удовольствием рассекать массивный ломоть на тонкие полосы. Качнувшись вперёд, хан поднялся. От притока крови на время в глазах потемнело, но слабость отступила быстро. Накинув кафтан, который подал Тимин, Вихсар повернулся к помощнику.

— Позови ко мне княжну, — велел он.

Со вчерашнего утра не видел, а казалось, будто вечность. И Агреш не спешил появляться с доносом, хотя может, он и приходил, да Угдэй не позволил тревожить.

Отрок поклонился, поспешил исполнить поручение.

Потребность увидеть Сугар ткнулась в грудь настойчиво и так открыто, что по телу разлилось приятное тепло. Предвкушение скорой встречи, будто глоток животворной воды, даже горькая полынь, показала бы сейчас сладкой.

Ступая по мягкому ковру, Вихсар приблизился к очагу, опустился не без труда в ворох подушек и тюков. Батыр, подхватил кувшин с пёстрой росписью на пузатых боках, влил в чашу ароматного, тёмно-бардового смородинового вина-зелья, подал хану. Вихсар потянул в себя маслянистое сладко-горькое вино, задумчиво смотря на струйки дыма, что выскальзывал через небольшое круглое отверстие кровли. В нём было видно вечернее зеленовато-сизое небо. Выпитое притупило резь, а когда хан допил всю чашу — она исчезла совсем, делая его свободным от телесных мук. Сон окончательно растворился, как этот самый дым, поднимающийся ввысь.

Распив за разговором с батыром кувшин, Вихсар всё поглядывал в сторону дверного проёма, ожидая увидеть там княжну — она задерживалась. Нетерпение охватывало всё больше. Угдэй за трапезой продолжал всё рассказывать что-то, смысл его слов за ожиданием остался размытым и туманным. Когда батыр подхватил второй кувшин, Вихсар решил сам пойти к ней, но тут же полог вдруг скользнул в сторону. Вихсар напрягся весь в ожидании увидеть княжну, но разочарование от того, что в шатёр шагнул Багдар, окатило отрезвляющей волной, растирая его в ледяную крупу.

Угдэй грозно подобрался весь, невольно сжав в кулаке тесак.

— Что там?

— Пленница... — начал мрачно Багдар поглядев на хана. — Уже несколько раз ловили, что делать? Не угомонится никак.

Угдэй от гнева покрылся багряными пятнами.

— Вы что, девку не знаете как усмирить? — разразился было ругательствами.

— Приведи её сюда, — перебил Вихсар, решая посмотреть на неё поближе.

Бадгар, склонив голову, вышел из шатра. Вихсар подхватил полоску мякоти, положил себе в рот. Полог откинулся вновь и внутрь грубо толкнули девку. Пленница, охнув, споткнулась о край ковра и едва ли не кулём вкатилась, а как только поняла, где оказалась, и кто перед ней, замерла в страхе. Ей не пришлось мысли склонить хотя бы голову, потому Бадгар быстро поправил её положение, настиг девку в один шаг. Схватив жёстко за волосы, ткнул в землю носом.

— Ну, говори, чего хотела! — прорычал в самое ухо надсмотрщик, нависая грозно, но девка будто язык проглотила, всхлипывала только.

Воин, не выдержав её скулежа, занёс руку — глухой удар, и девка упала на землю, но тут же была вздёрнута на колени вновь. Из рассечённой губы её потекла кровь.

Вихсар хмуро глянул на Бадгара. Тот девку всё же выпустил, но не отошёл. Пленница будто и не замечала, как тонкая струйка по подбородку потекла, капая на волосы и платье. На руках её атели многочисленные синяки и ссадины. Вихсар приказывал её не насиловать, и нисколько не сомневался, что его веление будут исполнять беспрекословно. От потрясения она притихла — удар всё же привёл её немного в чувство — взгляд прояснился. Вихсар отметил, что воличанка была приятна собой, не портили её и растрёпанные волосы, завитками, взмокшими от слёз, обрамлявшие лицо немного узкое, с алеющим следом на щеке от руки воина. Тонкий нос, изломанные брови, губы маленькие. Ресницы короткие, но пушистые, дрожали, оттеняя яркие зелёные глаза. Она поглядывала из-под ресниц на Бадгара с ужасом.

— Говори, — потребовал жёстко надсмотрщик вновь. Он явно выходил из себя от её молчания. Угдэй поёрзал на месте, он бы сам не церемонился так, давно бы отдал бабу на утеху воинам, которые в воздержании уже слишком давно.

Воличанка перевела взгляд на хана.

— Отпусти... Отпусти домой, прошу, — обронили дрожащие губы сквозь беззвучное рыдание, слёзы градом текли из мокрых глаз, заливая щёки. — Домой отпусти, прошу.

— Довольно, — рыкнул на неё Бадгар, оскалившись гневно, чуя, что та снова в рыдании зайдётся.

Девка смолкла послушно, смотря с отчаянием на хана. Раньше бы Вихсар и сам не отказался от трофея. Но сейчас он ждал другую. Даже Лавья стала горькая и солёная, как морская вода после того, как появилась в его постели Мирина. Её вкусом сладким и спелым он никак не мог насытиться, каждый раз, из ночи в ночь. И сейчас, смотря на пленницу и будто сквозь неё, он вспомнил самую первую из ночей с княжной...

Вихсар вздрогнул, сжал зубы и кулаки, чувствуя, как при мысли о Сугар сгорает до самого основания. Придётся самому идти к ней, слишком долго она заставляет его ждать.

— Домой ты уже не попадёшь, — ответил он, наблюдая, как увяла зелень в глазах пленницы. — Если будешь тихо и смиренно себя вести, пойдёшь в услужение к княжне, — заключил он. — А если нет, то станешь ублажать моих воинов.

Девка хлопнула ресницами, проглатывая сказанное, ошарашенно посмотрела на Угдэя, потом на Бадгара, понимая всю тяжесть незавидной своей судьбы, которая грозила ей, если попытается ещё раз сбежать. Вот и хорошо. Вихсар глянул на Бадгара, жестом приказывая увести. Воин подхватил девку, как мешок с ветошью, поволок прочь из шатра.

Подняв чару к губам, Вихсар сделал глоток. Угдэй молчал, но хан кожей ощущал на себе его недоумение. В тишине они находились недолго. Скользнул по щеке сквозняк, Вихсар словно по мановению повернул голову, пристыв взглядом ко входу.

— Оставь нас, — велел батыру, не выпуская из-под взгляда застывшую на пороге княжну.

Угдэй грузно поднялся, оправив пояс и тяжело глянув на хана, направился к выходу. Мирина посторонилась, позволяя мужчине выйти наружу. Когда он ушёл, на бледном лице княжны отразилась растерянность.

При виде отдохнувшей Сугар, вино заиграло в крови гуще, пуская волны жара по телу. Нежная, чистая, как роса поутру. На ней была льняная белёная рубаха-платье до пола с просторными широкими рукавами — не для работы, для красоты, они скрывали узкие запястья. Платье подвязано пояском, вышитым вишнёвого цвета нитью, концы его падали ниже колен. Волосы, как и всегда, заправлены в косу, открывая тонкую шею, ложбинку между ключицами, так отчётливо видневшуюся в низком вороте. Вздымалась и опадала округлая высокая грудь.

Никаких громоздких украшений. Словно кувшинка речная, легко и скользяще всплыла в шатёр, освещая своим присутствием всё вокруг. В руках она держала котомку.

— Проходи, Сугар, — пригласил хан, не спуская с неё пристального взгляда.

Мирина выждала немного, будто ещё решала, остаться или уйти, да только поздно — она пришла, сама, хоть и по его просьбе. Но если решит уйти, он не станет её останавливать.

Вихсар с жадностью и спокойствием пронаблюдал, как она прошла вперёд, качнув бёдрами, не ведая, какую силу пробуждает в нём. Он подал ей руку. Мирина посмотрела на него сверху, растерявшись ещё больше. Протянула руку, вложив в его ладонь. Пальцы ровные, гладкие, прохладные, их хотелось гладить, целовать, всю её целовать, вкушать сладость кожи, пропитаться запахом дурманным.

— Я принесла кое-что, — попыталась она высвободить руку, но Вихсар не позволил.

Вот зачем она ходила в чащобу — его Сугар старалась для него. Гордая княжна, неприступная Сугар, была ещё и великодушной — качество достойное для его будущей жены.

— Потом.

Вихсар забрал из её руки котомку, бросил рядом, поднёс её пальцы к своим губам, поднял взгляд, погрузившись в глубину голубых глаз. В них по-прежнему блуждала скованность и стеснённость, и что-то ещё, то, от чего лёд в её глазах таял, делая взгляд тёплым, тягучим, туманным. Мирина сжала губы, и те налились краской, делаясь такими же вишнёвыми, как поясок на узкой талии. Желание, подогретое хмельным зельем, огненной волной всколыхнулось в нём, бросая в дрожь. Опылённый красотой и ароматом, он притянул её к себе ближе. Теперь она пахла лесом, хвоей и чем-то сладким, едва уловимым. Пахла уповательно. Сердце забухало гулко, вся кровь хлынула в вниз живота, отяжеляя до твёрдой стали плоть. Вихсар потянулся к Мирине, не слыша дробящей боли в рёбрах. Он хочет касаться её. Прямо сейчас. Хан вторгся руками под подол белоснежной рубахи, обхватывая тонкие щиколотки, скользнул вверх по гладким, как шёлк, икрам, ощущая каждый изгиб её стройных ног. Мирина не пыталась отстраниться, но её осторожность и твёрдость опускалась ему на плечи грузом — она ещё не готова принять его. Но остановиться было невозможно. Вихсар поднял ладони выше, задирая рубаху, припал губами к её колену, проведя языком по ямочке, втягивая с жадностью горячий густой запах. Мирина качнулась. Он услышал, как она задышала глубоко, шумно, сбивчиво, а в следующий миг княжна коснулась его волос.

— Тебе приятно, — прошептал он, стараясь быть не слишком настойчивым, но нетерпение рвалось наружу против его воли.

Не дождавшись ответа, Вихсар смял округлые бёдра, оставляя следы пальцев на коже Мирины. Он провёл ладонью между её ног и мгновенно потерял ум, когда коснулся мягкого сокровенного места.

Мирина отпрянула, будто очнувшись только, Вихсар грубо удержал её, но, сделав тяжёлый вдох-выдох, выпустил, чувствуя, как давят на плечи её ладони. Он не должен так неосторожно и грубо оборвать тонкую нить её доверия, что протянулась совсем недавно.

В затуманенную голову запоздало донёсся с улицы весёлый возглас.

— Хотел тебя увидеть, — сказал он хрипло, видя, как Мирина напряглась вся, продолжая стоять на своём месте и смотреть. — Но лучше тебе уйти.

— А раны? Их надо... — заговорила она севшим голосом и вдруг опустилась, присаживаясь рядом.

— Ты не слышала, что я тебе сказал, Сугар? — грянул хан, опалив девушку жёстким взглядом.

Княжна занемела, даже грудь не поднялась во вдохе, глаза помутнели, забегали по его лицу безмолвно. Долго. Дёрнув подбородком, Мирина встала. Вихсар молниеносно перехватил её за запястье, рванул на себя. Княжна не устояла, рухнув прямо на его грудь. Одним стремительным движением он опрокинул её на подушки, распластав под собой. С жадностью впился в губы.

Мирина, издав невнятный вскрик, вывернулась вся под ним. Держа крепко, Вихсар кусал тонкую, нежную кожу мягких губ, раскрывал их, сплетая дыхания. Свободной рукой огладил стан, чувствуя под ладонью каждый изгиб, содрогаясь от жажды. Ткань мешала. Рванув завязки на вороте, распахнув его, Вихсар сжал в ладони полную горячую грудь с затвердевшим от его ласк соском, издал сдержанный стон, вообрал в себя комок, слегка прикусывая. Мирина выгнулась, и Вихсар вновь накрыл её губы своими, с упоением целуя, то глубоко проникая языком, то легко и нежно скользил по самым краешкам. Он притянул бёдра княжны к своему паху, прильнув теснее. Мирина не дёрнулась в ответ, обмякла вдруг. Хан прервал поцелуй,

заглянул в глаза и закаменел, наблюдая лишь, как сильнее затягивается чистая синева туманом под бархатом ресниц.

— Ты желаешь меня, Сугар, — прохрипел сдавленно вместе с нарастающей в теле болью, вновь прильнул к её губам, лаская, шепча между перерывами, — и я жажду пить твой огонь... Хочу, чтобы ты дышала мной... Горела в моих руках... Стонала... Позови меня по имени... Сугар... Назови...

Мирина молчала, продолжая содрогаться в сильных объятиях.

— Ну, — почти с мольбой приказал он, качнувшись всем телом, потёршись.

— Вихсар, — вылетел сдержанный выдох из её жарких, налитых багрянцем от поцелуев губ.

Он вновь накрыл размягчившуюся плоть, перехватывая дыхание. Этого мало. Слишком.

— Ещё, — потребовал, сминая грубой ладонью нежную мокрую плоть между бёдрами, лаская жадно, резко, безжалостно. — Ещё, Сугар, — попросил, проникая пальцами в горячую глубину, так свободно принявшую их.

— Вихсар. Вихсар... — сорвалось с губ сбивчиво, взхлёб, когда он толкнулся в неё резче и глубже.

Голос Мирины стучит в голове как в набат, в паху скручивает судорога острого вожделения, глаза застелила багровая пелена. Мирина, обрывисто дыша, вдруг закаменела, сжимая бёдра. Хан, дыша тяжело, оторвав от неё замутнённый взгляд, тоже посмотрел вниз. И не сразу увидел окровавленную руку Мирины на своём животе, а потом и груди. Всё её платье было в тёмных пятнах, и это отрезвило его мгновенно. Он скрипнул зубами, сжал пальцы в кулак до ломоты в костях.

— Рана открылась, — Мирина, очнувшись совсем, дёрнулась за котомкой.

Вихсар задержал её.

— Не надо, — отстранился.

Княжна с беспокойным непониманием посмотрела на него.

— Я могу...

— Тимин справится.

Мирина замерла, смотря с удивлением и растерянностью, он — с пылом.

— Иди к себе.

Взгляд княжны вдруг потемнел. Она выдохнула шумно, так, что крылья носа вздрогнули, сжала кулаки и поднялась быстро, отступила на шаг, потом ещё, развернувшись, почти бегом ринулась к выходу.

Вся боль и резь отдались сторицей, что хоть живым в землю ложись. Вихсар не без усилий поднялся, одурманенный близостью, что подарила ему княжна, его всё ещё трясло. Он шагнул, но земля вдруг под ногами качнулась, и его зашатало всерьёз. Вихсар успел ухватиться за столб. Посмотрев в сторону кадки, сглотнул сухость, кривясь от рваной боли.

Нужен воздух. И так паршиво сделалось, что оставаться здесь не было ни сил, ни желания.

Тимин встретил хана уже на выходе, приказав мальчишке убрать всё, сам вышел наружу.

Стражники, что стояли у юрты, не беспокоили. Тёплый и свежий вечер принял его с распростёртыми объятиями. Вихсар задышал глубоко, хоть давалось это с трудом, остужая пожар внутри, устремляя взор в обширный лес, чёрный, холодный, пахнувший мхом, прелостью листвы, древесной трухой. На прогалине, где валганы остановились, горели костры. У одного из них за палатками да юртами столпились воины, шумно переговариваясь. О чём — Вихсар не вникал.

— Оставайтесь здесь, — велел он стражникам и зашагал в сторону леса, в том самом направлении, куда он спешил, покидая шатёр Мирины, когда напали на становище воличи.

Небольшое озеро лежало в каменистой низине, до него добраться оказалось нетрудно. Сойдя по пологому уступу, Вихсар почти с ходу погрузился в воду едва не по грудь, но всё же раны не стал мочить, как бы ни хотелось с головой уйти на дно. Ледяная вода ласкала кожу, вынуждая дышать ещё глубже и реже, вынуждая отрешиться от всего.

Вода в ночи казалась чёрной. Ступни касались камней, скользких, покрытых илом. Плеснув гостями в лицо ледяной воды, намочил и волосы, смывая кровь. И как стало немного легче, Вихсар пошёл обратно к берегу, вслушиваясь в тишину, которую боялись нарушить даже лесные птицы, хотя здесь их, верно, было тьма. Хоть не верил во всякие рассказы, что были на слуху у местных об озёрах здешних, поспешил покинуть тихую заводь, что дала ему бодрость и свежесть. Подобрал кафтан, облачился вновь, запахиваясь, да всё вглядывался в тени.

В шатёр не вернулся, остался у костра с остальными до самой глубокой ночи. Всё говорили о многом, об ушедших из жизни бойцах да землях диких, местами проклятых, гиблых, местами поистине великих и красивых. Через череду слов Вихсар то и дело поглядывал в сторону убежища Мирины. Следы её нежных касаний, словно ожоги клейма, отпечатывались на коже и сердце, пробуждая в нём вновь и вновь пережитые чувства, заставляя заново их ощущать ярко, остро. И одно желание зрело в нём всё больше — скорее добраться до места да обряд провести, скрепить судьбы узами. Тогда он сможет немного успокоиться, зная, что никто больше у него не отнимет Сугар, не посмеет увести.

Как брызнули из-за верхушек елей первые лучи, лагерь ожил. Угдэй помог перевязывать раны да присыпать их порошком, что принесла княжна. Разобрали споро шатры, сложили всё на обозы, погасили костры да покинули проклятое место, в котором потеряли шестерых своих лучших воинов. Мирина вновь поднялась в седло и ехала где-то в середине поредевшей вереницы. Вихсар не искал её глазами, отчасти чтобы излишне не тревожить свои ставшие совершенно не управляемыми желания, от части он не готов был после короткой близости видеть прежнюю холодность в её взоре. Но где-то в глубине хранил надежду, что она изредка, но ловит его стан взглядом. От одной этой мысли внутри делалось горячо и как-то непривычно тесно. И когда в очередной раз посылал Тимина на привалах к княжне, ревность врезалась в сердце плугом, бороздя его изнутри, а при мысли о том, что за ней наблюдают десятки чужих мужских глаз, тлел весь от этого яда, хоть доверял как своим братьям, да в головы каждому не заберёшься и желания разные, порой неподвластные разуму, не высечешь.

Когда подобралась, наконец, к Бершуху, небольшому торговому городищу, да спустились к пристани, Вихсар приказал пленницу к Мирине отослать — та после разговора притихла, не бунтовала больше.

Многолюдно оказалось на пристани. Местные и заезжие спешили в это время отплыть от берегов, чтобы поскорее попасть в другие города на торжища со своим богатым товаром. Грузёные ладьи одна за другой отплывали от берегов медленно и лениво. День теплом своим да ясностью сегодня не сильно баловал.

— Узнал я кое-что, — сказал Угдэй, возвращаясь от кормчего, с которым уговорились к становищу плыть.

Вихсар плащ накинул кожаный — дождю быть, как бы ни хотелось обратного. Оторвав взор от серой, тонувшей в утренней мгле речной дали, хан обратил его на батыра, что озирался по сторонам.

— Говори.

— Княжич этот из Явлича, — начал совсем тихо Угдэй, недоверчиво стреляя взором на стоявших рядом мужей, что одни на всём берегу собирались на ловлю, сети расправляли. — Арьян этот, сын Вяжеслава, собирает людей. Говорят, желает окрестности княжеств соседних объехать, мол больно вольно стали тати разбойничать.

Вихсар понял сразу, на что намекает верный друг. Внутри опалило жгуче, цепляя хоть и поджившую, но всё ещё опасную рану. Взглядом он жадно скользнул по воинам своим, выискивая княжну. Нашёл. Закутанная в плащ, она стояла у самого края помоста, тихо смотрела на реку, ожидая времени отбытия. И как-то сердце сжало в тиски от вида её растерянного и одинокого. От одной мысли, что княжич может приблизиться к ней хоть на один шаг, скрутило страшно. Да он сердце его вырвет и сожжёт!

Мирина, будто взгляд чужой почувствовав, повернулась.

— Я понял тебя, Угдэй, — повернулся хан к батыру, вспоминая о нём. — Как прибудем на место, послушаем, что скажут наши посланцы.

— Всё верно ты рассчитал, хан, и войско, стало быть, от хан Бивсара ждать нужно.

Вихсар глянул на него.

«Нужно или нет — это ещё как посмотреть!», — подумал, но ничего не стал говорить.

Когда водрузили всю поклажу да заготовленные припасы в ладьи и поднялись на борт, Мирина подошла к хану. Кутаясь в накидку с меховым отворотом лисьим, княжна, уклоняясь от ветра, что поднялся на третий день их долгого пути к реке Вель, нагоняя на небо хмарь, да принося холод, смотрела как-то нерешительно, но спокойно.

— Спасибо, — проронила, сжимая губы, словно и не должна этого говорить, да сердце просилось.

Лицо паутины волос оплело, когда ветер подул в парусину, наполняя шумно полотно воздухом, и глаза княжны стали темнее самого глубокого моря. Мирина, выдохнув, оправляясь от мыслей, резко отвернула лицо, развернувшись, протискиваясь между поклажей, пошла на другой конец ладьи, убегая. И как только скрылась, Вихсар обратил взор в сажеево-сизое небо с рябью седых облаков, таких холодных и тяжёлых, и внутри было так же муторно и беспокойно, отчаянно жгло нетерпение, так что впору с головой в ледяной омут. И всё же, пусть она ещё не стала его, пусть и смотрела холодно и отрешённо иной раз, но Вихсар знал — за этой коркой льда пылает настоящая обжигающая пламя.

0j/4AAQSkZJRgABAQEASABIAAD/2wBDAAcAgMCagMDAwMEAwwMEBQgFBQQEBQoHBWYIDA
om
DAsKCwsNDhIQDQ4RDgsLEBYQERMUFRUVDA8XGBYUGBIUFRT/2wBDAQMEBAUEBQkFbQkUD
QsN
FBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQUFBQT/
wAAR
CAFBANwDAREEAHEBAxEB/8QAHQAAAQQAQAEAAAAAAAAAAAAABwQFBggAAgMBCf/EAFE
QAAED
AgQEBAQEAgYIAGUNAAECAwQFEQAGEIEHEzFBCCJRYRQycYEjQpGhFcEJFIjcrEkMOOCotHh
8GPxc3SEK7MXGCumNFRkg5KUO7LS/8QAHAEAAgIDAQEAAAAAAAAAAAAABAUDBgABAgcl/8Q
A
QxEAAQMCMBAIBQIDBwQCAGMAAQACAWQRBRlhMUFRBhMiYXGBsfAUkaHBOTLhFSpxJTNCYNk
CshYmNVIkNgc0wtLi/9oADAMBAAIRAxEAPwD6nYxdL3UcYtWWjm6TfhJWwoVnVUZptkuuFoLc
CNYOwwv6+2A5rcUypig65sgYuulBiZNiupZZS2pLaOSSKXY3UQenqf0F8KHYYWNiPqrPFbmmbm
abnwUQrrbmc6G/T3HFUlUKOBwfKs6he3Byi5/v4iqgHggdyKojlLg46HVgJgplIGHlrllNil
A+MbKi9b+0VE3+4l+2J6OFrIxSzFKl0s7jw4IoOhKGSVAWAvvhmdkgbcnRMempRWnlQgsld
WymQgX3IJfs5frgNz2g5O66ZNieQJbaXshlxR4kZfyhR3XqrXIUdJIJovvpSq/0vfCmpae2w
Oqe0cli6+XTmqiV3ink6qiU43W2pTq3CptbKiAgehcGL74rt4XA6hXiKZpa1QkzXV2KjiW4w
6l1Dg8qknvjBw2WPchJRQiFDenTVIDgbWVBKDrfiTtsAd9r+p2vgwNu3RJHjI5GrhszfPgWJo
cPLnvMPJUtexZVR0C/pYJJPsckKk9q52GnzVhooi4ADC6+Q/P2UJVxGquS+IUINMWVx721H8
zagVMuXvuFJWL/4vtgl1M18edvsclM2azsjh3HuO11L2XIr0NL0RThIR2ueHrbobUk6rd+6U
7gbDb2xKadrg4ie1002d7HNB4m3zt/RpBqVWZqkZ02fSddkOIaRrHtupRxw7teI22tkpOr